

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (87) 2023 г.

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 6 (87) 2023 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:

г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.

Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 22.12.2023 г.

Формат 70x100/16. Авт. л. 15,8.

Печать цифровая. Гарнитура DejaVu Serif.

Тираж 1000.

Заказ № 456_23.

Отпечатано в РИО СурГПУ.

© Сургутский государственный педагогический университет, 2023.

Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№6 (87) 2023 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 6 (87) 2023 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database:
RSCI, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJ, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 22.12.2023
Format 70x100/16. Auth. l. 15,8.
Digital printing. The DejaVu Serif headset.
The circulation is 1000.
Order No. 456_23.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2023.

ОТ РЕДАКЦИИ

FROM THE EDITOR

На страницах очередного номера журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» мы, продолжая традицию, публикуем материалы по экологической истории России. В нем представлены сравнительно-исторические исследования различной тематики, как уже успевшей стать традиционной для журнала (проблемы воды и водных ресурсов в истории, влияние инфекционных заболеваний и эпидемий на жизнь человека и т. д.), так и новой — животные как предмет эколого-исторического исследования, их роль в жизни общества. В Вестнике представлены материалы историков из Калининграда, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Тюмени, Сургута.

Номер открывает статьями, посвященными источниковедческим и историографическим аспектам эколого-исторических исследований (Гололобов Е. И., Рашектаева О. С., Чуркин М. К., Зыкин И. В., Ляхов М. И.). Вопросы природопользования, хозяйственно-экономические аспекты взаимодействия общества и природы рассматривались на страницах нашего журнала неоднократно и представлены в каждом номере. Анализ вопросов экономики и управления природопользованием в этом номере направлен на анализ и осмысление профессиональных дискуссий и поиск путей гармонизации экономики и экологии в рамках истории России / СССР (Афанасьев Г. Ю., Ашихина Д. С., Шмыглева А. В.).

С 2020 г., после событий, связанных с пандемией COVID-19, история медицины, инфекционных заболеваний и эпидемий, влияние их на жизнь отдельного человека и общества в целом, развитие санитарно-эпидемиологической инфраструктуры стали постоянной тематикой нашего журнала. Текущий номер продолжает эту традицию (Агафонова А. Б., Барабанова К. С.).

Как известно, инновации возможны там, где есть устоявшаяся традиция. Это про наш журнал. Наряду с традиционными для эколого-исторического номера темами «Вестника СурГПУ», мы всегда в поиске новых. Этот номер не исключение. Представляем две новации: научные экспедиции в эколого-историческом контексте и животные в жизни общества: исторический аспект (Милевский О. А., Нечипорук Д. М., Горелко А. В., Локтева А. А., Камилянов А. Р.). Надеюсь, опыт будет успешным и эти рубрики со времен станут традиционными. Ожидаемо в номере представлены исследования по проблемам воды и водных ресурсов в истории СССР (Манцеров И. И., Виноградов А. В., Мостовенко М. С., Михеев Л. И., Михеева Ю. С.).

Также в номере представлены ряд исследований по актуальным вопросам отечественной истории XVII–XX вв. (Латыпов Р. Т., Ручкин А. В., Фаизов А. В., Ищенко О. В., Раздобреев О. В.).

**Зав. НИИ исторических исследований, г. н. с., д. и. н.,
профессор, действительный член ЕСЕН**

Е. И. Гололобов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....5

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Гололобов Е. И., Рашектаева О. С.

Актуальные вопросы информационного обеспечения исторических исследований (на примере взаимодействия Государственного архива Югры и Сургутского государственного педагогического университета).....10

Чуркин М. К.

Аграрно-экологический потенциал Азиатской России как макрорегиона водворения мигрантов в мемуарах чиновника переселенческого управления МВД А.А. Татищева.....18

Зыкин И. В.

Пространство лесной экономики в исследованиях советских экономистов 1930-х гг.....28

Ляхов М. И.

Образ сибирского города в советских художественно-публицистических очерках (на примере Норильска 1950–1970 гг.).....38

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Афанасьев Г. Ю.

«Уголь сохраняет лес», «торф освобождает от болот крестьянские земли»: природоохранное восприятие аспектов топливно-энергетического перехода в российском обществе второй половины XIX — первой трети XX вв.....45

Ашихина Д. С.

Экономическая оценка стоимости природных ресурсов в СССР в 1970–1980-е гг.: подходы и методики.....58

Шмыглева А. В.

Теория и практика управления водопользованием: исторический аспект.....65

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Агафонова А. Б.

Эпидемии холеры и безопасность городской среды в последней трети XIX — начале XX вв. в Российской империи.....76

Барабанова К. С.

Эпидемии, врачи и водопровод: создание водной инфраструктуры в Западной Сибири во второй половине XIX — первой половине XX вв.....87

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЭКОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

- Милевский О.А.** Дмитрий Александрович Клеменц —
исследователь речных систем Западной Сибири
(по материалам экспедиций 1883–1885 гг.).....95
- Нечипорук Д.М., Горелко А.В.**
Открывая Россию:
научные экспедиции Генри Сибоба в Российскую империю.....105

ЖИВОТНЫЕ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

- Локтева А.А.** Лошади в повседневной жизни
российского столичного города XIX — начала XX вв.....112
- Камилянов А.Р.** Реаклиматизация соболя на территории
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 1950-е гг.....119

ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ СССР

- Манцеров И.И.** Промышленное загрязнение водных объектов в СССР:
случай реки Нерль (1937–1939 гг.).....125
- Мостовенко М.С.** Между охраной и использованием:
проблема охраны воды в СССР в 1960-е — 1970-е гг.....131
- Михеев Л.И., Михеева Ю.С.**
Малые реки севера Тюменской области в контексте
промышленного освоения региона
во второй половине XX века: экологический аспект.....143

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XVII–XX ВВ.

- Латыпов Р.Т., Ручкин А.В.**
Наградная система Российской империи
в конце XVII — начале XX вв: анализ трансформации.....149
- Фаизов А.В.** Хроника истории Кабинета министров
при разных «составах» (1731–1741 гг.).....156
- Ищенко О.В., Раздобреев О.В.**
Театр в системе образовательно-воспитательной работы
учебных заведений Сибири в конце XIX — начале XX вв.....168
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....179**
- ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....183**

CONTENTS

From the Editorial Office.....5

ENVIRONMENTAL HISTORY: SOURCE AND HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS

- Gololobov E.I., Rashektaeva O.S.**
Opical Issues of Information Support for Historical Research
(on the Example of Interaction Between the Yugra State
Archive and Surgut State Pedagogical University).....10
- Churkin M.K.**
Agricultural and Ecological Potential of Asian Russia
as a Macroregion for Migrants' Replacement in the Memoirs
of an Official of the Resettlement Department
of the Ministry of Interior A.A. Tatishchev.....18
- Zykin I.V.**
The Space of the Forest Economy
in the Studies of Soviet Economists of the 1930s.....28
- Lyakhov M.I.**
The Image of Siberian City in Soviet Art-Publicistic Sketches
(on the Example of Norilsk 1950-1970).....38

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAEMENT IN THE CONTEXT OF INTERACTION BETWEEN SOCIETY AND NATURE IN NATIONAL HISTORY

- Afanasiev G.Y.**
«Coal Saves the Forest», «Peat Takes Peasant Land from
the Swamps»: Environmental Perception of Aspects
of Fuel and Energy Transition in Russian Society
in the Second Half of the 19th — First Third of the XX Centuries.....45
- Ashikhina D.S.**
Economic Assessment of the Cost of Natural Resources
in the Ussr in 1970-1980: Approaches and Methods
Shmygleva A.V. Theory and Practice of Water
Use Management: Historical Aspect.....58
- Shmygleva A.V.**
Theory and Practice of Water Management: Historical Aspect.....65

INFECTIOUS DISEASES AND EPIDEMICS IN A HISTORICAL CONTEXT

- Agafonova A.B.**
Cholera Epidemics and the Safety of the Urban Environment
in the Last Third of the 19th —
the Beginning of the 20th Centuries in the Russian Empire.....76
- Barabanova K.S.**
Epidemics, Doctors and Water Pipes:
Creation of Water Infrastructure in Western Siberia
in the Second Half of the 19th — First Half of the 20th Centuries.....87

SCIENTIFIC EXPEDITIONS IN AN ECOLOGICAL-HISTORICAL CONTEXT

- Milevsky O.A.** Dmitry Aleksandrovich Klements —
Explorer of River Systems in Western Siberia
(Based on the Materials of the Expeditions of 1883-1885).....95
- Nechiporuk D.M., Gorelko A.V.**
Discovering Russia:
Henry Seebom's Scientific Expeditions to the Russian Empire.....105

ANIMALS IN THE LIFE OF SOCIETY: HISTORICAL ASPECT

- Lokteva A.A.** Horses in the Everyday Life of the Russian Capital City
of the XIXth -Beginning XXth.....112
- Kamilyanov A.R.** Reacclimatization of Sable on the Territory
of Yugra in the 1950s.....119

WATER AND WATER RESOURCES IN THE HISTORY OF THE USSR

- Mantsurov I.I.** Industrial Water Pollution in the USSR:
the Case of the Nerl River (1937-1939).....125
- Mostovenko M.S.** Between Protection and Use:
the Problem of Water Protection in the Ussr in the 1960th -1970th.....131
- Mikheev L.I., Mikheeva Y.S.**
Small Rivers of the North of the Tyumen Region
in the Context of Industrial Development of the Region
in the Second Half of the XX Century: Ecological Aspect.....143

TOPICAL ISSUES OF NATIONAL HISTORY OF THE XVII-XX CENTURIES

- Latypov R.T., Ruchkin A.V.**
Award System of the Russian Empire
in the Late XVII — Early XX Century: Transformation Analysis.....149
- Faizov A.V.** Chronicle of the History of the Cabinet of Ministers
under Different «Compositions» (1731-1741).....156
- Ishchenko O.V., Razdobreev O.V.**
Theater in the System of Educational Work
In Siberian Schools at the Late XIX — Early XX Centuries.....168

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....179**RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....183**

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ENVIRONMENTAL HISTORY: SOURCE AND HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.001

УДК 930.25:004(571.122)

ББК 79.3(2Рос-6Хан)с51

Е.И. ГОЛОЛОБОВ,
О.С. РАШЕКТАЕВА, АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЮГРЫ
И СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

E.I. GOLOLOBOV,
O.S. RASHEKTAEVA TOPICAL ISSUES OF INFORMATION
SUPPORT FOR HISTORICAL RESEARCH
(ON THE EXAMPLE OF INTERACTION
BETWEEN UGRA STATE ARCHIVES AND
SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ,
проект № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения
экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991».*

Взаимодействие архивистов и профессиональных историков имеет большое значение для изучения и сохранения историко-культурного наследия нашей страны во всем его региональном многообразии. Цель статьи — показать пример успешного взаимодействия архивистов Государственного архива Югры и историков Сургутского государственного педагогического университета.

В рамках выполнения СурГПУ гранта РФФ по теме «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991» с архивом был заключен договор на подготовку НСА (научно-справочный аппарат) по фонду № Р-1 «Окружной совет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа и его Исполнительный комитет». По результатам этой деятельности был подготовлен справочник по сессиям окружного Совета депутатов трудящихся ХМАО. Он дает возможность быстрого поиска информации по интересующим исследователя вопросам, в том числе по проблемам экологической истории Севера Западной Сибири. В дальнейшем планируется преобразовать справочник в базу данных и дополнить ее информацией по сессиям городских и районных Советов депутатов трудящихся ХМАО. Плодотворное сотрудничество КУ «Государственный архив Югры» и СурГПУ будет продолжено.

Interaction between archivists and professional historians is of great importance for the study and preservation of historical and cultural heritage of our country in all its regional diversity. The purpose of this article is to show an example of successful interaction between archivists of the State Archive of Ugra and historians of Surgut State Pedagogical University.

Within the framework of Surgut State Pedagogical University's fulfillment of the RNF grant on the theme «The Soviet state and society in the process of comprehension and solution of environmental problems of the North of Western Siberia in 1917–1991», a contract was concluded with the archive for the preparation of NSA (scientific reference apparatus) on the fonds No. R-1 «District Council of People's Deputies of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug and its Executive Committee». Based on the results of this activity a reference book on the sessions of the District Council of Deputies of Laborers of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug was prepared. It provides an opportunity to quickly search for information on issues of interest to the researcher, including the problems of environmental history of the North of Western Siberia. In the future it is planned to transform the directory into a database and to supplement it with information on sessions of city and district Soviets of Workers' Deputies of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. The fruitful cooperation between the State Archive of Yugra and SURSPU will be continued.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история СССР, региональная история, научно-справочный аппарат архива.

KEY WORDS: history of the USSR, regional history, scientific reference apparatus of the archive.

ВВЕДЕНИЕ. Вопросы изучения и сохранения историко-культурного наследия нашей страны в целом и отдельных ее регионов в частности на современном этапе приобретают большое общественное значение. Растет интерес к историко-культурному наследию северных регионов страны как в отечественной [3], так и зарубежной научной литературе [18]. В целом к пониманию России не как «Запада» или «Востока», а как «Севера» [2]. Защита исторической памяти с 2021 г. объявлена одним из приоритетов национальной безопасности РФ, определяющим задачи сохранения материального и нематериального культурного наследия, противодействия фальсификации истории (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 06.03.2023). Эффективность выполнения этих функций существенно возрастает, если имеет место взаимопонимание и взаимодействие исследователей и архивистов. Для успешного проведения научных исследований очень важно наладить коммуникацию специалистов архива и профессиональных историков.

В современных условиях, когда архивы выступают не только хранителями информации, но и активными участниками репрезентации накопленного ими исторического знания, особое значение имеет совершенствование научно-справочного аппарата. Современный и удобный НСА повышает коэффициент полезного действия исследовательского процесса за счет снижения затрат сил и времени на изучение значительных по объему массивов архивных документов и включения их в научный оборот. Историк не может провести плодотворных и полноценных изысканий в области прошлого без опоры на целостный архивный фонд документов. Без методически поставленной и систематической работы над изучением состава, происхождения и судеб архивных фондов невозможно историческое изучение событий и явлений [20].

Большое значение это имеет для региональных архивов, которые на современном этапе активно занимаются исследовательской, публикационной и просветительской деятельностью. Для исторической науки важно, чтобы информация была структурирована так, чтобы

она удовлетворяла потребностям исследователей, обеспечивала приращение научного знания и минимизировала информационные шум и энтропию [1].

Примером плодотворного взаимодействия архивистов и историков может служить деятельность Государственного архива Югры. **ЦЕЛЬ** статьи — на конкретном примере показать положительные результаты такого взаимодействия. Для повышения качества информационного обслуживания и расширения доступа к архивной информации всех заинтересованных в ней граждан в рамках проекта «Электронный архив Югры» с 2013 г. ведется работа по формированию цифрового контента и предоставлению его в режиме свободного доступа в сети Интернет. Уже сегодня пользователям доступно для изучения на удаленном расстоянии чуть более 45% от общего объема дел фонда Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета, что составляет — 1 098 единиц хранения. Статистика обращений к документам фонда на удаленном расстоянии рисует позитивные перспективы, так в 2018 г. посредством государственной информационной системы «Электронный архив Югры» пользователями было просмотрено 215 единиц хранения, а в 2022 г. число обращений к документам фонда составило 669 (Отчет государственной информационной системы «Электронный архив Югры» «Статистика просмотра образов»).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Фонд Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета является одним из важнейших источников по истории ХМАО-Югры в XX в. В документах фонда представлен широкий спектр вопросов, отражающих историческое развитие округа. Поэтому он востребован не только среди работников архива для исполнения должностных обязанностей, но и среди исследователей. По данным Книги выдачи архивных документов работникам учреждения из архивохранилища № 1 и Книги выдачи архивных документов в читальный зал из архивохранилища № 1 в 2022 г., количество документов Окружного Совета народных депутатов, выданных работниками архива в рамках исполнения запросов, составило более 14% от общего количества выданных работникам дел, при этом из общего количества запрошенных исследователями дел для работы в читальном зале документы Окружного Совета депутатов составили 67%.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Учитывая высокую востребованность документов фонда Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета казенным учреждением Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и растущий интерес к осмыслению, как отдельных аспектов [19], так и в целом опыта освоения северных территорий [4], «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» по запросу бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет» с целью реализации проекта «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991 гг.» в рамках регионального конкурса проектов РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» в 2022 г. проведена работа по выявлению в фондах архива информации для подготовки Справочника по сессиям окружного Совета депутатов Ханты-Мансийского автономного округа за период 1930–1991 гг.

В фонде № Р-1 «Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» было просмотрено две описи дел общим объемом 2 212 единиц хранения, из них для работы отобрана 271 единица хранения. Выявленная информация о сессиях была оформлена в виде таблицы в формате Excel, в которой отражены такие сведения как дата и название сессии, перечень вопросов, подлежащих обсуждению (повестка дня), а также поисковые данные — архивный шифр и заголовок архивного дела. Всего же в таблицу было включено 197 сессий окружного Совета депутатов Ханты-Мансийского автономного округа, что составило 1 652 записи, содержащих вопросы, обсуждаемые на заседаниях.

В целом в процессе работы над фондом особых сложностей не возникало, дела находятся в хорошей сохранности, текст в большинстве случаев машинопечатный, что облегчает работу по выявлению информации, однако небольшая часть протоколов была напечатана поверх ранее отработанных делопроизводством документах в виду экономии бумаги, что характерно для периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также небольшой процент документов имел затухающий текст. При этом в большинстве своем документы имеют электронный фонд пользования, что позволяет в случае надобности редактировать уровни яркости и контрастности с помощью компьютерных программ.

Дадим краткую характеристику состава документов фонда. В фонде № Р-1 «Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» отложено 2 425 единиц хранения архивных документов за период с 1930 по 1997 гг., в том числе протоколы сессий, заседаний исполкома, постановления вышестоящих органов, документы работы постоянных комиссий, документы о проведении выборов, информационные и статистические отчеты о работе Совета, отчеты депутатов, отчеты по кадрам, документы о награждении, о развитии соцсоревнования, документы по административно-территориальному делению, а также документы по личному составу работников Окружного Совета народных депутатов, Окружного исполнительного комитета, сельских советов, городских и районных исполнительных комитетов, и личные дела на лишенцев-кулаков.

Важнейшим источником информации по истории региона являются периодически созываемые сессии. Это основная организационная форма деятельности Советов всех уровней. Региональные и местные Советы руководили хозяйственным и культурным строительством на своей территории, привлекали каждого депутата к непосредственному участию в решении вопросов, относящихся к компетенции Совета. На сессиях рассматривались наиболее важные вопросы развития народного хозяйства и социальной сферы, культурно-бытового обслуживания трудящихся, соблюдения социалистической законности и общественного порядка. Например, об исполнении бюджета, о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности, о жилищно-бытовых условиях трудящихся, о благоустройстве, о ходе выполнения хозяйственных планов, об охране окружающей среды и другие [5].

Постоянно существующей проблемой для Советов было налаживание эффективного взаимодействия с хозяйственными организациями. Очень сложно было повышать спрос с руководителей предприятий и организаций, ужесточать контроль за выполнением принимаемых Советами решений. Особенно, когда речь шла о предприятиях геологоразведки, нефтяной и газовой промышленности, напрямую подчинявшихся союзным министерствам. На практике должностные лица очень часто игнорировали требования и распоряжения Советов. Тем не менее, активная позиция исполкомов давала свои результаты, чему есть примеры в материалах фонда.

В 1970 г. Ханты-Мансийский горисполком получил от избирателей сигналы о недопустимом поведении руководителей одной из геологоразведочных экспедиций. Эти руководители самовольно, без каких-либо официальных разрешений горисполкома, заняли территорию в поселке Рыбном (территория г. Ханты-Мансийска). Геологоразведчики построили там производственную базу, разрушили дороги, создали ряд неудобств для жителей, ухудшили экологическую обстановку. После обращения граждан, горисполком немедленно вызвал нарушителей на свое заседание. Дело было своевременно рассмотрено и «разведчикам» пришлось перебраться в другое более подходящее место для размещения своих производственных объектов.

Исполнительные комитеты Советов старались контролировать решение многих вопросов важных для жизни людей и принимать по ним меры. Например, в мае 1972 г. Ханты-Мансийский окрисполком слушал вопрос «О строительстве водопроводных и канализационных сетей в городе Нижневартовске», где были определены сроки завершения

строительства этих сооружений. В результате неудовлетворительного выполнения этого решения строители сорвали ввод этих важнейших объектов в эксплуатацию. В результате население на хозяйственно-питьевые цели пользовалось водой с водозабора из Оби без предварительной очистки, что привело к вспышке эпидемии острой дизентерии, охватившей в Мегионе и Нижневартовске 665 человек. Окрисполком вынужден был вторично вернуться к этому вопросу, но уже с организационными выводами [6]. Это было постоянной практикой работы Советов.

Большое место в деятельности депутатов занимал прием граждан. Люди шли к депутату за советом и помощью. Они ставили перед депутатами различные вопросы, которые имели большое значение для местного населения, отражали настроения масс. Каждому депутату окружного Совета исполкомы Советов на местах определяли помещения, дни и часы для личного приема избирателей, о чем население оповещалось по местному радио и путем вывешивания объявлений [7]. Депутаты отчитывались перед избирателями. Их защищал закон. Депутат не мог по инициативе администрации быть уволен с работы, переведен на нижеоплачиваемую работу без предварительного согласия Совета. Активным, принципиальным депутатам это давало возможность преодолеть бюрократические препоны, равнодушные чиновники и многое сделать для своих избирателей [8].

Важным источником по истории региона являются документы фонда, содержащие указы избирателей. Указы избирателей охватывают широкий круг вопросов, связанных с улучшением работы предприятий, колхозов и учреждений, благоустройством сел и города, строительством жилья, школ и клубов, развитием торговли, расширением сети предприятий бытового обслуживания. Таким образом, в указах избирателей были выражены насущные запросы людей, удовлетворение которых должно было лечь в основу работы каждого Совета.

После проведения выборов исполком окружного Совета обращался ко всем депутатам окружного Совета с просьбой сообщить какие указы они получили от своих избирателей, чтобы учесть их в планах работы исполкома, его отделов и принять необходимые меры для их выполнения. Исполком окружного Совета получив указы от депутатов окружного Совета, обобщал их и рассматривал на исполкоме, поручая руководителям отделов окрисполкома и руководителям хозяйственных организаций разработать мероприятия для их осуществления. По ряду указов, выполнение которых было связано с капитальным строительством культурно-бытовых объектов (детских ясель, садов, школ, больниц) в населенных пунктах округа, дальнейшей механизацией работ в рыбной и лесной промышленности, развитием нефтедобычи, установлением регулярной авиасвязи и пассажирского движения и другим, исполком окружного Совета выходил с предложением в исполком областного Совета Тюменской области и Правительство РСФСР для решения вопросов по существу [9].

Большое значение для исторического анализа деятельности Советов имеют документы постоянных комиссий, которые создавались в структурах исполнительных комитетов. Подготовка докладов и проектов решений должны были обсуждаться на заседаниях постоянных комиссий, потом выноситься на рассмотрение депутатов на сессии Совета. Не всегда эта работа проходила гладко. В комиссиях работали руководители организаций и предприятий, представители партийных комитетов, у которых был очень плотный рабочий график. Приходилось совмещать свою основную работу с работой в комиссиях. Плюс ко всему регион был большим по площади и многие территории даже в пределах одного административного района были труднодоступными. Члены постоянных комиссий районных Советов (тем более окружного Совета) были разбросаны по своим населенным пунктам по всей территории. Имели место проблемы связи и транспорта. Естественно, это сказывалось на работе комиссий. Эта проблема осознавалась и над ее решением постоянно работали. Постепенно комиссии становились полноценным органом управления [10].

В документах КПСС были сформулированы четкие указания о постепенной передаче на решение постоянных комиссий местных Советов депутатов трудящихся все большего числа вопросов, находящихся в компетенции управлений и отделов исполнительных органов. В структуре исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся ХМАО изначально работали следующие постоянные комиссии: бюджетно-финансовая, народного образования, культурно-просветительская, здравоохранения, сельского хозяйства и колхозного строительства, лесной промышленности, рыбной промышленности, торговли, кооперации и заготовок, местной промышленности, социального обеспечения [11].

Развивался округ — создавались новые постоянные комиссии. За 1960–1980-е гг. сфера их деятельности существенно расширилась, было образовано много новых комиссий, в частности, по геологоразведке, развитию нефтедобывающей промышленности, по социалистической законности, охране природы, бытовому обслуживанию населения и другие. Они решали широкий круг вопросов местной жизни, контролировали исполнение решений Советов, организовывали население на практические дела, добивались осуществления наказов избирателей [12]. В частности, постоянные комиссии по охране природы проводили большую работу по контролю за соблюдением природоохранного законодательства [13].

В ХМАО действовало свыше 1 600 самостоятельных общественных организаций с составом актива 15 305 человек, на которые опирались местные советские профсоюзные, кооперативные органы. Многие из этих активистов отдавали часть своего времени непосредственной работе в различных звеньях советского аппарата, выполняли в нем функции государственных служащих на безвозмездной основе [14].

Постоянные комиссии сельских и поселковых Советов рассматривали итоги финансово-хозяйственной деятельности учреждений, контролируемых Советом, выносили по ним решения. В их компетенции были вопросы распределения средств, полученных от перевыполнения доходной части бюджета, распределения выделяемых Совету строительных материалов для индивидуальных застройщиков, комплектование детских садов и яслей, выделения рабочим и служащим угодий. Они контролировали соблюдение законов о приусадебном землепользовании, отвод участков под индивидуальное строительство, распределение фондов товаров по предприятиям торговли и общественного питания. В компетенцию постоянных комиссий городских и районных Советов наряду с выше перечисленными вопросами (в масштабе города или района), также входили планы капитального ремонта жилищ, распределение кредитов на индивидуальное жилищное строительство, распределение новой жилой площади и квартир, освобождающихся в старых домах, распределение фонда всеобуча, комплектование школьных интернатов, утверждение смет школ, клубов, библиотек, вопросы попечительства, оказание единовременной помощи пенсионерам [15].

Расширение функций постоянных комиссий рассматривалось как расширение демократии. Большинство постоянных комиссий Советов округа регулярно выступали с докладами и содокладами на сессиях Советов и заседаниях исполкомов по вопросам хозяйственного и культурного строительства. Депутатские посты вели контроль за деятельностью различных организаций (предприятия общественного питания, торговли, детские сады) [16]. Были, конечно, и недостатки в работе комиссий. Например, по данным статистического отчета за 1961 г. шестью постоянными комиссиями Нижневартовского районного Совета было сделано 26 содокладов на сессиях Совета и заседаниях исполкома. Но при тщательном анализе протоколов сессий и исполкомов не удалось установить, чтобы когда-то и какой-то постоянной комиссией эти доклады или содоклады были сделаны. Согласно данным упомянутого отчета постоянная комиссия по торговле сделала 8 содокладов, в то время как на исполкоме райсовета за год было рассмотрено всего 2 вопроса по торговле и ни одного вопроса на сессии [17].

ВЫВОДЫ. Таким образом, материалы фонда № Р-1 «Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» содержат интересную, разноплановую информацию по истории Югры в советский период. Они отражают и положительные и отрицательные стороны развития региона через деятельность советских органов власти. Давая пищу для размышлений и анализа советской истории в ее региональном варианте. Разработка справочника по сессиям окружного Совета существенно упрощает работу исследователей. В дальнейшем планируется преобразовать справочник в базу данных и дополнить ее информацией по сессиям городских и районных Советов депутатов трудящихся ХМАО. Плодотворное взаимодействие Государственного архива Югры и Сургутского государственного педагогического университета будет продолжено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки и музеев — библиотеки — архивы как хранилища информации: теория, методология, практика / Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 75.
2. Головнёв А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
3. Иванов А.С. Рашевский В.В. Север в «Больших» и «Великих» нарративах геологического освоения // Уральский исторический вестник. 2022 № 1 (74). С. 164–172.
4. Карпов В.П. Советский исторический опыт освоения Арктики в зеркале современных проблем // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 25–30.
5. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 252, 631, 700, 1318.
6. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1109. Л. 71.
7. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1109. Л. 81.
8. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 603, 770, 829, 1032.
9. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 603. Л. 62–63, Д. 662, 722.
10. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 456. Л. 3.
11. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 483. Л. 11.
12. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 456, 483, 769, 828, 893, 959.
13. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 701, 866, 1110, 1157, 1198, 1536, 1710.
14. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 36.
15. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 40–41.
16. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 37–38.
17. КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 39.
18. Михайлицина Е.А. Основные сюжеты региональной истории Сибири в англо-американской научной проблематике // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 135–143.
19. Прищепа А.И. Формирование промышленной базы строительства в Ханты-Мансийском национальном округе // Российская история. 2020. № 5. С. 167–175.
20. Хорхордина Т.И. Историк и архивист: взаимодействие в интересах информационного обеспечения исторической науки / Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 765.

REFERENCES

1. Vorontsova E.A. *Informatsionnoe obespechenie istoricheskoi nauki i muzei — biblioteki — arkhivy kak khranilishcha informatsii: teoriya, metodologiya, praktika* [Information support of historical science and museums-libraries-archives as repositories of information: theory, methodology, practice. In Russ.] / *Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [The role of archives in the information support of historical science: collection of articles. In Russ.]. M.: Eterna publ, 2017. S. 75. (In Russian).

2. Golovnev A.V. *Severnost' Rossii* [The North of Russia]. SPb.: MAE RAN publ., 2022. 450 s. (In Russian).
3. Ivanov A.S., Rashevskii V.V. *Sever v «Bol'shikh» i «Velikikh» narrativakh geologicheskogo osvoeniya* [The North in the «Big» and «Great» Narratives of Geological Exploration. In Russ.] / *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2022, no. 1 (74). S. 164–172. (In Russian).
4. Karpov V.P. *Sovetskii istoricheskii opyt osvoeniya Arktiki v zerkale sovremennykh problem* [Soviet historical experience of Arctic exploration in the mirror of contemporary issues. In Russ.] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020. No. 63. S. 25–30. (In Russian).
5. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»* [KU «State Archive of Yugra»]. F. R-1. Op. 1. D. 252, 631, 700, 1318. (In Russian).
6. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 1109. L. 71. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
7. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 1109. L. 81. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
8. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 603, 770, 829, 1032. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
9. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 603 L 62–63, 662, 722. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
10. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»* [KU «State Archive of Yugra»]. F. R-1. Op. 1. D. 456. L. 3. (In Russian).
11. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 483. L. 11. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
12. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 456, 483, 769, 828, 893, 959. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
13. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 701, 866, 1110, 1157, 1198, 1536, 1710. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
14. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 768. L. 36. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
15. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 768. L. 40–41. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
16. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 768. L. 37–38. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
17. *KU «Gosudarstvennyj arhiv YUgry»*. F. R-1. Op. 1. D. 768. L. 39. [KU «State Archive of Yugra»] (In Russian).
18. Mikhailitsina E.A. *Osnovnye syuzhety regional'noi istorii Sibiri v anglo-amerikanskoj nauchnoi problematike* [Main Subjects of the Regional History of Siberia in Anglo-American Studies. In Russ.] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2021. No. 70. S. 135–143. (In Russian).
19. Prishchepa A.I. *Formirovanie promyshlennoi bazy stroitel'stva v Khanty-Mansiiskom natsional'nom okruge* [Formation of the industrial base of construction in the Khanty-Mansi National Okrug. In Russ.] // *Rossiiskaya istoriya*, 2020. No. 5. S. 167–175. (In Russian).
20. Khorkhordina T.I. *Istoriik i arkhivist: vzaimodeistvie v interesakh informatsionnogo obespecheniya istoricheskoi nauki* [Historian and Archivist: Interaction for the Information Support of Historical Science. In Russ.] / *Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [The role of archives in the information support of historical science: collection of articles. In Russ.]. M.: Eterna publ, 2017. S. 765. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.002

УДК 338.431:94(571)"18/19"

ББК 63.3(2)5-21

М.К. ЧУРКИН

**АГРАРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ АЗИАТСКОЙ РОССИИ
КАК МАКРОРЕГИОНА ВОДВОРЕНИЯ
МИГРАНТОВ В МЕМУАРАХ ЧИНОВНИКА
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД
А.А. ТАТИЩЕВА**

M.K. CHURKIN

**AGRICULTURAL AND ECOLOGICAL
POTENTIAL OF ASIAN RUSSIA AS
A MACROREGION FOR MIGRANTS'
REPLACEMENT IN THE MEMOIRS
OF AN OFFICIAL OF THE RESETTLEMENT
DEPARTMENT OF THE MINISTRY
OF INTERIOR A.A. TATISHCHEV**

В статье, на материалах воспоминаний чиновника Переселенческого управления А.А. Татищева, выявляются аграрно-экологические возможности различных регионов Азиатской России в аспекте организации водворения и обустройства крестьян-переселенцев. Прослеживаются основные этапы профессиональной биографии имперского чиновника ведомства как имперского эксперта, выявляются подходы и практики, используемые специалистами в определении аграрно-экологических обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих привлечению переселенческого контингента к образованию посёлков в тех или иных местностях обширного региона. Деконструкция мемуарного дискурса А.А. Татищева, произведённая с учётом «родовых» свойств источника позволяет установить ход, содержание и последовательность экспертных действий, обеспечивавших эффективность переселенческого дела на восточных окраинах, скорректировать шаблонные представления о переселенческой бюрократии как инертной массе российского чиновничества, переосмыслить результаты их работы в контексте рецепции колониального потенциала Азиатской России в широком хронологическом и территориальном контекстах.

In the article, based on the materials of the memoirs of the official of the Resettlement Administration A.A. Tatishchev, identifies the agrarian and ecological capabilities of various regions of Asian Russia in the aspect of organizing the settlement and arrangement of resettled peasants. The main stages of the professional biography of the imperial official of the department as an imperial expert are traced, the approaches and practices used by specialists in determining the agrarian and environmental circumstances that favor or hinder the attraction of the migrant contingent to the formation of settlements in certain areas of the vast region are identified. Deconstruction of the memoir discourse of A.A. Tatishchev, made taking into account the «generic» properties of the source, allows us to establish the course, content and sequence of expert actions that ensured the effectiveness of the resettlement work on the eastern outskirts, to correct the stereotyped ideas about the resettlement bureaucracy as an inert mass of Russian officials, to rethink the results of their work in the context of the reception of the colonization potential of the Asian Russia in a broad chronological and territorial context.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.А. Татищев, аграрно-экологическая экспертиза, Азиатская Россия, переселенческое движение, мемуары, Переселенческое управление

KEY WORDS: A.A. Tatishchev, agrarian and environmental expertise, Asian Russia, resettlement movement, memoirs, Resettlement Administration

ВВЕДЕНИЕ. Аграрное переселенческое движение на восточные окраины империи, развернувшееся после Великой реформы во второй половине XIX в., к началу XX столетия стало значительным фактом социально-экономической, политической и культурной реальности Российской империи. Во многом это было связано с созданием функциональной системы перемещения, водворения и обустройства лиц земледельческого сословия в губерниях и областях Азиатской России, что выражалось в предварительной оценке и последующей подготовке колонизационного фонда, финансового, технического и организационного сопровождения переселенческого дела специальным учреждением — Переселенческим управлением МВД, основанным в 1896 г.

В отечественной историографии факт создания и функционирования Переселенческого управления долгое время оценивался в сугубо технологическом ключе: в контексте организации крестьянских миграций из Европейской России и осуществления поддержки переселенцев по пути следования к местам проживания, а также кредитования переселенческих хозяйств в районах обустройства [3]; [8]; [12]. Вне исследовательской «оптики» располагались вопросы, связанные с пониманием своих задач представителями переселенческой бюрократии, социокультурной и профессиональной идентичности сообщества чиновников учреждения, по своей структуре и организационной модели, приблизившегося в начале XX в. к министерствам колоний в европейских государствах. Как пишет В. Сандерленд: «К 1910-м годам напористые чиновники Переселенческого управления, весьма сведущие в области международного колониального управления, уже активно убеждали своё начальство предпринять последний шаг к созданию полноценного колониального ведомства по примеру немцев или англичан...» [11, с. 108]. По констатации А.В. Ремнёва Переселенческое управление могло с наибольшим основанием претендовать на роль протоминистерства, но, очевидно, не колоний, а колонизации [9, с. 170].

Изменившийся в начале XXI века вектор историографического дискурса позволяет говорить о формировании на рубеже XIX–XX вв. иной, нежели в пореформенное двадцатилетие модели организации переселенческого дела, в котором стало прослеживаться стремление к разработке научного подхода к колонизационным мероприятиям, что предполагало широкий спектр экспертных исследований, предварявших практическую деятельность по переселению крестьян. Становилось очевидным, что отдельных оценочных суждений и мнений в отношении колонизационного потенциала азиатской периферии империи, представленных в трудах видных экономистов конца XIX — начала XX вв., в том числе и в аспекте аграрно-экологических условий мест предполагаемого водворения мигрантов явно недостаточно для понимания многочисленных нюансов и тонкостей процесса земледельческой колонизации окраин [1]; [2]; [4]; [5]. В ситуации прироста переселений, в экспертную работу активно включались чиновники переселенческого ведомства, совершавшие регулярные командировки в районы предстоящего вселения мигрантов, участвовавшие в разведывательных геологических, гидрографических, ботанических экспедициях и, нередко, предпринимавшие частные поездки для ознакомления со свободными землями, составлявшими колонизационный фонд империи на востоке.

К числу таких «агентов» переселенческого ведомства принадлежал А.А. Татищев, чиновник Переселенческого управления, прошедший путь от младшего служащего до помощника начальника учреждения и принимавший непосредственное участие в колонизационном деле на Дальнем Востоке, в Степном крае, Туркестане. В воспоминаниях А.А. Татищева

отражены не только основные этапы его службы в переселенческом ведомстве, но и рельефно прослеживается вклад переселенческой бюрократии в научную экспертизу аграрно-экологической среды регионов, планируемых к заселению российским крестьянством. Свидетельства и размышления, представленные Татищевым, позволяют предполагать, что наблюдения и выводы, впоследствии включаемые чиновниками в отчёты, имели первостепенное значение в деле планирования и реализации переселенческих мероприятий в губерниях и областях Азиатской России, способствовали конкретизации сведений об аграрно-экологических возможностях территорий водворения мигрантов.

Таким образом, осмысление персонального опыта чиновника Переселенческого управления А.А. Татищева, ориентированного на раскрытие аграрно-экологической ситуации в различных зонах реализации имперских колонизационных интересов, является **ЦЕЛЬЮ** исследования и представляется актуальным в научном плане, поскольку может способствовать приращению нового научного знания в сфере организации экспертной работы в рамках переселенческого дела и перемещению акцентов от изучения внешних сторон деятельности российской бюрократии к структурным элементам функционирования сообщества в осуществлении программы колонизации восточных окраин империи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основным источником настоящей статьи выступают воспоминания чиновника А.А. Татищева о его службе в Переселенческом управлении в 1906–1917 гг. [13], обращение к которым открывает научно-исследовательскую перспективу уточнения и приращения информации о сюжетах исторической реальности, связанных с рецепцией автором текущей ситуации в переселенческом деле и практиках экспертизы колонизационного фонда восточных окраин империи. Не менее существенным представляется и возможность раскрытия внутреннего мира, «человеческой составляющей» государственного чиновника «второго эшелона» российской бюрократии, его коммуникативных связей и отношений в контексте профессиональной деятельности в сфере исследования аграрно-экологических условий территорий потенциального размещения переселенцев.

Традиционные претензии в субъективности и неточности сведений, предъявляемые к источникам подобного рода, опровергают сегодня многие исследователи. Н.П. Матханова, и это важно для данной статьи, пишет: «Вообще точное воспроизведение событий через несколько лет после того, как они произошли, вряд ли возможно... Человеку свойственно запоминать не столько само событие, сколько своё восприятие его...» [6, с. 17]. Полагаем, что отсроченная рефлексия своей продолжительной службы в Переселенческом управлении, представленная в воспоминаниях А.А. Татищева, в сопоставлении с аналогичными текстами, не вошедшими в круг источников данного исследования, но учитываемых при постановке проблемы и формулировании выводов [10], позволяет обнаружить системность, взвешенность и квалифицированность суждений автора мемуаров, значительно повышая уровень доверия к тексту.

В этой связи, применяемый в статье метод деконструкции дискурса мемуарного текста, предполагающий обнаружение тематически связанных фрагментов, формирующих единое «концептуальное пространство» [7], во многом способен раскрыть логику выполнения чиновничеством своих профессиональных обязанностей и способы решения актуальных задач переселенческого дела в различных регионах Азиатской России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Представления правительственной бюрократии, к когорте которой принадлежал чиновник Министерства земледелия А.А. Татищев, о возможностях включения в ареал землепользования новых территорий на востоке империи, формировались в нескольких коммуникативных контекстах. Во-первых, в рамках функционирования Переселенческого управления МВД, учреждённого 1896 г. с целью проведения специализированной экспертизы колонизационного фонда, необходимого для водворения и обустройства крестьян-переселенцев из европейских губерний России, а также разра-

ботки финансовых и организационных мер поддержки переселенческого движения, ставшего знаменательным сюжетом российской социально-экономической и социокультурной действительности во второй половине XIX в. Во-вторых, в системе координат постоянного сообщения с региональным чиновничеством от высших страт российской бюрократии (генерал-губернаторы) до средних и мелких служащих, так или иначе инкорпорированных в переселенческое дело в широких географических границах. Следует иметь в виду, что широкий ареал колонизации, охвативший к концу XIX — началу XX вв. практически всё Зауралье от мест первоначального расселения и освоения (Тобольская, Томская губернии) до Дальнего Востока и Степного края к Туркестану, предполагал постоянную ротацию переселенческих чиновников и регулярные командировки из одних районов в другие, что значительно раздвигало границы коммуникативного взаимодействия ведомственной бюрократии. Так, А.А. Татищев за годы своей службы в Переселенческом управлении (1906–1916) выполнял различные поручения в Степном крае, на Кавказе, Дальнем Востоке, в Центральной Азии, часто в течении одного года перемещаясь между переселенческими районами [13, с. 374]. В-третьих, в ситуации взаимодействия на местах как с крестьянским переселенческим элементом, так и с коренным населением, чьи земельные участки в связи с наплывом мигрантов подвергались систематическому секвестированию и требовали от переселенческих чиновников активного включения в урегулирование конфликтных ситуаций.

Весьма существенным видится общий атмосферный фон деятельности Переселенческого управления в начале XX в., поскольку интенсификация экспертной работы в отношении свободных земель за Уралом с 1906 г. явилась прямым следствием перемен в колонизационном вопросе в сторону предоставления права аграрных переселений широкому кругу представителей крестьянского сословия независимо от состояния их хозяйства в Европейской России. Поворотным пунктом стали решения, принятые на очередном Переселенческом съезде, состоявшемся в Харькове в 1906 г. по инициативе малороссийских земств, по итогам которого была утверждена резолюция «оставлявшая необходимый простор для переселения в Сибирь всех туда стремящихся земледельцев» [13, с. 50].

По свидетельству А.А. Татищева, в 1908 г. было организовано порядка 20 экспедиций в различные части Азиатской России, предполагаемые к заселению землепашцами, при этом особо акцентировалось внимание на экспертных задачах экспедиционных работ, что выразилось в привлечении к ним представителей различных отраслей агрономической науки — почвоведов, ботаников, гидрографов, геологов [13, с. 54]. Комментируя подобный подход властей к проведению экспертизы колонизационного фонда, и отмечая его продуктивность, Татищев констатировал: «Обследование незаселённых пространств...возлагалось в предыдущие годы на старших чинов переселенческих землеотводных партий, и бывали случаи, когда производители работ намечали по неопытности под заселение земли, непригодные для земледелия — солончаковые почвы в степной полосе Сибири и Степного края» [13, с. 53].

Первая значительная экспедиция под эгидой Переселенческого управления, в которой принял участие А.А. Татищев, была организована с целью исследования территорий Дальнего Востока (бассейн реки Амур), пригодных для заселения крестьянами. Назначение Татищева членом экспедиционной партии носило во многом частный характер, а задачи, стоявшие перед ним, были сформулированы его непосредственным начальником Г.В. Глинкой: «Знаете, Алексей Алексеевич, поезжайте просто, не мудрствуя лукаво, и посмотрите, действительно ли там сплошное болото или нет? И возвращайтесь честно рассказать, что там увидите» [13, с. 55].

Экспертиза аграрно-экологической ситуации в районе предполагаемого водворения, по признанию А.А. Татищева, базировалась на предположении, согласно которому заселение новых территорий происходит постепенно, при этом отправной точкой является

уже освоенное мигрантами пространство [13, с. 60]. Татищев отметил немногочисленность таких заселённых мест в Амурской области, подчеркнув, ссылаясь на выводы почвоведов, низкое качество земель за пределами освоенных территорий, которые специалисты маркировали как «сырую степь II класса», расшифровывая данное обтекаемое определение следующим образом: из 3 десятин земли к сельскохозяйственной обработке пригодна только 1 десятина [13, с. 60].

Следует сказать, что специфика поручения, данного А.А. Татищеву, изначально ставила эксперта в условия максимально предметного и критического подхода к вскрытию и описанию аграрно-экологической обстановки в Приамурье. Во многом поэтому, на страницах воспоминаний, чиновник детально обосновывает логику своих действий и последовательность выводов. Татищев, в предварительных умозаключениях отталкивался от исторической практики колонизации региона, подчеркнув, что первыми поселенцами Приамурья стали казаки и молокане, образовавшие здесь ранние «полосы» поселенческой сети, располагавшейся на лёссовых низменных участках, прилегающих к Амуру, что во многом обеспечило экономический успех первопроходцев и способствовало широкому распространению слухов о благодатном крае [13, с. 65]. Вместе с тем, по утверждению эксперта, по мере продвижения к северу эти земли «делались более сырыми, с глинистой подпочвой, более трудными для разработки и менее благодарными в смысле урожайности» [13, с. 65]. Перемещение экспедиционеров вглубь территории Приамурья, во многом подтвердило опасения руководителя управления Г.В. Глинки: действительно большая часть пространства вдоль линии железной дороги оказалась сильно заболоченной, пригодные для распашки участки распространялись на большом расстоянии друг от друга «островами» и требовали серьёзных усилий и агрономических навыков от земледельца [13, с. 69]. Подробное ознакомление с организацией земледелия в Приамурье, предпринятое в ходе экспедиции 1911 г. и детально описанное в мемуарах Татищева, позволило не только обозначить, но и систематизировать комплекс аграрно-экологических проблем региона, настраивавших практиков переселенческого дела на осторожность и избирательность в подходах к деятельности по заселению Дальнего Востока. Среди главных проблем А.А. Татищев обозначил масштабность земельных наделов (большинство сёл занимали участки размером от 6 000 до 10 000 десятин), сосредоточенных в непосредственной близости к речным артериям и недоступность многих пригодных для распашки земель вследствие отсутствия путей сообщения и большого количества болотистых местностей. Последнее обстоятельство, наряду с таким явлением как морские туманы, существенно корректировали набор сельскохозяйственных культур (пшеница и ячмень произрастали плохо) и пагубно отражались на здоровье населения (цинга) [13, с. 108-109].

В целом, проведённая А.А. Татищевым совместно с другими чиновниками Переселенческого управления аграрно-экологическая экспертиза свободных земель Амурской области имела далеко идущие последствия, поскольку наряду с решением проблем обустройства и инфраструктурной доступности мест компактного оседания мигрантов был урегулирован один из главных вопросов колонизации Дальнего Востока: чьими силами будет осваиваться регион? Опираясь на отчёт А.А. Татищева, уже в Петербурге был кардинально переосмыслен принцип выбора основного субъекта колонизации дальневосточных земель и преодолена устоявшаяся ещё в 1890-х гг. порочная практика наделения свободными землями Приамурья служилых людей Сибирского казачьего войска, а также отработаны механизмы привлечения в этот район профессиональных землепашцев [13, с. 76].

Следующий этап экспертной деятельности А.А. Татищева оказался связан с регулярными поездками в Туркестанский край (официальное название с 1873 г.). Резкое изменение командировочного вектора являлось достаточно типичным в системе функционирования Переселенческого управления и было, как правило, связано с обстоятельствами ротации

чиновников ведомства и актуализацией переселенческих задач в том или ином регионе. После денонсации в 1911 г. торгового договора между Россией и США, развитие в Туркестане хлопководства было объявлено государственной задачей, а Татищев назначен начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, заменив на этом посту А.В. Успенского [13, с. 147]. Стоит отметить, что при назначении чиновников Переселенческого управления учитывался и такой фактор как предварительное знакомство с местом работы. А.А. Татищев ещё в 1910 г. совершил частную поездку в Туркестан, которая оказалась возможна, по его словам, «в виду снижения делопроизводительной активности в канцелярии Дальнего Востока» [13, с. 87]. Показательно, что первая поездка Татищева в Туркестанский край началась с посещения Муганской степи на Кавказе, где уже широко распространились практики искусственного орошения, взятые впоследствии за основу в хлопководческом производстве Центральной Азии. Несмотря на то, что в колонизации Туркестана доминировали задачи военного закрепления в регионе и развития хлопководческой отрасли, для чиновников Переселенческого управления вопросы водворения крестьянства из Европейской России и развития практик земледелия продолжали оставаться актуальными. Даже удручающее впечатление, сложившееся у чиновника ведомства от знакомства с «абсолютно гладкой как стол степью» по линии Средне-Азиатской железной дороги, не удержало его от констатации очевидного: большого запаса годных для земледелия площадей в Закаспийской области [13, с. 89]. При этом, А.А. Татищев отмечал, что часть пригодных земель не может быть введена в сельскохозяйственный оборот из-за отсутствия рациональной системы использования речной воды в периоды паводков, которая в период таяния снегов в горах пропадала бесследно, отсутствия достаточного количества водохранилищ и быстрого их заиливания, что неуклонно приводило к забрасыванию обработанных земель и разработке нови [13, с. 90].

Неоценимый опыт экспертизы аграрно-экологического потенциала регионов Азиатской России был приобретён А.А. Татищевым в ходе первой поездки в Туркестан, при знакомстве с частными инновационными практиками организации земледелия вдоль линии железной дороги. В одном из мемуарных сюжетов Татищев детально повествует об инициативе проведения оросительных каналов в Голодную степь опальным великим князем Николаем Константиновичем, который на личные средства способствовал образованию нескольких русских посёлков в пойменной части р. Сырдарья (13, с. 92). Ценность таких инициатив, по мнению автора, заключалась в том, что впоследствии, образованные таким образом посёлки включались в общегосударственные проекты земледельческой колонизации Туркестана [13, с. 92]. Также Татищевым, при поддержке представителей Переселенческого управления на местах, была совершена поездка в Чимган, где он смог оценить и отразить в последующих отчётах усилия местного лесничего, устраивавшего искусственные заграждения от селевых потоков [13, с. 94].

Заняв пост начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Татищев, в своей экспертной деятельности, возобновлённой в 1913 гг., опирался на ранее приобретённый опыт, ориентированный на решение одной из системных задач колонизации — создания в регионе благоприятных условия для проведения переселенческого дела, что было невозможным без учёта местных аграрно-экологических условий и разработки основных сфер деятельности переселенческого ведомства.

Так, А.А. Татищев, к основным мерам, сопутствовавшим водворению и обустройству переселенцев в Туркестанском крае относил лесоустроительную и пескоукрепительную деятельность в сочетании с организацией опытных станций и регулярными гидротехническими изысканиями [13, с. 153–154].

Специальной областью аграрно-экологической экспертизы территорий реального и предполагаемого расселения крестьян вдоль линии Средне-Азиатской железной дороги яв-

лялись исследования метеорологического характера. Сбор сведений о температуре и её распределении по сезонам года на постоянной основе, позволял определять круг сельскохозяйственных культур и формулировать конкретные рекомендации по их внедрению. Так, в результате многолетних наблюдений, было установлено, что в районе Ташкента в осенне-зимний и ранне-весенний периоды температура опускалась ниже нуля градусов практически ежегодно, что не позволяло «культивировать апельсиновые деревья, при этом летняя жара давала возможность повсеместно сеять хлопок, требовавший большого числа солнечных дней и малого количества осадков» [13, с. 161].

Отмечая важность изучения климатических условий Туркестана как региона аграрной колонизации, а также накопления и распространения опытных хозяйств, особое внимание в экспертной работе А.А. Татищева как представителя Переселенческого управления отводилось проектам и практикам орошения в районах, отводимых в текущий момент под организацию переселенческих хозяйств. В 1913-1914 гг. эпицентр аграрной колонизации Туркестанского края сместился к пространствам Голодной степи, расположенной на левобережье Сырдарьи, где перед Первой мировой войной было начато сооружение оросительных каналов и, по утверждению Татищева, предполагалось заселение «исключительно коренным русским людом» [13, с. 146]. Концентрация на задачах переселенческого движения позволила А.А. Татищеву как эксперту выделить наиболее проблемные сюжеты гидротехнической работы в колонизируемом районе Голодной степи, объективно являвшейся частью аграрной и переселенческой политики.

Во-первых, Татищев обратил внимание на то, что проект орошения, разработанный инженером Ф.Ф. Толмачёвым, предполагавший орошение 45 тыс. десятин удобной для заселения мигрантами земли, по сути перерезал старую оросительную систему, построенную великим князем Николаем Константиновичем ещё в начале 1890-х гг., в результате чего значительная доля воды уходила на орошение старожильческих земель, снижая тем самым прибыльность хозяйств переселенцев. На практике, по свидетельству А.А. Татищева, выходило, что старожилы на землях великого князя получали воду даром, тогда как переселенцы должны были выкупить стоимость оросительных сооружений, проектная стоимость которых составляла 165 рублей с десятины [13, с. 163].

Во-вторых, по мнению Татищева, при организации орошения Голодной степи с одновременным заселением переселенческим элементом, не следовало копировать опыт подобных мероприятий в Муганской степи на Кавказе. Эксперт в своих мемуарах детально пояснял, что слепое перенесение практик орошения, используемых на Кавказе в районы Туркестана привело к существенному перерасходу финансов и дало малый экономический эффект, поскольку кавказский проект реализовывался сравнительно дешёвым трудом «туземного» населения, с использованием недорогого оборудования и путём массового «залива» обширных площадей, что позволяло добиться нужного баланса между вложениями и доходами от выращенного хлопка [13, с. 164]. Между тем, в ситуации начавшегося водворения переселенцев на свободные земли Голодной степи, значительная доля затрат на орошение участков возлагалась на самих крестьян, при этом, высокие урожаи хлопка обеспечивались только большими объёмами воды, что влекло за собой подъём подпочвенных солей и снижение урожайности в последующие годы [13, с. 166].

В-третьих, как отмечал А.А. Татищев, преодолению трудностей в реализации «голодностепского» оросительного проекта препятствовала логика крестьянского мышления. Продуктивные идеи преодоления засоленности почв посредством их дренажа или расширения посевов люцерны встречали резко негативное неприятие со стороны земледельцев, говоривших: «Да какой же дурак, Ваше превосходительство, пойдёт на дело, где можно заработать 5 процентов на свои деньги, когда на хлопке всякий посредник может заработать 50 процентов на чужих деньгах» [13, с. 168].

Несмотря на неудачи в организации переселенческого дела в Туркестане, результаты аграрно-экологической экспертизы различных территорий региона позволили составить определённое представление о возможностях их сельскохозяйственного освоения, а также, как заключал Татищев, поднять общий уровень благосостояния населения [13, с. 178].

Важнейшим нюансом экспертной деятельности чиновников переселенческого ведомства являлось определение специализации подведомственных районов, выстраивание гибкой политики их заселения, что ориентировало на изучение земледельческих инициатив населения. Описывая свою деловую поездку в Закаспийскую область и Фергану в должности начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, А.А. Татищев, обратил внимание на ряд агрикультурных практик местного крестьянства, считая полезным их дальнейшее распространение. В частности, по его наблюдению, в некоторых районах Закаспийской области, российские переселенцы производили посевы озимой пшеницы, используя редкие зимние дожди, а также включали в пашенный оборот фрагменты участков, не получавших орошения (на всякий случай), что в отдельные годы увеличивало урожайность [13, с. 173].

Двигаясь через Кургатскую долину, Татищев дал подробное описание мелких хозяйств с «богарными» (неполивными) посевами в виду достаточного количества осадков, что явилось поводом к организации переселенческих посёлков хуторского типа в 1913–1915 гг. [13, с. 176]. В районе верхнего течения Амударьи, в непосредственной близости к Бухаре, где возникло несколько поселений переселенцев, А.А. Татищев отмечал успешную деятельность местных агрономов в деле организации борьбы с афганской саранчой и создания опытно-показательных хозяйств, специализировавшихся на выращивании зерновых культур в сложных природно-климатических условиях Туркестанского края [13, с. 215].

ВЫВОДЫ. В целом, можно констатировать, что мемуары переселенческих чиновников, в том числе одного из видных деятелей аграрной колонизации азиатской периферии России, чиновника переселенческого ведомства А.А. Татищева, являются ценным источником конструирования формата и содержательных аспектов работы сообщества имперских экспертов второй половины XIX — начала XX вв. Последовательная деконструкция дискурса воспоминаний Татищева, позволяющая, учитывая родовые особенности такого вида источников (разнесённость во времени событий и их описания, возрастных изменений, предельно субъективных оценок), воспринимать материал как свидетельство непосредственного участника событий, включённого в круг профессиональной коммуникации с другими персонажами переселенческого дела в исследуемый период, проследить логику и последовательность мероприятий, направленных на встраивание восточных окраин государства в общеимперский организм. В этой работе важная функция отводилась аграрно-экологической экспертизе различных территорий Азиатской России как региона водворения и обустройства переселенцев, что являлось элементом колонизационной политики империи. Материалы воспоминаний А.А. Татищева позволяют преодолеть трафаретные представления о переселенческой бюрократии пореформенной эпохи как костной и инертной массе российских чиновников, слабо связанных с реальностью и переосмыслить результаты их профессиональной деятельности в сфере рецепции аграрно-колонизационного потенциала Азиатской России в широком территориальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894. 128 с.
2. Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб.: тип. Альтшулера, 1911. 270 с.
3. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1976. 342 с.

4. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
5. Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М.: Тип. А.А. Мамонтова, 1898. 49 с.
6. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
7. Миньяр-Белоручева А. П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.
8. Ноздрин Г.А. Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибири в конце XIX — начала XX в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., 19–21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др. Новосибирск: Б. и., 1996. С. 124–126.
9. Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–182.
10. Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
11. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–150.
12. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
13. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

REFERENCES

1. Bar F. *Korennoe preobrazovanie krest'yanskogo hozyajstva i obshchinnogo zemlevladieniya* [Radical transformation of peasant farming and communal land tenure]. М.: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1894. 128 s. (In Russian).
2. Voroncov V.P. *Ocherki krest'yanskogo hozyajstva* [Sketches of peasant farming]. SPb.: tip. Al'tshulera, 1911. 270 s. (In Russian).
3. Goryushkin L.M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917)* [Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1976. 342 s. (In Russian).
4. Isaev A.A. *Pereseleniya v russkom narodnom hozyajstve* [Migration in the Russian national economy]. SPb.: A.F. Cinzerling, 1891. 192 s. (In Russian).
5. Kaufman A.A. *K voprosu o prichinah i veroyatnoj budushchnosti russkih pereselenij* [To the question of the causes and probable future of Russian migrations]. М.: Тип. А.А. Мамонтова, 1898. 49 s. (In Russian).
6. Mathanova N.P. *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian memoirs of the 19th century]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010. 551 s. (In Russian).
7. Min'yar-Beloruicheva A. P. *Tipologiya istoricheskogo diskursa* [Typology of historical discourse] // Yazyk i tekst. 2015. Part 2. No 2. S. 8–16. (In Russian).
8. Nozdrin G.A. *Gosudarstvennaya i obshchestvennaya pomoshch' pereselencam v Sibiri v konce XIX — nachala XIX v.* [State and public assistance to immigrants in Siberia at the end of the 19th — beginning of the 20th century] // Narodonaselencheskie processy v regional'noj strukture Rossii XVIII–XX vv.: Materialy mezhdunar. nauch. konf., 19–21 marta 1996 g. / Ros. akad. nauk. Sib. otd-nie. In-t istorii i dr. Novosibirsk: B. i., 1996. S.124–126. (In Russian).
9. Remnyov A.V. *Rossiyskaya vlast' v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: kolonializm bez ministerstva kolonij — russkij «Sonderweg»?* [Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without the Ministry of

- Colonies — Russian «Sonderweg»?] // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 150–182. (In Russian).
10. Romanov V.F. *Starorezhimnyj chinovnik. Iz lichnyh vospominanij ot shkoly do emigracii, 1874–1920 gg.* [Old regime official. From personal memories from school to emigration, 1874–1920]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. 336 s. (In Russian).
 11. Sanderlend V. *Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushchestvovavshee, no imevshee dlya etogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo* [Ministry of Asian Russia: a colonial department that never existed, but had every chance for this] // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S.105–150. (In Russian).
 12. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reform* [Resettlement and land management in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1962. 588 s. (In Russian).
 13. Tatishchev A.A. *Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people. In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. M.: Russkij put', 2001. 376 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.003
УДК 338.45:630:94(470/571)"1930"
ББК 63.3(2)61-2

И.В. ЗЫКИН

ПРОСТРАНСТВО ЛЕСНОЙ ЭКОНОМИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ ЭКОНОМИСТОВ 1930-Х ГГ.

I.V. ZYKIN

THE SPACE OF THE FOREST ECONOMY IN THE STUDIES OF SOVIET ECONOMISTS OF THE 1930S

Индустриализация в лесной промышленности Советского Союза в 1930-х гг. сопровождалась активизацией исследований по вопросам освоения лесов, размещения предприятий, сбыта продукции. Пространственный фактор стал основой для ряда обобщающих трудов. Целью статьи является анализ работ экономистов и специалистов лесной отрасли, осуществленных в годы первых пятилеток, касательно проблем размещения лесной промышленности и транспорта лесных товаров. Рассмотрены как опубликованные, так и неопубликованные исследования специалистов Госплана СССР и отраслевых институтов. Большое значение имели концепция размещения лесной промышленности на севере Советского Союза И. Капитонова и С. Славина, комплексные исследования Г. Чиж и В. Воздвиженского, Г. Бененсона и Г. Гугеля. Выявлены противоречия и проблемы, которые ранее не находили отражения в нормативных правовых документах и печати. В первую очередь это касается нерационального размещения предприятий, неполного использования их мощностей, нерациональных железнодорожных перевозок лесных грузов.

Industrialization in the forestry industry of the Soviet Union in the 1930s was accompanied by the intensification of research on forest development, the placement of enterprises, and the sale of products. The spatial factor became the basis for a number of generalizing works. The purpose of the article is to analyze the works of economists and specialists of the forest industry, carried out during the first five-year plans, concerning the problems of placement of the forest industry and transport of forest products. Both published and unpublished studies of specialists of the USSR State Planning Committee and industry institutes are considered. Results and scientific novelty. The concept of placing the forest industry in the north of the Soviet Union by I. Kapitonov and S. Slavin, complex studies by G. Chizh and V. Vozdvizhensky, G. Benenson and G. Gugel were of great importance. Contradictions and problems that were not previously reflected in regulatory legal documents and the press are revealed. First of all, this concerned the irrational placement of enterprises, the incomplete use of their capacities, and the irrational rail transportation of forest goods.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: первые пятилетки, лесные ресурсы, лесная промышленность, научные учреждения, исследования

KEY WORDS: first five-year plans, forest resources, forest industry, scientific institutions, research

ВВЕДЕНИЕ. Лесные ресурсы в Советском государстве, несмотря на системный кризис в конце 1910-х — начале 1920-х гг. и падение объемов промышленного производства, сохранили свое большое значение в качестве топлива, строительного материала и пред-

мета экспорта. Высшие и региональные партийно-государственные органы, в первую очередь Центральной и Северо-западной России, Европейского Севера, Поволжья и Урала, были озабочены необходимостью развития лесной отрасли.

С первых лет существования советские партийно-государственные и плановые органы поставили задачу освоения северных и восточных регионов, окраинных территорий страны. Практика приближения производств к источникам природных ресурсов обосновывалась в первую очередь необходимостью удешевления продукции. Централизованное управление экономикой позволяло при этом избегать многих издержек или возмещать их за счет других отраслей. В северо-западных, западных, центральных районах страны, на Урале лесные массивы были истощены длительными рубками, предприятия были мелкими и средними. Требовалось вовлечь в хозяйственный оборот новые лесные массивы, построить передовые производства, что влекло за собой изменения в пространственном размещении лесной промышленности.

ЦЕЛЬ. Наличие значительных запасов древесины в стране при их низкой степени изученности, освоение массивов и строительство предприятий в малоосвоенных северных и восточных районах обусловили формирование направлений экономических исследований. Пространственный фактор стал основой для ряда обобщающих работ. В данной статье будут рассмотрены наиболее важные отечественные работы по изучению лесных ресурсов страны и отдельных регионов с целью их промышленного освоения и строительства предприятий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Масштабные работы по изучению и освоению лесов, реконструкции и строительству предприятий, осуществленные в годы первых пятилеток, позволяют утверждать — в территориально-производственном отношении — о формировании пространства лесной экономики. Лесоэкономические исследования в масштабе страны осуществлялись с начала 1920-х гг., в связи с деятельностью Государственной комиссии по электрификации России [1, с. 11-14; 16, с. 175-179] и подготовкой первого пятилетнего плана [10]. Изучение публикаций экономистов, плановиков 1930-х гг. [4; 6; 7; 11; 23; 26], а также ряда поздних работ [5; 25] показало, что физико-географический и транспортный факторы играли в этом процессе решающую роль.

В большинстве работ послевоенного периода, в том числе в исторических исследованиях [2; 14; 15; 17], экономическому и пространственному аспектам истории лесной промышленности уделено также недостаточно внимания (непременная фраза — о так называемом «индустриальном сдвиге на восток»). В ряде современных, качественно подготовленных трудов [3; 24] пространственный анализ исторического развития регионов занимает важное место. Предпринятое М.А. Фельдманом и И.В. Зыкиным исследование проблем пространственного размещения промышленности в годы первых пятилеток [9; 20] показало актуальность данной темы. Однако ряд вопросов требует дополнительного изучения. Один из них — исследование работ советских экономистов 1930-х гг. касательно пространственного размещения лесной промышленности. Представляется, что выявленные ими противоречия и проблемы существенно отличаются от тех, что назывались на партийных мероприятиях, в прессе, и позволяют глубже понять развитие отрасли.

Помимо опубликованных работ (прежде всего, в журнале «Плановое хозяйство»), в центральных архивах имеются материалы об осуществленных сотрудниками отраслевых научно-исследовательских институтов, Госплана СССР исследованиях лесной промышленности. В фондах Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб) хранятся материалы о деятельности научно-исследовательских и проектных учреждений фанерной, целлюлозно-бумажной отраслей. В частности, в фонде Р-303 (Всесоюзный научно-исследовательский институт целлюлозной и бумажной промышленности (ВНИИБ) Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР) содержится обширный комплекс документов, характеризующих научные, исследовательские,

проектные работы учреждения (в том числе проекты предприятий), заграничные поездки специалистов, направления развития отрасли.

Результаты масштабных исследований лесной промышленности хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). В фонде 399 (Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР) находится капитальное исследование экономистов Г.П. Чижа и В.И. Воздвиженского «Анализ производственно-территориальных сдвигов в лесной промышленности за первое и второе пятилетие и принципы размещения ее в третьем пятилетии», подготовленное в 1938 г. (основные его положения опубликованы в журнале «Плановое хозяйство»: [8; 22]).

Исследования советских экономистов 1930-х гг. касательно лесной промышленности охватывали разные по площади пространства: от отдельного района до страны в целом. Анализ этих работ, введение в научный оборот архивных материалов позволят углубить представления о планах, результатах и проблемах развития лесной промышленности в годы первых пятилеток, что актуально и для современного этапа, который характеризуется приближением производств к рынкам сбыта, усилением позиций Европейского Севера, Центральной России и Восточной Сибири в отрасли.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Нужно отметить, что в первой половине 1930-х гг. общий запас лесных насаждений в СССР определялся в размере 29,2 млрд м³. Наибольшие объемы древесины были сосредоточены в Северном (13,5% к показателю по стране), Восточносибирском (23,9%) и Дальневосточном (15%) краях, Якутской автономной республике (13,7%). Было устроено и обследовано 35,8% лесной площади, необследованными и неустроенными оставались обширные массивы в труднодоступных и неосвоенных районах северной, восточной и северо-восточной частей страны [19, с. LIX, LXII-LXIII]. Индустриализация лесной промышленности при дефиците сведений о лесах способствовала активизации экономических исследований.

Одним из первых научных исследований лесов с целью определения перспектив целлюлозно-бумажной отрасли на вторую пятилетку стала работа коллектива Экономического кабинета Всесоюзного научно-исследовательского института бумаги под руководством А. Тимашева, выполненная в 1931-1932 гг. Авторы справедливо отмечали приоритет древесины в качестве источника сырья для целлюлозно-бумажных производств и крайне низкую степень изученности лесных пространств, даже в Европейской части РСФСР, что вступало в противоречие с принципом размещения промышленности — приближение предприятий к источникам ресурсов [21, л. 1-2]. Однако сотрудники института, понимая масштабность стоявших задач и реализуя, по сути, кабинетное исследование, сосредоточились на рассмотрении лесных ресурсов Ленинградской области (без Мурманского края), в отношении которых имелись подробные сведения.

Несмотря на дефицит фактического материала, начало 1930-х гг. было отмечено формулированием концепции пространственного развития лесной промышленности. И. Капитонов и С. Славин комплексно подошли к проблеме освоения Советского Севера, представив свою версию его развития во второй пятилетке. Авторы, отмечая условность понятия «Север», относили к нему районы, «расположенные севернее освоенной полосы Советского Союза, и районы, охваченные длительным народнохозяйственным планом» Урало-Кузнецкого комбината. Исследование было направлено на решение двух ключевых проблем: развития лесной промышленности и реконструкции промыслового хозяйства коренных народов. Выделялись зоны Европейского и Азиатского Севера. На этой территории произрастали основные запасы лесов, но относительно освоены они были только в Карелии и западной части Северного края. Север к концу первой пятилетки давал 42,7% общего объема заготовки древесины в стране и почти целиком обеспечивал лесной экспорт [11, с. 168-169].

Авторы отмечали «наибольшую экономическую связь отдельных регионов Севера с более южно расположенными индустриальными районами и минимальные внутренние связи между экономическими районами Севера» с усилением их к западу страны и предлагали решение проблем освоения территории посредством выделения 6 экономических комплексов с конкретными специализациями. Ключевым принципом размещения и функционирования лесопромышленных узлов стала направленность на удовлетворение внутренних потребностей страны, экспорта (в том числе возможность изменить эту направленность в зависимости от конъюнктуры мирового лесного рынка) [11, с. 169, 171, 175].

Можно сделать вывод о глубоком понимании И. Капитоновым и С. Славиним направлений пространственного размещения лесопромышленного комплекса на Советском Севере, который уже в среднесрочной перспективе превращался в основной лесопромышленный район страны, учитывавших изменчивую конъюнктуру мирового лесного рынка, особенно в связи с мировым экономическим кризисом, и увеличение внутренних потребностей в древесине. В связи с планировавшимся возрастанием роли Советского Севера в заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины, увеличением потребностей страны в лесных ресурсах и материалах подход Капитонова и Славина, сильной стороной которого является также прогнозирование транспортных потоков древесины, представляется рациональным. Скорее всего, идеи авторов использовались при определении перспектив пространственного размещения лесопромышленного комплекса СССР, поскольку в последующие десятилетия отрасль развивалась в направлении дальнейшего освоения лесов северных и восточных районов и формирования новых лесопромышленных узлов, в том числе функционировавших в рамках территориально-производственных комплексов.

В годы третьей пятилетки изучение лесов и лесной промышленности с целью определения перспектив развития отрасли получило новый импульс. Важно было осмыслить итоги первой и второй пятилеток, а также сформулировать предложения по оптимизации направлений перевозок леса.

В 1938 г. Г.П. Чижом и В.И. Воздвиженским (Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР) было осуществлено масштабное исследование по теме «Анализ производственно-территориальных сдвигов в лесной промышленности за первое и второе пятилетие и принципы размещения ее в третьем пятилетии». Лейтмотивом исследования стало наличие диспропорций между состоянием сырьевых баз и степенью заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины. Ученые констатировали, что отставание лесной промышленности от других отраслей носит хронический характер и с каждым годом увеличивается. Критике подверглась и система планирования и управления лесной промышленностью («множественность хозяев леса») [18, л. 4, 6]. В связи с этим ключевыми направлениями развития отрасли становились ликвидация непроизводительных перевозок леса, перемещение основных мощностей сферы заготовки древесины в северные и восточные районы страны.

Авторы разбили территорию Советского Союза на 7 районов: старые промышленные районы (Ленинградская, Московская, Калининская, Ярославская и Ивановская области); юг и запад Европейской части СССР (Украинская и Белорусская ССР, Курская и Воронежская области); Среднее и Нижнее Поволжье (начиная от Горьковской области и Урала — в части, входящей в водоохранную зону); Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье); Казахская АССР и среднеазиатские республики; северные районы Европейской части СССР (Карельская АССР, Коми АССР и Северный край); Сибирь и Дальневосточный край (включая часть Свердловской области, не входящую в водоохранную зону) [8, с. 78–79, 84–85].

Приведенные данные свидетельствуют о существенном росте за период с 1928/1929 по 1937 г. (плановый показатель) промышленной вывозки древесины в старых промышленных районах, Среднем и Нижнем Поволжье, северных районах Европейской части СССР,

Сибири и Дальневосточном крае. Если в 1932 г. основную долю вывозки леса давали районы центральной части страны (в сумме по трем районам — 62%), то по плану на 1937 г. в лидеры выдвигались лесоизбыточные районы Севера и Востока Советского Союза (в сумме — 54,8%). Выпуск пиломатериалов увеличивался высокими темпами в Среднем и Нижнем Поволжье, северных районах Европейской части страны, Сибири и Дальневосточном крае. Если в 1928/1929 г. на лесоизбыточные районы приходилось 33,5% производства пиломатериалов, то в 1932 г. — 36,5%, а по плану на 1937 г. — 50,8%. Что касается изготовления фанеры, то за две пятилетки кардинальных изменений в размещении отрасли не произошло. Основные объемы продукции давали районы центральной части страны: в 1928/1929 г. — 92%, в 1932 г. — 92,2%, по плану на 1937 г. — 88,6%.

Еще более показательны данные, и это редкий случай публикации подобной статистики, о производственной мощности лесопильной отрасли — свидетельстве скрытых резервов [8, с. 81–83]. Общая мощность предприятий в 1936 г. определялась в 74,6 млн м³ пиломатериалов. Здесь выделялись три района центральной части страны с 59,2% мощностей и два лесоизбыточных района с 35,3%. Другое дело, что степень использования этих мощностей по плану на 1937 г. равнялась только 46,2%. То есть больше половины пилорам проставляли основную часть календарного года — в связи с тем, что так называемые «прочие лесозаготовители» устанавливали на своих вспомогательных заводах и подсобных цехах высокопроизводительное оборудование, которое функционировало по мере возникновения потребностей. В дополнение к статистическим данным В. Воздвиженский указывал, что многие лесопильные заводы, подведомственные «прочим организациям», появились во второй пятилетке, притом стихийно, за рамками программы пятилетнего плана. Автор писал о необходимости прекращения «внепланового строительства» лесопильных предприятий и удовлетворения потребностей в пиломатериалах Наркомлесом [8, с. 83].

Г. Чиж выделил в Европейской части страны лесодефицитную, лесоизбыточную и промежуточную (территории, которые покрывают потребности в древесине, но «стоят на грани необходимости дополнительного ввоза леса») зоны. Он предлагал бережно относиться к лесам промежуточных районов, однако данные об объемах заготовки древесины в первой и второй пятилетках показывали более высокие темпы эксплуатации лесных массивов именно в лесодефицитных районах. Даже в промежуточной зоне, после небольшого снижения размеров лесозаготовок во второй пятилетке, с 1938 г. наметился рост плановых заданий.

Опасность исчерпания лесных ресурсов в лесодефицитной зоне Европейской части СССР заставила Г. Чижа вновь, как это было в 1932–1933 гг. на всесоюзных конференциях по реконструкции лесной промышленности, развивать идеи о переносе части мощностей лесопильной отрасли (300–400 пилорам) в лесоизбыточные районы. Исследователь считал, что данный перенос можно осуществить за один-два года и в течение этого времени окупить затраты — за счет экономии на железнодорожных перевозках. Причем срок работы перенесенных лесозаводов не должен был превышать 7–10 лет, то есть до начала строительства новых производств в соответствии с планом размещения лесной промышленности в северных районах страны. Данный аспект автором не был проработан с финансовой стороны. В лесодефицитной зоне предприятия должны были представлять собой сложные комбинаты с объемом производства в зависимости от размеров годичной лесосеки. В связи с этим важным моментом являлось предложение экономиста параллельно вести подготовку генерального плана развития лесной промышленности.

Г. Чиж обратил особое внимание на «дробность перевозок и чрезмерное число железнодорожных направлений», вызывавших большое количество встречных перевозок древесины по оси Север — Центр — Юг. Целесообразнее, по мнению исследователя, было сфокусировать перевозки леса по четырем основным направлениям: Карелия (Ленинград-

ская область) — Украина; Архангельская область, Коми, Вологодская область (Московская область) — Крым; Урал — Кавказ; Урал — Центр [18, л. 9-10; 22, с. 103-104, 106-107].

Недостаточно аргументированной, основанной лишь на необходимости развития лесопиления и эксплуатации перестойных насаждений, следует признать позицию Г.П. Чижа относительно сокращения сроков амортизации целлюлозно-бумажных предприятий в северных и восточных районах страны (на то время — 40 лет) [18, л. 11-12]. Перспективы функционирования таких производств после исчерпания сырьевых баз были неясными. Другое предложение, более актуальное с точки зрения снабжения потребителей продукцией, — децентрация древесно-массных и целлюлозных заводов (их мощность не должна была превышать 20-50 тыс. т).

В целом, стержнем развития лесопромышленного комплекса в третьей пятилетке, по мнению участников бригады Совета по изучению производительных сил, становилось не только «правильное» размещение комплекса, но и рационализация лесопромышленного производства (для выпуска полуфабрикатов, черновых изделий) для сокращения непроводительных железнодорожных перевозок леса.

Ряд статей в журнале «Плановое хозяйство» на рубеже 1930-1940-х гг. дополнил противоречивую картину лесопользования и транспорта лесных товаров в Советском Союзе.

С. Бурень, соглашаясь с отсутствием связи между количеством пилорам в отдельных регионах и запасами делового леса, подсчитал, что, если лесопильные заводы Украины полностью загрузить местным пиловочным сырьем, то его хватило бы на 3 года, в Белоруссии и Центральной России — на 7-8 лет. В результате многие лесозаводы в этих районах большую часть года бездействовали. Очевидно, что более трети пилорам, установленных в годы первых пятилеток, функционировали в районах без соответствующих лесных запасов, при этом непрофильные народные комиссариаты возводили лесопильные заводы вне пятилетних планов развития лесной промышленности. Стимулирующим фактором здесь выступало отсутствие росписи лимитов капиталовложений, поэтому заготовка леса, строительство лесопильно-деревообрабатывающих предприятий записывались в нижелимитные работы и не фигурировали в планах. Наркомлес СССР этим процессам был не в силах противостоять [7, с. 51-53].

Экономист А. Коробов считал нерациональное размещение лесопромышленных предприятий и дальние и встречные перевозки лесных ресурсов и материалов следствием ошибок в планировании развития отрасли именно в районном разрезе, наличия более 50 лесозаготовителей, имевших производства и действовавших в сугубо ведомственных интересах. Так, Украинская ССР получала круглый лес из 41 района страны, отправляла в 29. Из малолесной Воронежской области круглый лес вывозился в 9 регионов, в том числе в далекую Таджикскую советскую республику. А. Коробов был солидарен с другими экономистами и специалистами лесной отрасли в том, что отдельные ведомства сооружали лесопильные заводы для удовлетворения своих потребностей: «часто без учета не только баланса круглого леса по району в целом, но без учета использования мощностей в будущем» [13, с. 63-64]. Помимо необходимости завоза пиловочника из северных и восточных районов страны обострялась проблема использования отходов лесопиления.

А. Комаров, ссылаясь на работу Г.П. Чижа, в которой он переформатировал схему межрайонных перевозок круглого леса, оставив 79 маршрутов из 910, составил перспективную схему снабжения потребителей древесиной, положив в ее основу переориентацию потоков из лесозаготовительных районов в лесодефицитные по кратчайшим путям с севера на юг. Исследователь выделил три лесных базы союзного значения — полигона: западный (Карелия, Архангельская и Вологодская области), центральный (Коми АССР, Пермская, Кировская, Горьковская области, Удмуртская, Марийская, Чувашская автономные республики, районы г. Котласа и верховьев р. Тавды), восточный (Урал и Зауралье). Мнения А. Комарова

о перевозках готовой продукции и полуфабрикатов, о рациональном использовании лесов водоохранной зоны и местного значения следует оценить — в контексте содержания третьей пятилетки — как логичные и перспективные. Ученый выступил также за создание системы меридиональных железных дорог, чтобы сократить путь движения сырья и продукции (в том числе лесной) из северных районов в Центральную часть страны, быстрее освоить Север [12, с. 112, 119]. Данное предложение, затрагивавшее узкий круг хозяйственных задач, вряд могло претендовать на статус приоритетного и требовало более глубокой проработки.

В. Чуистов (Центральный научно-исследовательский институт целлюлозной и бумажной промышленности) резко критиковал сложившееся за годы первых пятилеток размещение целлюлозно-бумажных предприятий, возложив вину, в духе времени, на «вредителей» [23, с. 65–66]. Логика была такова: основные мощности отрасли оказались сосредоточены в лесоизбыточных районах, тогда как в безлесных районах строительство предприятий на базе местных видов сырья (тряпье, макулатура, отходы механической обработки древесины, солома, зерновые культуры, стебли и отходы технических культур) осуществлялось низкими темпами.

Автор писал о разрыве между потреблением бумаги и картона в Центральной России и Украинской ССР и местным производством. Не отрицая в целом необходимость продолжения строительства крупных комбинатов в лесоизбыточных районах (хотя и сопровождавшегося издержками на завоз рабочей силы, техники, лошадей, продовольствия, сооружение лесовозных дорог), ученый предлагал возводить средние и малые предприятия, сырьевой базой которых выступала как древесина, так и местные ресурсы [23, с. 68–70]. Экономической основой данного шага Чуистову представлялось комбинирование бумажной отрасли с сельским хозяйством и производствами, имеющими волокнистые отходы (к примеру, заводы дубильных экстрактов, котонинные фабрики, деревообрабатывающие предприятия).

Экономисты Г. Бененсон и Г. Гутель отмечали отрицательные последствия работы прочих лесозаготовителей, на которых приходилось 35% объемов вывозки леса и лесопиления, из-за чего потребители недостаточно и несвоевременно снабжались древесиной [4, с. 28–29]. Выявлялись две опасные тенденции в размещении лесопильной отрасли: финансирование других ведомств, а не Наркомлеса; установка новых пилорам (до половины) в лесодефицитных районах, вошедших в водоохранную зону. Предложения о закреплении за перспективными предприятиями сырьевых баз, демонтаже оборудования с заводов, слабо обеспеченных древесиной, и переносе его в лесоизбыточную зону не являлись новыми, они звучали и на отраслевых конференциях в процессе разработки второго пятилетнего плана.

Помимо этого, экономисты считали необходимым учитывать опыт США и Германии и соорудить небольшие лесопильные заводы при механизированных лесопунктах для грубой обработки древесины и укомплектованные или упрощенные предприятия при перевалочных базах. Эти действия позволяли лучше использовать сырье и сократить объемы железнодорожных перевозок леса. Но главным мероприятием должно было явиться составление специального отраслевого плана с охватом предприятий всех ведомств.

Актуальным было увеличение масштабов пропитки лесных материалов (хотя об этом говорилось еще накануне второй пятилетки), однако размещение шпалорезных и шпалопропиточных заводов характеризовалось как нерациональное. Тарное производство критиковалось за нерациональное расходование древесины и низкий уровень внедрения стандартов. Предлагалось развивать выпуск тары на Европейском Севере, где имелся большой объем отходов лесопиления, сократить расход пиловочника для изготовления продукции [4, с. 30–35].

ВЫВОДЫ. В ходе реализации первых пятилетних планов советские экономисты стремились не только осмыслить результаты развития лесной промышленности и определить

ее перспективы, но и более объективно, всесторонне — и наличие неопубликованных исследований это подтверждает — проанализировать противоречия и проблемы.

Важным итогом этого периода стало появление концепции пространственного размещения лесной промышленности в северной макрорегии Советского Союза. Она имела большое значение для разработки планов развития отрасли в послевоенный период. В конце 1930-х — начале 1940-х гг., когда дефицит сведений о лесах и лесной промышленности уже не был столь острым, как в годы первой пятилетки, авторы указывали на те моменты, которые до этого в силу разных причин не замечались или игнорировались. В то же время формулировались весьма актуальные для периода предложения по разработке генеральных схем освоения лесных массивов и генеральных планов развития отрасли.

Буму публикаций о проблемах размещения лесной промышленности сопутствовало проведение комплексных научных исследований, впервые реализованных применительно к экономике отрасли и в масштабах страны. По сути, речь идет о признании экономистами допущенных в годы первой и второй пятилеток ошибок в размещении лесопромышленного комплекса. Исследователи настаивали на коррекции размещения предприятий — прежде всего, на переносе части лесопильных заводов из лесодефицитных в лесоизбыточные районы с целью уменьшения объемов перевозок круглого леса

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров И.Г. Экономическое районирование России. М.: Госплан, 1921. 15 с.
2. Бабкина К.Я. Борьба коммунистической партии за выполнение первой пятилетки в области лесной промышленности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 17 с.
3. Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / пер. с англ. Е.В. Мухиной. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 400 с.
4. Бененсон Г., Гугель Г. Очередные вопросы снабжения народного хозяйства лесом // Плановое хозяйство. 1941. № 5. С. 27–36.
5. Бененсон Г.М. Древесина в народном хозяйстве СССР. М.; Л.: Государственное лесотехническое изд-во, 1947. 220 с.
6. Богорад Д. Енисейский лесопромышленный комплекс // Плановое хозяйство. 1938. № 2. С. 126–132.
7. Бурень С. О резервах лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1940. № 2. С. 50–55.
8. Воздвиженский В. Развитие лесной промышленности и размещение ее в третьей пятилетке // Плановое хозяйство. 1937. № 9–10. С. 78–86.
9. Зыкин И.В. Концепции лесопромышленного освоения севера Сибири в конце 1920–1930-х гг. // Регионалистика. 2022. Т. 9, № 4. С. 19–33.
10. Ивановский М.И. Лесо-экономическая география Союза ССР. М.: Новая деревня, 1928. 120 с.
11. Капитонов И., Славин С. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 168–189.
12. Комаров А. О развитии железнодорожной сети Поволжья // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 106–123.
13. Коробов А. Районный разрез народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1939. № 1. С. 58–68.
14. Кузнецов А.Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. 19 с.
15. Первозванский И.В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XIX. Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959. С. 5–75.
16. План электрификации РСФСР. Доклад 8-му Съезду Советов государственной комиссии по электрификации России. 2-е изд. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. 660 с.

17. Пятовский В.П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ленинград, 1974. 45 с.
18. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 23.
19. Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. 690 с.
20. Фельдман, М. А., Зыкин, И.В. Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и реализация советского индустриального проекта. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2022. 251 с.
21. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-303. Оп. 1-1. Д. 77.
22. Чиж Г. Узкие места лесной промышленности // Плановое хозяйство. 1939. № 2. С. 99–116.
23. Чуистов В.О. развитии бумажной промышленности // Плановое хозяйство. 1939. № 10. С. 63–71.
24. Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. 463 с.
25. Algvare K.V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. 449 p.
26. Katkoff V. Timber Industry of the U.S.S.R. // Economic Geography. 1940. Vol. 16, no. 4. Pp. 390–406.

REFERENCES

1. Aleksandrov I.G. *Jekonomicheskoe rajonirovanie Rossii* [Economic zoning of Russia]. Moscow, Gosplan, 1921. 15 s. (In Russian).
2. Babkina K. Ja. *Bor'ba kommunisticheskoy partii za vypolnenie pervoj pjatiletki v oblasti lesnoj promyshlennosti: Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [The struggle of the Communist Party for the implementation of the first five-year plan in the field of forest industry: Abstract of the thesis of the candidate of historical sciences]. Leningrad, 1955. 17 s. (In Russian).
3. Baron N. *Vlast' i prostranstvo. Avtonomnaja Karelija v Sovetskom gosudarstve, 1920–1939* [Power and space. Autonomous Karelia in the Soviet State, 1920–1939]. Moscow, ROSSPJeN, Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 2011. 400 s. (In Russian).
4. Benenson G., Gugel' G. *Ocherednye voprosy snabzhenija narodnogo hozjajstva lesom* [The next issues of supplying the national economy with forest] [Planned economy]. 1941. No. 5. S. 27–36. (In Russian).
5. Benenson G.M. *Drevesina v narodnom hozjajstve SSSR* [Wood in the national economy of the USSR]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe lesotekhnicheskoe izd-vo, 1947. 220 s. (In Russian).
6. Bogorad D. *Enisejskij lesopromyshlennyj kompleks* [Yenisei Timber Industry Complex] [Planned economy]. 1938. No. 2, pp. 126–132. (In Russian).
7. Buren' S. *O rezervah lesnoj promyshlennosti* [About the reserves of the forest industry] [Planned economy]. 1940. No. 2. S. 50–55. (In Russian).
8. Vozdvizhenskij V. *Razvitie lesnoj promyshlennosti i razmeshhenie ee v tret'ej pjatiletke* [Development of the forest industry and its placement in the third five-year plan] [Planned economy]. 1937. No. 9–10. S. 78–86. (In Russian).
9. Zykin I.V. *Koncepcii lesopromyshlennogo osvoenija severa Sibiri v konce 1920–1930-h gg.* [Concepts of the timber industry development of the North of Siberia in the late 1920s–1930s] [Regionalism]. 2022. Vol. 9. No. 4. S. 19–33. (In Russian).
10. Ivanovskij M.I. *Leso-jekonomicheskaja geografija Sojuza SSR* [Forest economic geography of the USSR]. Moscow, New Village Publ., 1928. 120 s. (In Russian).
11. Kapitonov I., Slavin S. *Problemy osvoenija Severa vo vtoroj pjatiletke* [Problems of development of the North in the second five-year plan] [Planned economy]. 1932. No. 3. S. 168–189. (In Russian).
12. Komarov A. *O razvitii zheleznodorozhnoj seti Povolzh'ja* [About the development of the railway network in the Volga region] [Planned economy]. 1939. No. 5. S. 106–123. (In Russian).

13. Korobov A. *Rajonnyj razrez narodnohozjajstvennogo plana* [Regional section of the national economic plan] [Planned economy]. 1939. No. 1. S. 58–68. (In Russian).
14. Kuznecov A.F. *Bor'ba partijnyh organizacij za razvitie lesnoj, derevoobrabatyvajushhej i celljulozno-bumazhnoj promyshlennosti Urala v 1933–1937 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The struggle of party organizations for the development of the forest, woodworking and pulp and paper industry of the Urals in 1933–1937: Abstract of the thesis of the candidate of historical sciences]. Sverdlovsk, 1979. 19 s. (In Russian).
15. Pervozvanskij I.V. *Ocherki po razvitiyu lesnogo hozjajstva i lesnoj promyshlennosti Karelii* [Essays on the development of forestry and forest industry in Karelia] [Proceedings of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue XIX. Issues of rational use of Karelian forests]. Petrozavodsk, 1959. S. 5–75. (In Russian).
16. *Plan jelektrifikacii RSFSR. Doklad 8-mu S'ezdu Sovetov gosudarstvennoj komissii po jelektrifikacii Rossii. 2-e izd.* [The electrification plan of the RSFSR. Report to the 8th Congress of Soviets of the State Commission for Electrification of Russia]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1955. 660 s. (In Russian).
17. Pjatovskij V.P. *Osushhestvlenie leninskoj programmy razvitija proizvoditel'nyh sil Evropejskogo Severa SSSR (1917–1941 gg.): Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Implementation of Lenin's program for the development of the productive forces of the European North of the USSR (1917–1941): Abstract of the dissertation of the doctor of historical sciences]. Leningrad, 1974. 45 s. (In Russian).
18. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RSAE). Fond 399. Inv. 3. Case. 23. (In Russian).
19. *Socialisticheskoe stroitel'stvo SSSR. Statisticheskij ezhegodnik* [Socialist construction of the USSR. Statistical Yearbook]. Moscow, CUNHU Gosplana SSSR, 1935. 690 s. (In Russian).
20. Fel'dman M. A., Zykin I.V. *Prostranstvennoe razmeshhenie promyshlennosti SSSR v gody predvoennyh pjatiletok: zamysel i realizacija sovetskogo industrial'nogo proekta* [Spatial placement of the USSR industry during the pre-war five-year plans: the idea and implementation of the Soviet industrial project]. Ekaterinburg: OOO Universal'naja Tipografija «Al'fa Print», 2022. 251 s. (In Russian).
21. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv nauchno-tehnicheskoy dokumentacii Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg] (CSASTD of Spb). Fond R-303. Inv. 1–1. Case. 77. (In Russian).
22. Chizh G. *Uzkie mesta lesnoj promyshlennosti* [Bottlenecks of the forest industry] [Planned economy]. 1939. No. 2. S. 99–116. (In Russian).
23. Chuistov V.O. *razvitii bumazhnoj promyshlennosti* [About the development of the paper industry] [Planned economy]. 1939. No. 10. S. 63–71. (In Russian).
24. Shubin S.I. *Severnyj kraj v istorii Rossii. Problemy regional'noj i nacional'noj politiki v 1920–1930-e gody: Monografija* [The Northern Region in the history of Russia. Problems of regional and national policy in the 1920s–1930s: Monograph]. Arhangel'sk: Pomorskij gosudarstvennyj universitet, 2000. 463 s. (In Russian).
25. Algreve K.V. *Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities*. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. 449 p. (In English).
26. Katkoff V. *Timber Industry of the U.S.S.R.* [Economic Geography]. 1940. Vol. 16, no. 4. P. 390–406. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.004

ББК 83.3(2Рос-6Яма)6-446

УДК 821(571.121)-3«1950/1970»

М.И. ЛЯХОВ

**ОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА
В СОВЕТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ
(НА ПРИМЕРЕ НОРИЛЬСКА 1950–1970 ГГ.)**

M.I. LYAKHOV

**THE IMAGE OF A SIBERIAN CITY
IN SOVIET FICTION AND PUBLICIST
LITERATURE (BASED ON THE EXAMPLE
OF NORILSK 1950S – 1970S)**

Сибирский Север занимает важную роль во внутригосударственной политике России. Вместе с началом индустриального освоения часть основанных сибирских поселений превращалась в крупные ресурсодобывающие базы. Ключевая цель всех городских поселений Севера Сибири оставалась неизменной — адаптация к климатическим условиям местности и извлечение природных ресурсов всеми доступными способами.

Одним из первых регионов Сибири, подвергшимся индустриальным изменениям, стала территория Заполярья. Ввиду сложного характера местности и неблагоприятных климатических условий советская промышленная и градостроительная политика поставила перед собой задачу модернизации ранее накопленного знания. Появившийся крупный базовый город цветной металлургии Норильск стал площадкой для новых идей в вопросах обустройства городов на Крайнем Севере.

Несмотря на суровые природно-климатические условия, население осваивало территорию Норильска. В результате этого создавалось особое городское пространство. Наличие крупной промышленной индустрии, уникального географического положения, а также активной градостроительной политики, сформировало у горожан собственное отношение к месту своего жительства, которое отобразилось в источниках художественно-публицистического характера.

The Siberian North plays an important role in Russia's domestic policy. Along with the beginning of industrial development, some of the established Siberian settlements turned into large resource-extracting bases. The key goal of all urban settlements in the North of Siberia remained unchanged — adaptation to the climatic conditions of the area and extraction of natural resources by all means available.

One of the first regions of Siberia to undergo industrial changes was the Polar Region. Due to the difficult nature of the terrain and unfavorable climatic conditions, Soviet industrial and urban planning policy set itself the task of modernizing previously accumulated knowledge. The emerging large base city of non-ferrous metallurgy, Norilsk, has become a platform for new ideas in matters of urban development in the Far North.

Despite the harsh natural and climatic conditions, the population developed the territory of Norilsk. A special urban space was created as a result. The presence of a large industry, a unique geographical location, as well as an active urban planning policy, formed among the townspeople their own attitude towards their place of residence, which was reflected in sources of fiction and publicist.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая урбанистика, Норильск, Север Сибири, Заполярье, конструирование образа.

KEY WORDS: urban history, Norilsk, North of Siberia, Polar Region, image construction.

ВВЕДЕНИЕ. Сибирь по своим масштабам и ресурсному потенциалу — явление уникальное. На её территории находятся огромные запасы углеводородов, лесного массива, водных ресурсов и редких металлов. Их общая ценность для российской экономики не до конца иссякла и будет долгое время оставаться основой отечественной промышленно-хозяйственной жизни.

В ходе активного сибирского освоения советским руководством создавались не только промышленные комплексы, но и обсуживающие их населённые пункты. Одним из таких плацдармов стал город Норильск — будущий центр цветной металлургии.

Индустриализация Заполярья является предметом ряда исследований. Прежде всего стоит выделить работы, посвященные становлению промышленности на территории края. Р.В. Павлюкевичем дана краткая характеристика деятельности Красноярского СНХ на территории Норильского промрайона [9]. Практика природопользования в момент масштабной индустриализации Восточной Сибири отразилась в монографиях С.Т. Гайсина [1] и Н.В. Савчук [10], где имелись главы, посвященные северным районам Красноярского края.

Поскольку данное исследование посвящено нахождению образа Норильска, отдельно стоит сказать о работах, посвященных анализу нарративных источников. Так, Е.А. Калеменева через анализ периодической печати постаралась продемонстрировать представление об Арктическом Севере и Норильске в советское время [6].

Переходя к работам, касающихся непосредственно Норильска, можно упомянуть исследования Н.В. Гониной [2; 3], в которых была проведена попытка найти специфические стороны формирования городского пространства Норильска, основных участников градостроительных преобразований. Также интерес вызывает изучением автором демографической ситуации в городе, способная раскрыть вопрос климатического фактора на формирование населения. В рамках исследования не менее важной является работа А.В. Слабухи, продемонстрировавшая особенности архитектурно-планировочной структуры города [12]. Специфические черты строительства Норильска, создание рекреационных зон и попытки адаптации к природным условиям изучены в коллективной статье под руководством Д.В. Севастьянова [11].

Тем не менее, необходимо отметить, что тема представления образа Норильска в художественно-публицистических работах слабо изучена в историографии. На наш взгляд, это большое упущение. Важное значение для понимания того, чем являлся город в прошлом, занимает его запечатленный образ в источниках неофициального характера. Связанно это, прежде всего, с фактом индивидуального и личного опыта каждого автора. Художественно-публицистические очерки, имевшие успех в советское время, способствуют погружению в неинституциональную атмосферу восприятия города, даже несмотря на цензурирование текстов.

ЦЕЛЬ статьи — попытаться изучить образ Норильска через анализ художественно-публицистической литературы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Работа проводится в рамках такого научного направления, как имажинальная география. В исследовательской оптике данной дисциплины находятся особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфика моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации [5, с. 27]. Такие направления, как культурология, культурная антропология, история, философия и политология являются непосредственными участниками образной

географии. Образ же понимается нами как система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов и стереотипов, которые характеризуют ту или иную территорию [5, с. 29].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Олицетворение горожанами своего места жительства является одним из первостепенных условий проживания. Наличие социокультурных объектов, уровень благоустройства и развитость инфраструктуры обуславливают отношение к городу. Особенно это относится к Норильску как поселению с трудными природными условиями. В очерках можно разглядеть несколько маркеров на данную тему. Первый из них — выставление Норильска как особого места проживания. Например, базовые коммунальные услуги: это одновременно и данности, и уникальности наличия таких удобств в суровых условиях [14, с. 72]. Кроме того, необычность города подчеркивается нестандартной связью городских объектов. Так, вместо указания стандартного почтового адреса жители называли здания по номерам строительного объекта [4, с. 60]. Тем самым подчеркивается факт активной застройки и роста города.

Однако имеется и противоположный мотив. Несмотря на своеобразие и уникальность с точки зрения географического положения и природно-климатических условий, население города не считало себя покинутыми или брошенным. Даже с учетом факта частой миграции, из-за которой нередко встречается образ города-миллионника, жители которого находятся во всех точках страны [7, с. 164], — это индустриальный центр Заполярья, прежде всего, пример советского промышленного города. «Пожалуй, самое необычное в Норильске — именно в его обычности <...> не замечаешь — ни отдаленности, ни заброшенности» [4, с. 63].

Следующий маркер представляется в виде иллюстрации индустриального пейзажа. Здесь можно наблюдать неразрывную связь производства и города, когда «мирно дымят высоченные трубы, огромные шлейфы дымов проносятся высоко в небе над ровными кварталами жилых домов» [14, с. 63]. При этом поэтапное развитие Норильска в виде временных поселков, перерастающих в «настоящий красивый город уже вдали от производственных корпусов», представляется типичным этапом развития любого индустриального советского поселения [4, с. 59]. Город иллюстрируется как огромный цех, механизмы которого строго выполняют свои функции.

Рис. 1. **Футбольный матч на городском стадионе. Источник: Дунаев В.П. Самый северный: географический очерк о заполярном городе Норильск. М.: Географгиз, 1960. С. 66**

Не менее интересным маркером выступает уникальность городского внешнего вида. В текстах можно найти мотив, ярко проиллюстрированный следующими строками: «Норильск — это смешение архитектурных стилей и — пока — отсутствие своего собственного» [7, с. 152]. Можно сказать, что уже тогда поднималась проблема перехода в Норильске к ти-

повой модели застройки и прекращение архитектурных изысканий 1930-х — 1950-х годов. Сюда кроме этого можно добавить критику ведомственности на территории Заполярья. С одной стороны, на Таймырском полуострове имеется всего два города в лице Дудинки и Норильска, каждый из которых уникален по своим хозяйственным задачам, внешнему облику и численности населения. С другой стороны, это разнообразие вместо взаимопомощи привело к серьезному разрыву. В результате поселения развиваются самостоятельно, пересекаясь лишь в вопросе связи с «материком». Пример одного из найденных комментариев: «Этот ненормальный разрыв между двумя городами, развитие которых должно тесно переплетаться, — так они далеки от большой земли и так близки друг к другу! — является в значительной мере следствием ведомственной разобщенности, устаревший структуры управления» [14, с. 92].

Подчеркивает городское своеобразие также частое сравнение объектов жилой инфраструктуры с природными явлениями. Например, главная магистраль города Ленинский проспект представляется в виде реки, в которую сливаются все улицы Норильска [13, с. 38]. В сюжетах о праздничных днях «Норильск похож на цветок, огромный красный цветок» [13, с. 49].

Тема окружающих город природных явлений — характерная черта очерков о Норильске, поэтому стоит подробнее остановиться на данном вопросе. В работах художественно-публицистического характера можно наблюдать как положительное, так отрицательное отношение к природе Заполярья. Так, серьезнейшее погодное явление в виде сильных ветров (в текстах наиболее часто встречается слово «пурга») может дополнять образ города, делая его красивым «в своей мощи, в своей надежности» [7, с. 152]. Пурга может выступать и как сила, которой город сопротивляется. В таком случае образ стихии меняется: дома «стоят плечом к плечу, защищая двory от ветра» [8, с. 53].

Кроме того, положительная роль природы подчеркивается в описании внешнего облика города. Так, находясь далеко от «материка», Норильск часто изображается в виде острова, окруженного тундрой «снежной и ледовитой, как океан» [8, с. 9]. Небольшой лес изображается как прибой, сдерживающий арктическую пустыню [7, с. 52]. Отсутствие элементов, типичных для городов средней полосы страны, не всегда оцениваются с негативной стороны. Например, невозможность из-за объективных причин притротуарного озеленения создает ощущение коротких улиц и высоких домов [13, с. 36], делая город более уютным и компактным.

Рис. 2. Октябрьская площадь.
Источник: Дунаев В.П.
Самый северный:
географический
очерк о заполярном
городе Норильск.
М.: Географгиз, 1960.
С. 58.

Рис. 3. Источник: Львов А. Норильск.

Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1977. С. 126.

Иллюстрации окружающей среды — важный элемент большинства художественно-публицистических произведений о Норильске. Сложные природно-климатические условия, от которых зависит работа горно-металлургического комбината и, следовательно, благоприятное проживание горожан, не могут не отражаться в описаниях на повседневной и хозяйственной жизни населения Норильска.

ВЫВОД. Резюмируя, можно сказать, что Норильск в художественно-публицистических источниках представлен под разными углами. Наряду с географическим положением и природно-климатическими условиями, город изображается как уникальное место. Суровая окружающая среда не только подчеркивала красоту внешнего облика, но и выступала в качестве серьезной преграды, тем самым делался акцент на образе города-защитника. Не стоит при этом забывать, что существовал редкий мотив, стремящийся не проводить серьезный водораздел между заполярным и находящимися южнее городами.

Кроме этого, Норильск, являясь ярким примером ранней ведомственности края, воплотил в себе разные этапы его активного строительства и промышленного освоения Заполярья. Это не могло не сказаться на внешнем визуале Норильска. Соседские отношения промышленных комплексов Норильского горно-металлургического комбината с жилой застройкой являются типичной картиной индустриального советского города. При этом стоит отметить назревшую уже в то время проблему ведомственной разобщенности, приведшей к диспропорции как внутри города, так и с соседними поселениями региона.

Советская модель промышленной модернизации с протекающей параллельно урбанизацией является актуальной темой в академической среде. За весьма короткий срок Страна Советов превратилась в державу с мощным промышленным потенциалом, новыми городами, постоянным ростом городского населения. Необходимо анализировать и внедрять ранее продемонстрированный опыт в нынешних реалиях, поскольку современные проблемы городского управления и хозяйствования являются одними из важнейших на сегодняшний день. Особенно это касается поселений северных территорий страны, являющиеся в настоящее время флагом хозяйственно-экономической жизни страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдин С.Т. Развитие природопользования в Восточной Сибири (1946–1991 гг.). Красноярск: Издательство Красноярского государственного аграрного университета, 2008. 427 с.
2. Гонина Н.В. Демографические процессы в экстремальных условиях. Норильск в 1950–1960-х гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 6. С. 16–20.

3. Гонина Н.В. Роль горно-металлургического комбината в формировании городской среды Норильска в 1950-1970-е гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 540-552.
4. Дунаев В.П. Самый северный: географический очерк о заполярном городе Норильск. М.: Географгиз, 1960. 72 с.
5. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26-50.
6. Калеменова Е.А. Политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 153-170.
7. Львов А. Норильск. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1977. 173 с.
8. Львов А. Плюс пятьдесят по Цельсию: Норильск. Репортаж. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1971. 286 с.
9. Павлюкевич Р.В. Деятельность Красноярского совнархоза по развитию черной, цветной металлургии (1957-1965 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2015. № 4(103). С. 228-234.
10. Савчук Н.В. Ангаро-Енисейский регион: социально-экологические проблемы хозяйственного освоения (1950-1990 гг.). Ангарск: Издательство Ангарской государственной технической академии, 2006. 293 с.
11. Севастьянов Д.В. Норильский регион: от природной специфики к практике освоения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2014. № 3. С. 82-94.
12. Слабуха А.В. Норильск был задуман как система архитектурных ансамблей // Архитектурный вестник. 2007. № 6. С. 86-91.
13. Снежгород: сборник сочинений школьников г. Норильска. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1971. 150 с.
14. Щеглов С.Л. Город Норильск: краеведческий очерк. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1958. 120 с.

REFERENCES

1. Gajdin S.T. Razvitie priridopol'zovaniya v Vostochnoj Sibiri (1946-1991 gg.) [Development of environmental management in Eastern Siberia (1946-1991)]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo univertiteta, 2005. 427 s. (In Russian).
2. Gonina N.V. Demograficheskie oprocessi v ekstremal'nih usloviyah. Noril'sk v 1950-1960-h gg. [Demographic processes in extreme conditions. Norilsk in the 1950-1960s] // MAnuskript. 2020. T. 13. № 6. S. 16-20. (In Russian).
3. Gonina N.V. Rol'gorno-metallurgicheskogo kombinata v formirovanii gorodskoj sredi v 2950-1970-e gg. [The role of the mining and metallurgical plant in the formation of the urban environment of Norilsk in the 1950-1970s] // Vestnik arhivista. 2023. № 2. S. 540-552. (In Russian).
4. Dunaev V.P. Samijy severnij: geograficheskij ocherk o zapolyarnom gorode Noril'sk [The most northern: a geographical essay about the polar city of Norilsk]. M.: Geografgiz, 1960. 72 s. (In Russian).
5. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk [Human Geography: the Space, the Imagination and the Interaction of the Contemporary Humanities] // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. T. 9. № 3. S. 26-50. (In Russian).
6. Kalemeneva E.A. Politika osvoeniya Krajnego Severa i kritika zhiznennyh uslovi arkticheskikh gorodov v narrativah hrushchevskogo vremeni [Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities Under Khrushchev's Time] // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 1. S. 153-170. (In Russian).
7. L'vov A. Noril'sk [Norilsk]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 173 s. (In Russian).
8. L'vov A. Plus pyat'desyat po Cel'siyu: Noril'sk. Reportazh [Plus fifty Celsius: Norilsk. Reportage]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 286 s. (In Russian).
9. Pavlyukevich R.V. Deyatel'nost' Krasnoyarskogo sovnarhoza po razvitiyu chernoj, cvetnoj metallurgii (1957-1965 gg.) [The Krasnoyarsk Economic Council activities for the development of ferrous and

- non-ferrous metallurgy (1957-1965)] // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 4 (103). S. 228-234. (In Russian).
10. Savchuk N.V. Angaro-Enisejskij region: social'no-ecologicheskie problemi hozyajstvennogo osvoeniya (1950-1990 gg.) [Angara-Yenisei region: socio-ecological problems of economic development (1950-1990)]. Angarsk: Izdatel'stvo Angarskoj gosudarstvennoj tehniceskoi akademii, 2006. 293 s. (In Russian).
 11. Sevast'yanov D.V. Noril'skij region: ot prirodnoj specifiki k praktike osvoeniya [Norilsk region: from natural specifics to development practice] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. 2014. № 3. S. 82-94. (In Russian).
 12. Slabukha A.V. Noril'sk bil zaduman kak Sistema arhitektumih ansamblej [Norilsk was conceived as a system of architectural ensembles] // Arhitekturnij vestnik. 2007. № 6. S. 86-91. (In Russian).
 13. Snezhgorod: sbornik sochinenij shkol'nikov g. Noril'ska [The city of snow: collection of schoolchildren essays from Norilsk]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 150 s. (In Russian).
 14. SHCHeglov S. L. Gorod Noril'sk: kraevedcheskij ocherk [The city of Norilsk: local history essay]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. 120 s. (In Russian).

**ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА
И ПРИРОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ****ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT
IN THE CONTEXT OF INTERACTION BETWEEN SOCIETY
AND NATURE IN NATIONAL**

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.005

УДК 504.75.05:94(470/571)"18/19"

ББК 63.3 (2)53-209

Г.Ю. АФАНАСЬЕВ «УГОЛЬ СОХРАНЯЕТ ЛЕС»,
«ТОРФ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ БОЛОТ
КРЕСТЬЯНСКИЕ ЗЕМЛИ»:
ПРИРОДООХРАННОЕ ВОСПРИЯТИЕ
АСПЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
ПЕРЕХОДА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.¹

G.Y. AFANASIEV «COAL SAVES THE FOREST»,
«PEAT TAKES PEASANT LAND FROM
THE SWAMPS»: ENVIRONMENTAL
PERCEPTION OF ASPECTS OF FUEL
AND ENERGY TRANSITION IN RUSSIAN
SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH –
FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES

Статья посвящена общественному восприятию аспектов изменения окружающей среды, происшедшего в процессе промышленной революции топливно-энергетического перехода. Доказывается, что, несмотря на многообразие влияний на окружающую среду, доминантным были аспекты антропогенного влияния. Общественное понимание влияния техногенных факторов на окружающую среду еще во многом формировалось и находилось в общем санитарно-гигиеническом контексте, не представляя самостоятельного дискурса. Несмотря на значительную технологическую экспансию по территории страны, российское общество во многом оставалось «древесным» относительно восприятия проблем и тенденций топливного перехода.

The article is devoted to public perception of aspects of environmental change that occurred during the industrial revolution and the fuel and energy transition. It is proved that despite the diversity of influences on the environment, aspects of anthropogenic influence were dominant.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №22-28-01558, код ГРНТИ 03.23.55.

The public understanding of the influence of technogenic factors on the environment was still largely formed and was in the general sanitary and hygienic context, not yet representing an independent discourse. Despite significant technological expansion across the country, Russian society largely remained «woody» regarding the perception of the problems and trends of the fuel transition.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: топливо, энергопереход, окружающая среда, экология, общество, лесостребление, загрязнение, торф, уголь, нефть.

KEY WORDS: fuel, energy transition, environment, ecology, society, deforestation, pollution, peat, coal, oil.

ВВЕДЕНИЕ. Появление и внедрение в повседневную жизнь России с 1820-х гг. паровой техники, главным конструкционным элементом которого была пылающая топка, ненасытно пожирающая большие количества горючего материала, и трубы, разбрасывающие вокруг искры, дым и копоть, были сильным психологическим потрясением для обывателей XIX в. Источником тревог, психологическим триггером для них был любой механизм, работающий без помощи физической силы, но с пылающим огнем, будь то паровоз, пароход, ткацкий станок, водяной насос, кузнечный мех или горн, способствовал повышенному вниманию ко всем его элементам взаимодействия с окружающей средой. Развитие статистики в практике европейских государств во второй половине XVIII в. проецировалось и на потребляемые природные ресурсы. В дополнение к «страху машин», бытующего как в нижних слоях общества, так и среди некоторых пунктуальных администраторов-хозяйственников, среди образованной части появляется страх истощения и повреждения естественных ресурсов хозяйственно-экономических форматов многих стран Европы. В основном построенный в то время на распространенной «мальтузианской теории» региональной ограниченности и пределе естественных ресурсов жизнеобеспечения значительному демографическому росту населения европейской части, тем не менее, поднимал непростые вопросы особенно в контексте распространения паровой техники, значительно увеличивающей потребление топлива на местах. Привнесение в производственное, транспортное и муниципальное дело России практик эксплуатации и топливопотребления паровой техники заимствованным способом сталкивало российских пользователей с устоявшимся угольным трендом в топливном обеспечении мощностей, пришедшим из Англии и Германии. Открытие в 1860–1870-е гг. горючего потенциала нефтяных продуктов также способствовало проникновению и активной экспансии этого вида минерального топлива. Вкупе с постоянным увеличением тепловых двигателей и расширением механизации производства и хозяйства это способствовало процессу топливно-энергетического перехода, изначально связанного и с вопросами взаимодействия между человеком и природой. Развитие эгалитарных практик общественного взаимодействия, совпадавшее с социальными изменениями, способствовали широкому восприятию этих проблем.

ЦЕЛЬ статьи состоит в том, чтобы проанализировать основные контуры формирующегося природоохранного и экологического сознания, культурного слоя поздней имперской России, проследить его связь с протекающим процессом топливного перехода на минеральные ресурсы, а также определить влияние модерности на конструирование парадигмы восприятия проблем окружающей среды переходным от традиции к модерну обществом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вопросы влияния развития топливной промышленности, переработки и эксплуатации горючих ресурсов на окружающую природную и населенную среду поздней имперской России, страны периода промышленного переворота и ранних стадий индустриализации второй половины XIX — первой четвер-

ти XX вв., еще нечасто становились специальным объектом исследования в современной историографии. Больше всего исследований было посвящено первым нефтяным водным загрязнениям Поволжского региона конца XIX — начала XX вв. [3, 28, 4], отчасти — промышленных загрязнений Центральной России [5, 2], истреблению лесов и проблемам снабжения дровяного топлива [42, 7], влияние использования горючих материалов на загрязнение городских пространств [1]. Однако большинство из них посвящено конкретным проблемам, касающимся лишь отчасти взаимосвязи топливной и природоохранной сферы и весьма мало освещающих особенности формирования общественных взглядов на проблемы среды, мотивированных сменой топливных источников в российской повседневности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

«Уголь сохраняет лес»: лесоистребление и топливный переход в 1860–1880-е гг. в общественном понимании

Феномен расширяющегося лесоистребления, определенный в результате статистического и эмпирического исследования лесного хозяйства ввиду перестройки его управления в России 1830–1840-е гг. [16], оказывал влияние не только на казенную статистику, но и на естественнонаучные гипотезы того времени («теория обмеления рек», 1838–1841) [22, с. 10–27], а с начала 1860-х гг. вызывал также и активные общественные отклики. Становление общественного взгляда на проблемы взаимодействия человека и природы, появившийся тогда евро-американском обществе, наиболее целостно выраженный книгой американского Джорджа Перкинза Марша «Человек и природа» (1864, в России с 1866 г.). Она во многом нашла отклик и в Российской империи [23], с конца 1850-х гг. перешедшей к массовому внедрению паровой техники в коммуникации и инфраструктуру и значительным общественно-социальным изменениям. Трансформация топливных запросов, мотивированная постоянной динамикой технологического прогресса XIX — нач. XX вв., была повязана с тревогой истощения традиционной базы горючего. Россия была известна как пространство лесов, но и там (прежде всего, в экономико-политическом центре страны, Европейской части) в 1840-е гг. началось обсуждение проблем уменьшения лесных запасов страны [18, с. 130–131], в котором с 1860-х гг. появляется тенденция восприятия экспансии паровой техники одного из главных акторов процесса лесоистребления [30, л. 7–7 об., 34–34 об., 38, 40–43, 48, 56–62 об., 80–84]. В это время расширяющееся уничтожение лесных богатств осуждали многие литературно-общественные деятели России — И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, выступал с проектами «восстановления лесов» граф Л.Н. Толстой. Впоследствии, в 1870-е гг. на эту проблему указывает знаменитый художник-передвижник И.Е. Репин, а на середину 1890-е гг. ее неослабевающее значение отмечает устами доктора Астрова в пьесе «Дядя Ваня» А.П. Чехов [18, с. 141]. Особенно громко голос общественности звучал из южных регионов России (Причерноморья, Приднепровья и Подонья), ввиду своего крайне важного экономического потенциала, а также военно-стратегических интересов. Описания региональных статистиков (А.А. Скальковского), специалистов лесного дела (А.Ф. Рузского) и региональных властей отмечали резко увеличившиеся темпы лесоистребления от проведения железных дорог, пароходов, бурного роста промышленности края, способствующих расширению угроз лесостепной зоны [39, с. 6, 9, 26; 15, л. 1–1 об.; 11, л. 7–7 об.]. Действительно, несмотря на активное железнодорожное строительство в регионе, с 1864 г. связавшего угледобывающий Донецкий бассейн с основными производственными центрами территории, дрова использовались на большей части дорог, пароходств, на предприятиях сахарной промышленности. Специалисты лесного и инженерного дела, научные умы естественнонаучного направлений, а также некоторые помещики из регионов малой лесистости, имевших на своих территориях угольные залежи, крайне обеспокоенно смотрели на расширение потребления дров на паровом транспорте, в промышленности, городах. Их предложения заключались в переходе на ми-

неральные источники и необходимости освоения местной топливной базы. По словам известного исследователя государственного хозяйства начала 1870-х гг., а впоследствии и товарища министерства госимуществ Российской империи В.И. Вишнякова: «Богатства лесов ... легко заставляли пренебрегать существующими в России залежами каменного угля. Лишь с постепенным истреблением лесов, как в уральском регионе нашей железной промышленности, так и в московском фабричном округе, с пробуждением промышленной деятельности в южном безлесном степном крае, с развитием пароходства и железных дорог, явилась потребность в разработке туземного угля...» [6, с. 519]. Тогда же в своих публикациях главный лесничий образцового хозяйства Пензенской губернии А.Ф. Рузский отмечал, что знаменитые ивановские текстильные фабрики, которые часто сравнивали в России с Манчестером, если бы имел сходные объемы производства с Англией потребовали бы в 6 раз больше дерева на дрова, чем произрастает во всей Владимирской губернии [36, с. 464]. Высказанная в научно-технических, общественных, предпринимательских организациях в первой половине 1870-х гг. (Вольное экономическое общество, 1872; I-й съезд горнопромышленников юга России, 1874; съезд пароходчиков Волжского бассейна, 1874; II съезд лесопромышленников и лесохозяев в г. Липецке, 1874) [41, с. 233; 34, с. 40–61] эта идея находит понимание у управленцев казенным хозяйством по результатам работы Высочайше утвержденных комиссий 1872–1873 и 1876 гг. для рассмотрения управления лесным хозяйством и управления исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России [9, с. III; 12, л. 184–187 об.]. Распространение угольного топлива в индустрии и городском потреблении, как наиболее ясный процесс топливного перехода, подавался как основной способ остановить массивное уничтожение лесов в стране. Так, в речи об истреблении лесов на II съезде лесовладельцев и лесохозяев 19 августа 1874 г., гласный городской думы Харькова, землевладелец, благотворитель и борец за улучшение городской среды И.Т. Голенищев-Кутузов отмечал, что южные железные дороги должны перейти к отоплению своих мощностей каменноугольным топливом, а «...если...железнодорожные предприниматели и общества будут отстаивать свое право губить вскормивший и обогативший их край,— право обращать в пустыню целые местности, по которым пролегают линии железных дорог,— то подобные предприниматели, игнорирующие вовсе общественные интересы, поступают хуже чем неблагодарно, и общество не должно отказываться от права подчинять их себе...» [34, с. 50–51]. Простой и рациональный выход из ситуации увеличенной антропогенной нагрузки на лесные ресурсы переводом железных дорог и заводов, понимаемый экономистами и лесной общественностью, тем не менее, активно использовался не только сторонниками сохранения лесов, но самими добытчиками минерального топлива и владельцами железных дорог, представителями нового олигархата. Открытие 1-го Съезда горнопромышленников юга России, главного предпринимательского объединения угледобытчиков империи до начала XX в. было «проникнуто заботой о спасении от истребления лесов», подобной риторикой были наполнены официальные отзывы о мероприятии. 4-й Съезд горнопромышленников также указывал на необходимость развития добычи угля дороговизной дров из-за массового лесостребления [40, с. III]. Подавая переход к углю как природоохранный тренд, общественность добивается от центральных и региональных властей некоторых административных подвижек и попыток перевода на использование угля железнодорожной сети (1874, 1879) [21, с. 425] и муниципальной инфраструктуры (1872, 1879, 1882–1885), а также принятию в 1885 г. протекционистской политики в отношении импорта угля [40, с. 441–444]. Принятие 4 апреля 1888 г. «Положения о сбережении лесов» [32, № 5120, с. 148–150], впервые определявшего леса России как национальные богатства, выделяло территории рискованного лесопользования и водоохранные лесомассивы. Несмотря на явную недостаточность мероприятий и границ распространения положения и его неоднократные редакции (1901,

1912) это демонстрировало глубокое понимание значения сохранения лесов и необходимость перевода паровых технологий на новые минеральные источники.

**Обратная сторона «русского топлива»:
нефтяная экспансия и водные загрязнения 1880-1900-е гг.**

Несмотря на пересечение интересов общественности, государственного управления и промышленников к переходу технологической сферы с дров на уголь, дававшего стимулы к развитию их коммерческого дела, рост темпов минерализации, наблюдавшийся со второй половины 1880-х до начала 1900 гг. в России, происходил во многом не за счет угля, а за счет нефти [17, с. 31]. Экспансия практически неизвестного для мировой топливной сферы горючего мазута в индустрию позднеимперской России определяется как значительный прорыв в деле утилизации остатков производства керосина в нефтяной промышленности того времени, загрязнявших нефтепромыслы и реализованный благодаря внедрению новых технических и логистических приемов, осуществленных компанией «Товарищество Братьев Нобель» (бурение скважин, нефтеналивные суда, железнодорожные цистерны, сплошной цикл нефтепереработки, крекинг-процесс). К началу XX вв. экспансия нефти, добываемой тогда в пределах России по большей части на Кавказе (окрестности Баку, с 1896 г. и в районе г. Грозный), способствует существенным сдвигам в пользу минерализации топливного баланса транспорта, городской сферы, а также части региональной промышленности в центре Европейской части России в 1890-1900-е гг. [10, с. 44].

Беспрецедентность такого широкого использования жидкого горючего в мировой практике промышленности и транспорта того времени, а также совпадение его экспансии с национальным курсом Российской империи, проводимым тогда правительством в 1880-1890-х гг., способствует неформальному прозванию нового горючего материала «русским топливом» [29, с. 26]. Стремительный, но вместе с тем недолгий период нефтяной экспансии в топливную сферу страны, закончился во второй половине 1900-х гг. возвратом многих заводских и городских предприятий к углю и дровам, некоторыми исследователями определяется как «нефтяной перегиб» [13, с. 56].

До 66% транспортировок нефти и керосина осуществлялась традиционным водным путем по Волге и Каспийскому морю, во многом с сохранением привычных форм и типов деревянных судов, лишь несколько адаптированных к наливному способу перевозки [3, с. 49]. Это и способствовало возникновению техногенных проблем окружающей среды, проявлявшихся тогда в области водных ресурсов. Значение загрязнения вод нефтью отмечалось современниками-гигиенистами как отличительная особенность российской топливной эксплуатации [25, с. 173]. Кроме того, решение вопроса способствовало активной роли сторонников охраны вод и противников промышленных загрязнений, в основном представителей новых общественных групп (рыбопромышленников и транспортников, ихтиологов-биологов центрального и регионального уровня) [2, 8], став толчком для выхода общественного понимания вопроса о промышленных загрязнениях водного ресурса в России на новый уровень [44]. Это нашло отражение в обсуждении вопроса в 1880-1890-е гг. в различных общественных организациях предпринимательского, хозяйственного и научного типа (Императорском обществе рыбоводства и рыболовства, Императорском обществе содействия русскому судоходству и мореплаванию, Нижегородском биржевом комитете), и, как результат, принятию фактически первого экологического закона, связанного с защитой от нефтяных загрязнений Волги и Каспия 27 мая 1904 г. [33, № 24631, с. 557-560], а также изменениям в муниципальных и центральных санитарно-гигиенических правилах относительно использования нефтяных продуктов в промышленности Центрального района России (1908, 1909, 1912), а также инициирование комплексного химико-санитарного исследования водных ресурсов региона с участием представителей науки и бизнеса [28, 31].

Рассмотрение первого масштабного вопроса, связанного с влиянием токсических веществ на окружающую среду, во многом исключительно представителями химического, биологического и санитарно-гигиенического сообщества, способствовало тому, что пути решения проблемы виделись исключительно путем технологического совершенствования средств доставки, хранения и эксплуатации топлива. Помимо финансовой дороговизны и отсутствия гарантий эффективности, в сфере перевозок на тот момент это способствовало нарушению принципов свободного рынка и монополизации нефтяной сферы компанией «Товарищество братьев Нобилей». Именно это и стало провалом воплощения 27 мая 1904 г. закона в жизнь. Голоса же сторонников сохранения биосферы, видевшие в этом разрушение одного из жизнеобразующих традиционных питательных ресурсов поволжского региона и страны в целом оказывались не слышны — прежде всего, из-за отсутствия предложенного комплексного решения ситуации в «комплексности» технологического паттерна. Кроме того, в этом присутствовал и культурный отрыв традиционного взгляда и модерности слоев, вовлеченных в данный вопрос. Это и способствовало ориентации властей на обеспечение интересов промышленников в сложном вопросе техногенного загрязнения водной среды того времени [14, л.174 об.].

**«Торф освобождает крестьянские земли»
и энергетический переход во время топливного кризиса 1910–1920-х гг.**

Постоянное расширение технологической сферы в России начала XX века совпало с ростом минерализации топливного потребления, мотивированного постоянным ростом добычи, удобством в эксплуатации (нефти) и высокой теплотворностью (уголь), выгодной для экономически ликвидных производств (металлургия, металлообработка, машиностроение), а также расширением заимствованных топливных практик (железные дороги). Снижение темпов добычи нефти и нехватка угольного снабжения, несмотря на частичные (1899–1901) и полные отмены импортных пошлин (1913), обозначилась в России периодически проявляющимися нефтяным (1905–1907, 1910) и угольным (1899–1900, 1909, 1913) «голодом», покрывавшимся в основном за счет обращения к дровяным запасам на местах [27, с. 6669]. Военные обстоятельства Первой мировой (1914–1918) и Гражданской войн (1918–1922) в России, способствовавшие как ликвидации импортных поставок угля по морю, так и транспортному кризису внутри страны, затруднившему топливные поставки и актуализировавшие вопрос поиска местного минерального горючего. В результате военных действий красных и белых вооруженных формирований внутри России, отторгавших на длительный период от хозяйственного организма страны крупнейшие угле— и нефтедобывающие районы, начался полномасштабный топливный кризис, не испытываемый страной ранее и приводивший к остановке производств, закрытию заводов (с 1916–1917 гг.), парализации обеспечивающей инфраструктуры городов (1918–1920) и даже частичной остановке железнодорожного движения (1921) [24, с. 32]. Все это вынуждало покрывать недостатки топливоснабжения промышленности, транспорта, городской и сельской отопительной сферы за счет массовой рубки дров на местах, принявшей с 1917 г. совершенно бесконтрольный характер ввиду вмешательства в процесс многочисленных новообразованных центральных, отраслевых и местных инстанций и активного использования чрезвычайных приемов военного времени (реквизиция, принудительный труд, работа военнопленных и др.). [7, с. 155] Плохая обстановка с транспортом способствовала активным заготовкам дров в пунктах легкой доступности — вблизи от населенных пунктов, речных и железнодорожных магистралей, что приводило к значительному исчерпанию лесных запасов в Европейской части России [35, с. 87]. Нехватка дров в бытовой сфере, при организации снабжения топливом, занимавшей последнее место в системе государственного распределения,

и, в связи с этим, плохое отопление жилищ, способствовало значительному росту эпидемий в стране (грипп-«испанка», холера, тиф).

Комплексные общественные трансформации, разворачивавшиеся в период острого топливного кризиса, а с 1918 г. и голода в энергетической сфере России способствовали откату к растительным ресурсам и поискам местных минеральных альтернатив. Наиболее перспективным виделось массивное использование торфа, периодический интерес к которому наблюдался в Центральной России еще с конца 1830-х гг. [43].

Энергетические проблемы военных лет, подтолкнувшие к разработкам с 1915 г. контуров новой энергетической концепции в изменившихся политических и макроэкономических условиях, способствовали учету этих тенденций. Еще с начала Первой мировой войны один из создателей концепции, инженер, а впоследствии с 1920 г. и руководитель комиссии по электрификации России, и будущий академик Г.М. Кржижановский отстаивал идею перспективности массивного использования торфа для работы тепловых электростанций в местах наибольшего дефицита минерального топлива — Центральном и Северо-западном районах России [19]. Впоследствии именно использование торфа для выработки электричества районными станциями, расположенными возле разработок топлива предстояло играть значительную роль в общем плане электрификации страны, выдвинутого пробольшевистскими электротехниками в 1919–1920 г. [20]

С 1918 г. и отпадения от Советской России главных угольных и нефтяных эта идея находила сторонников среди специалистов по электричеству, теплотехнике, топливному делу (К.А. Круг, Р.Э. Классон, А.В. Винтер, И.И. Радченко). По мнению Г.М. Крыжановского, высказанного при разговоре с председателем Совнаркома В.И. Лениным в период одного из пиковых моментов топливного голода конца осени 1919 г., «торф имеет для нас в перспективе такое же значение, как уголь для Англии» [38, с. 10]. Это способствует «руризации» использования экологического тренда. Так, например, необходимость разработки и потребления торфяного горючего подавалось как способность остановить увеличение болотных пространств, рассадника эпидемий малярии на Среднерусской равнине [Там же]. Также он отмечал, что «...в прошлом наша промышленность в поисках топлива шла за лесными массивами. Но лесные массивы и торфяные залежи обыкновенно являются ближайшими соседями» [Там же]. Отмечается близость торфяных залежей к пригородным предприятиям Петрограда и Москвы, добыча этого топлива, по его мнению, силами самих рабочих, во многом простаивающим без дела при недостатках топлива, могла существенно улучшить фабрично-заводской климат страны: «...вместо торфодобычи «горбом и лопатой» при отвратительных жилищных условиях и вечной опасности малярии мы можем превратить ее в полезную смену работы в душных фабриках работой на открытом воздухе» [Там же].

В доступной для масс форме он подавал переход к торфу как благотворное воздействие на окружающую среду центральной и северо-западной России: «Если мы не будем наступать на торф, то он будет продолжать мощное наступление на нас: процессом торфяного заболачивания охвачены весь наш север и северо-запад, мхи торфяных болот движутся на леса и на открытые водные пространства с необычайно дружной силой, как в царстве Берендея все заволакивалось в паутину, так и в случае нашего отступления разрастание торфяных болот угрожает культурным землям» [Там же, с. 11]. Поддержанные В.И. Лениным как созвучные идеям нового социалистической организации рабочего процесса в слабо урбанизированной стране и пролетаризации деревни данные утверждения Г.М. Крыжановского весьма часто повторяются в агитационной литературе 1920–23 гг. [39, с. 6]

Несмотря на то, что окончание Гражданской войны и возврат угольных и нефтяных месторождений советскому хозяйству, упорядочение поставок приводит к уменьшению гипертрофированного значения торфяного топлива как массового горючего, наблюдав-

шемуся в 1919–1923 гг., ориентация на его разработки остается одним из главных направлений советской топливной политики в 1920–1930-е гг.

ВЫВОДЫ. Переживая промышленную революцию во второй половине XIX — начале XX вв., разворачивавшуюся на фоне постепенного проявления увеличивающегося антропогенного влияния на окружающую среду, в России начинают формироваться основы экологического сознания. Изменение топливных практик в результате повышенного спроса на горючее, появление новых технологий не могли не отразиться на общественном восприятии этих трансформаций. Несмотря на то, что смена топливной парадигмы, протекающая в пореформенной, позднеимперской и революционной России, имела свои особенности и изобиловала многими данностями (нефтяной перегиб 1880–1900— гг., острый топливный голод 1910–1920-х гг.), была не характерна для практики западных стран, общественное отражение было значительно иным. Так, допустим, угольный «дымовой вопрос», бывший весьма актуальным для английской общественности с 1859-х гг., в России имел весьма локальное значение. Наоборот, уголь и расширение его использования воспринимались скорее как положительное явление в контексте остановки усиливающегося массового лесоистребления в регионах. Заметными были вопросы загрязнения водных ресурсов от перевозок и переработки нефти. В целом, стоит отметить, что восприятие минерализации топливного потребления образованной общественностью еще весьма редко рассматривается фундаментально, в основном находясь в контексте формирующегося природоохранного представления, характерного для аграрно-традиционного общества, еще во многом чуждого технократизму или воспринимающего его в своей транскрипции. Несмотря на происходящие технологические и политические трансформации, к 1920-м гг. Россия еще во многом остается «древесным обществом», как ее охарактеризовал канадский ученый В. Смил [45, р.233] и демонстрирует еще во многом отношение к окружающей среде доиндустриального общества. Понимание и манипуляция этим представителями советской элиты в начале 1920-х гг. означало осознание властью этой данности, что способствовало осуществлению доминантного влияния на формирующиеся природоохранные доминанты в российском обществе исхода первой четверти XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова А.Б. Экологические проблемы городской среды в XIX — начале XX вв. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 28–32.
2. Арнольд И.Н. Загрязнение вод нефтяными продуктами и его влияние на рыбные богатства. С-Пб., 1903. 63 с.
3. Бессолицин А.А. Предпринимательские организации Поволжья и экологические проблемы региона (конец XIX начало XX века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. № 8. С. 48–52.
4. Виноградов А.В. Товарищество нефтяного производства «Братья Нобиль» и борьба с загрязнением Каспийско-Волжских путей (1880–1917) // «Камский торговый путь». Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Камский научный центр. 2018. С. 121–128.
5. Виноградов А.В. «Барину барыш, а нам гибель!» крестьяне в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской и раннесоветской России (1850–1950) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 24–33.
6. Вишняков В.И. Русская промышленность и ее нужды. Часть I. // «Вестник Европы», 1870, Кн.10, окт. С. 518–534.
7. Воейков Е.В. Экологические последствия лесозаготовок периода топливного кризиса 1917–1921 гг. // Исторические записки: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 4. Пенза, 2000. С. 154–162.
8. Grimm O.A. О гибельном влиянии нефти на рыб и мерах противодействия этому. Спб., Тип. Демакова, [1891]. 9 с.

9. Доклад о топливе на железных дорогах России. Спб., Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1881. 115 с.
10. Доклад XX Съезду бакинских нефтепромышленников по вопросу об угольной независимости России от Англии. Баку, 1901. 106 с.
11. Докладная записка генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского края министру путей сообщения П.П. Мельникову от 7 января 1869 г. // РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 1562. Л.7-7 об.
12. Докладная записка министра юстиции К.П. фон Палена государственному секретарю Д.М. Сольскому о необходимости замены дровяного топлива минеральным для сбережения лесов от истребления от 14 декабря 1877 г. // РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27647-б. Л.182-190.
13. Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. Серия: «Экономическая история: документы, исследования, переводы». М.: РОССПЭН, 1999. 295 с.
14. Журнал особого межведомственного совещания для обсуждения разногласий, возникших между ведомствами по законопроекту «о санитарной охране воздуха, воды, почвы» от 10 мая 1913 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 765. Л.165-184.
15. Записка Киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта А.М. Дондукова-Корсакова министру путей сообщения графу В.А. Бобринскому о распространении в Юго-Западном крае каменноугольного топлива взамен дровяного от 29 декабря 1869 г. // РГИА. Ф. 207. Оп. 3.1869. Д. 229. Л. 1-10б.
16. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика в России в XVIII — начале XX века. // Отечественная история, 1995, № 4. С. 42-43.
17. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX — 30-е гг. XX в.). М.: «Эпифания», 1994. 826 с.
18. Костлоу Д.Т. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века. Бостон/СПб.: Academic Studies Press, 2020. 270 с.
19. Кржижановский Г.М. Областные электрические станции на торфе и их значение для центрального промышленного района // Труды совещания ни подмосковному углю и торфу 20-22 ноября 1915 г., М., 1915. С. 124-125.
20. Кржижановский Г. Основные задачи электрификации России. М., Государственное издательство, 1920. 50 с.
21. Лемпицкий М. Минеральное топливо на русских железных дорогах в 1879 и 1880 гг. // «Горный журнал», 1882, № 6, С. 421-428.
22. Лоскутова М.В. «Влияние обмеления рек есть только недосказанная гипотеза»: прикладная наука и государственная политика по управлению лесным хозяйством Российской империи второй половины XIX века // Историко-биологические исследования, 2012, Т. 4. № 1. С. 10-27.
23. Марш Г. Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. Пер. с англ. Н.А. Неведомского. СПб, Печатано у И. Тиблена и Комп (Н. Неклюдова), 1866. 587 с.
24. Назимов А.В. Топливоснабжение железных дорог в довоенное время и послереволюционный период // Транспорт и топливо: сборник статей / под ред. В.И. Межлаука. М.: Бюро правлений ж. д. и «Транспечати» НКПС, 1925. С. 15-36.
25. Никитин А.Ф. Практическая гигиена речного судоходства. Спб., Тип. МПС, 1907. 304 с.
26. Новосад Е.В. Загрязнение Волги в период становления нефтяной промышленности в России // Вопросы истории естествознания и техники, 2006, № 1. М., Наука, 2006. С. 64-70.
27. Об угольном голоде // Горнозаводское дело. 1913. № 4. С. 6669-6670.
28. Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии. Владимир на Клязьме: Типо-литография губернской земской управы. Б.м.Б.г. 12 с.
29. Одинцов А.И. О снабжении портов Балтийского моря нефтяным топливом. Труды Санкт-Петербургского отделения Общества содействия русскому торговому мореходству. Спб., Тип. Мор.Мин, 1896. 25 с.

30. Отношения лесного департамента, канцелярии департамента железных дорог, инспектора частных железных дорог, оповещение инженера генерал-майора Кербедза за декабрь 1865 — март 1866 г. // РГИА. Ф. 259. Оп. 1. Д. 153. Л.7-7 об.,34-34 об.,38, 40-43, 48, 56-62 об., 80-84.
31. Положение о комитете по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов. // РГИА. Ф. 1288. Оп. 16. 1910. Д. 18. Л.85-86 об.
32. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 3-е. 1881-1913. Т.VIII. 1888. Спб., Гос. Тип., 1890. 1167 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. 1881-1913. Т.XXIV. 1904 г. Спб., Гос.Тип., 1907. 1271 с.
34. Прения и заключения II-го Всероссийского съезда лесохозяев в г. Липецке. С 16 по 26-е августа 1874 г. Сост.по стенограф.отчету Е.О. Петровой под ред. Н.С. Шафранова. Спб., Тип.Майкова в доме Минфин, 1875. 173 с.
35. Пробст А.Е. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства. М.-Л.: Изд.АН СССР, 1939. 404 с.
36. Рузский А.Ф. Очерки русского лесоводства // «Лесной журнал», 1868, авг. С. 461-469.
37. Сделаем Россию электрической. Сборник воспоминаний участников Комиссии ГОЭЛРО и строителей первых электростанций. М.-Л.: Госэнергоиздат, 1961. 382 с.
38. Скальковский А.А. Леса Херсонской губернии. Одесса, Тип. П. Францова, 1866. 22 с.
39. Торф: Сб. по торф. образованию / Торф. комис. при Главпрофобре. М.: Пахарь, 1922. 25 с.
40. Труды четвертого съезда углепромышленников юга России, бывшего в городе Новочеркасске с 15 по 24 сентября 1879 г. Харьков, Тип. К.П. Счасни, 1879. 192 с.
41. Фомин П. И. История горной и горнозаводской промышленности юга России со времени возникновения до восьмидесятых годов прошлого века. 1915. Т. 1. 204 с.
42. Цинцадзе Н.С. Лес рубят — щепки летят. Временное правительство и лесная вакханалия // Проблемы экологической истории/окружающей среды. Выпуск II. Отв.сост. В.И. Дурновцев. М.: РГГУ, 2020. С. 336-344.
43. Циркуляр министра госимуществ графа П.Д. Киселева по высочайшему повелению о мерах к сохранению леса заменой оного в топливе торфом от 18 октября 1840 г. // РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 318. Л.3-3 об.
44. Хлопин Г.В. Загрязнение проточных вод хозяйственными и фабричными отбросами и меры к его устранению. Юрьев, Тип. К. Маттисена, 1902. 116 с.
45. Smil V. Energy and civilization: a history. Cambridge, MA: The MIT Press, [2017]. 564 p.

REFERENCES

1. Agafonova A.B. *Ekologicheskie problemy gorodskoi sredy v XIX — nachale XX vv.* [Environmental problems of the urban environment in the 19th — early 20th centuries] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4 (60). S.28-32. (In Russian).
2. Amol'd I.N. *Zagryaznenie vod neftyanymi produktami i ego vliyanie na rybnye bogatstva* [Water pollution with oil products and its impact on fish resources]. Spb., 1903. 63 s. (In Russian).
3. Bessolitsin A.A. *Predprinimatel'skie organizatsii Povolzh'ya i ekologicheskie problemy regiona (konets XIX nachalo XX veka)* [Business organizations of the Volga region and environmental problems of the region (late 20th — early 20th century)] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2003. № 8. S.48-52. (In Russian).
4. Vinogradov A.V. *Tovarishchestvo nefyanogo proizvodstva «Brat'ya Nobil'» i bor'ba s zagryazneniem Kaspijsko-Volzhskikh putei (1880-1917)* [Oil production partnership «Nobil Brothers» and the fight against pollution of the Caspian-Volga routes (1880-1917)] // «Kamskii trgovyi put'». Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kamskii nauchnyi tsentr. 2018. S.121-128. (In Russian).

5. Vinogradov A.V. «Barinu barysh, a nam gibel'!» krest'yane v bor'be s promyshlennym zagryazneniem v pozdneimperskoi i rannesovetskoi Rossii (1850–1950) [«It's a profit for the master, but it's ruin for us!» peasants in the fight against industrial pollution in late imperial and early Soviet Russia (1850–1950)] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6 (69). S.24–33. (In Russian).
6. Vishnyakov V.I. *Russkaya promyshlennost' i ee nuzhdy. Chast' I.* [Russian industry and its needs. Part I] // «Vestnik Evropy», 1870, Kn.10, okt. S.518–534. (In Russian).
7. Voeikov E.V. *Ekologicheskie posledstviya lesozagotovok perioda toplivnogo krizisa 1917–1921 gg.* [Environmental consequences of logging during the fuel crisis of 1917–1921] // Istoricheskie zapiski: Mezhvuz. sb. nauch. trudov. Vyp. 4. Penza, 2000. S. 154–162. (In Russian).
8. Grimm O.A. *O gibel'nom vliyaniy nefti na ryb i merakh protivodeistviya etomu* [About the disastrous effect of oil on fish and measures to counteract it]. Spb., Tip. Demakova, [1891]. 9 s. (In Russian).
9. *Doklad o toplive na zheleznykh dorogakh Rossii* [Report on fuel on Russian railways]. Spb., Tip. Shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1881. 115 s. (In Russian).
10. *Doklad XX S'ezdu bakinskikh neftepromyshlennikov po voprosu ob ugol'noi nezavisimosti Rossii ot Anglii* [Report to the XX Congress of Baku Oil Industrialists on the issue of coal independence of Russia from England]. Baku, 1901. 106 s. (In Russian).
11. *Dokladnaya zapiska general-gubernatora Novorossiiskogo i Bessarabskogo kraya ministru putei soobshcheniya P.P. Mel'nikovu ot 7 yanvarya 1869 g.* [Memorandum from the Governor-General of the Novorossiysk and Bessarabian Territory to the Minister of Railways P.P. Melnikov dated January 7, 1869] // RGI A. F. 219. Op.1. D.1562. L.7–7 ob. (In Russian).
12. *Dokladnaya zapiska ministra yustitsii K.P.fon Palena gosudarstvennomu sekretaryu D.M. Sol'skomu o neobkhodimosti zameny drovyanogo topliva mineral'nym dlya sberezheniya lesov ot istrebleniya ot 14 dekabrya 1877 g.* [Memorandum from the Minister of Justice K.P. von Pahlen to the Secretary of State D.M. Solsky on the need to replace wood fuel with mineral fuel to save forests from destruction, December 14, 1877] // RGI A. F.387. Op.3. D.27647-b. L.182–190. (In Russian).
13. *D'yakonova I.A. Neft' i ugol' v energetike tsarskoi Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh. Seriya: «Ekonomicheskaya istoriya: dokumenty, issledovaniya, perevody»* [Oil and coal in the energy sector of Tsarist Russia in international comparisons. Series: «Economic history: documents, research, translations.»] M.: ROSSPEN, 1999. 295 s. (In Russian).
14. *Zhurnal osobogo mezhdovedomstvennogo soveshchaniya dlya obsuzhdeniya raznoglasii, vznikshikh mezhdu vedomstvami po zakonoproektu «o sanitarnoi okhrane vozdukha, vody, pochvy» ot 10 maya 1913 g.* [Journal of a special interdepartmental meeting to discuss disagreements that arose between departments on the bill «on the sanitary protection of air, water, soil» dated May 10, 1913] // RGI A. F. 1276. Op.9. D.765. L.165–184. (In Russian).
15. *Zapiska Kievskogo general-gubernatora general-ad'yutanta A.M. Dondukova-Korsakova ministru putei soobshcheniya grafu V.A. Bobrinskomu o rasprostraneni v Yugo-Zapadnom krae kamennougol'nogo topliva vzamen drovyanogo ot 29 dekabrya 1869 g.* [Note from the Kyiv Governor General, Adjutant General A.M. Dondukov-Korsakov to the Minister of Railways, Count V.A. Bobrinsky on the distribution of coal fuel in the South-Western Territory instead of wood fuel dated December 29, 1869] // RGI A. F. 207. Op. 3.1869. D. 229. L.1–1ob. (In Russian).
16. Istomina E.G. *Lesookhranitel'naya politika v Rossii v XVIII — nachale XX veka* [Forest conservation policy in Russia in the 18th — early 20th centuries] // Otechestvennaya istoriya, 1995, № 4. S.42–43. (In Russian).
17. Kafengauz L.B. *Evolutsiya promyshlennogo proizvodstva v Rossii (poslednyaya tret' XIX — 30-e gg. XX v.)* [The evolution of industrial production in Russia (last third of the 20th — 30s of the 20th century)]. M.: «Epifaniya», 1994. 826 s. (In Russian).
18. Kostlou D.T. *Zapovednaya Rossiya. Progulki po russkomu lesu XIX veka* [Reserved Russia. Walking through the Russian forest of the twentieth century]. Boston/SPb.: Academic Studies Press, 2020. 270 s. (In Russian).

19. Krzhizhanovskii G.M. *Oblastnye elektricheskie stantsii na torfe i ikh znachenie dlya tsentral'nogo promyshlennogo raiona* [Regional power plants on peat and their significance for the central industrial region] // *Trudy soveshchaniya ni podmoskovnomu uglyu i torfu 20–22 noyabrya 1915 g.*, M., 1915. S.124–125. (In Russian).
20. Krzhizhanovskii G. *Osnovnye zadachi elektrifikatsii Rossii* [Main tasks of electrification of Russia]. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. 50 s. (In Russian).
21. Lempitskii M. *Mineral'noe toplivo na russkikh zheleznykh dorogakh v 1879 i 1880 gg.* [Mineral fuel on Russian railways in 1879 and 1880] // «Gomyi zhurnal», 1882, № 6, S.421–428. (In Russian).
22. Loskutova M.V. «Vliyaniye obmeleniya rek est' tol'ko nedoskazannaya gipoteza»: *prikladnaya nauka i gosudarstvennaya politika po upravleniyu lesnym khozyaistvom Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX veka* [«The influence of river shallowing is only an unsaid hypothesis»: applied science and state policy on forestry management of the Russian Empire in the second half of the 19th century] // *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 2012, T.4. № 1. S.10–27. (In Russian).
23. Marsh G. *Chelovek i priroda, ili o vliyanii cheloveka na izmenenie fiziko-geograficheskikh uslovii prirody* [Man and nature, or the influence of man on changes in the physical and geographical conditions of nature]. Per. s angl. N.A. Nevedomskogo. SPb, Pechatano u I. Tiblena i Komp (N.Neklyudova), 1866. 587 s. (In Russian).
24. Nazimov A.V. *Toplivosnabzhenie zheleznykh dorog v dovoennoe vremya i poslerevolutsionnyi period* [Fuel supply to railways in the pre-war and post-revolutionary period] // *Transport i toplivo: sbornik statei / pod red. V.I. Mezhlauka*. M.: Byuro pravlenii zh. d. i «Transpechati» NKPS, 1925. S.15–36. (In Russian).
25. Nikitin A.F. *Prakticheskaya gigiena rechnogo sudokhodstva* [Practical hygiene of river navigation]. Spb., Tip. MPS, 1907. 304 s. (In Russian).
26. Novosad E.V. *Zagryaznenie Volgi v period stanovleniya neftyanoi promyshlennosti v Rossii* [Pollution of the Volga during the formation of the oil industry in Russia] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2006, № 1. M., Nauka, 2006. S.64–70. (In Russian).
27. *Ob ugol'nom golode* [About the coal famine] // *Gornozavodskoe delo*. 1913. № 4. S.6669–6670. (In Russian).
28. *Obyazatel'nye sanitarnye postanovleniya dlya uezdnoho naseleniya Vladimirskoi gubernii* [Mandatory sanitary regulations for the district population of the Vladimir province]. Vladimir na Klyaz'me: Tipo-litografiya gubernskoi zemskoi upravly. B.m.B.g. 12 s. (In Russian).
29. Odintsov A.I. *O snabzhenii portov Baltiiskogo morya neftyanym toplivom. Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Obshchestva sodeistviya russkomu torgovomu morekhodstvu* [On the supply of oil fuel to the ports of the Baltic Sea. Proceedings of the St. Petersburg branch of the Society for the Promotion of Russian Merchant Shipping]. Spb., Tip.Mor.Min, 1896. 25 s. (In Russian).
30. *Otnosheniya lesnogo departamenta, kantselyarii departamenta zheleznykh dorog, inspektora chastnykh zheleznykh dorog, opoveshchenie inzhenera general-maiora Kerbedza za dekabr' 1865 — mart 1866 g.* [Relations of the Forestry Department, the Office of the Railway Department, the Inspector of Private Railways, the notification of the engineer Major General Kerbedz for December 1865 — March 1866] // RGIA. F. 259. Op.1. D.153. L.7–7 ob.,34–34 ob.,38, 40–43, 48, 56–62 ob., 80–84. (In Russian).
31. *Polozhenie o komitete po izyskaniyu mer k okhrane vodoemov Moskovskogo promyshlennogo raiona ot zagryazneniya stochnymi vodami i otbrosami fabrik i zavodov* [Regulations on the committee to find measures to protect water bodies of the Moscow industrial region from pollution by wastewater and waste from factories] // RGIA. F. 1288. Op.16. 1910. D.18. L.85–86 ob. (In Russian).
32. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. So-branie 3-e. 1881–1913. T.VIII. 1888. Spb., Gos.Tip., 1890. 1167 s. (In Russian).
33. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. So-branie 3-e. 1881–1913. T.XXIV. 1904 g. Spb., Gos.Tip., 1907. 1271 s. (In Russian).
34. *Preniya i zaklyucheniya II-go Vserossiiskogo s"ezda lesokhozyaev v g.Lipetske. S 16 po 26-e avgusta 1874 g. Sost.po stenograf.otchetu E.O. Petrovoi pod red. N.S. Shafranova* [Debates and conclusions of the 2nd All-Russian Congress of Forestry Owners in Lipetsk. From August 16 to August 26, 1874.

- Compiled from the shorthand report of E.O. Petrova, ed. N.S. Shafranova]. Spb., Tip.Maikova v dome Minfin, 1875. 173 s. (In Russian).
35. Probst A.E. *Osnovnye problemy geograficheskogo razmeshcheniya toplivnogo khozyaistva* [The main problems of geographical distribution of fuel facilities]. M.-L.: Izd.AN SSSR, 1939. 404 s. (In Russian).
 36. Ruzskii A.F. *Ocherki russkogo lesovodstva* [Essays on Russian forestry] // «Lesnoi zhurnal», 1868, avg. S.461–469. (In Russian).
 37. *Sdelaem Rossiyu elektricheskoi. Sbornik vospominanii uchastnikov Komissii GOELRO i stroitelei pervykh elektrostantsii* [Let's make Russia electric. Collection of memories of participants of the GOELRO Commission and builders of the first power plants]. M.-L.: Gosenergoizdat, 1961. 382 s. (In Russian).
 38. Skal'kovskii A. A. *Lesy Khersonskoi gubernii* [Forests of Kherson province]. Odessa, Tip. P. Frantsova, 1866. 22 s. (In Russian).
 39. *Torf: Sb. po torf. obrazovaniyu / Torf. komis. pri Glavprofobre* [Peat: Sat. by peat education / Peat. commission under the Glavprofobra]. M.: Pakhar', 1922. 25 s. (In Russian).
 40. *Trudy chetvertogo s"ezda uglepromyshlennikov yuga Rossii, byvshego v gorode Novochoerkasske s 15 po 24 sentyabrya 1879 g.* [Proceedings of the Fourth Congress of Coal Producers of the South of Russia, which was held in the city of Novochoerkassk from September 15 to 24, 1879] Khar'kov, Tip. K.P. Schasni, 1879. 192 s. (In Russian).
 41. Fomin P.I. *Istoriya gornoi i gornozavodskoi promyshlennosti yuga Rossii so vremeni vozniknoveniya do vos'midesyatykh godov proshlogo veka, 1915* [History of the mining and mineral processing industry of southern Russia from its inception to the eighties of the last century]. T. 1. 204 s. (In Russian).
 42. Tsintsadze N.S. *Les rubyat — shchepki letyat. Vremennoe pravitel'stvo i lesnaya vakkhanaliya* [The forest is being cut down and the chips are flying. The Provisional Government and the Forest Orgy] // *Problemy ekologicheskoi istorii/okruzhayushchei sredy*. Vypusk II. Otv.sost. V.I. Durnovtsev, M.: RGGU, 2020. S.336–344. (In Russian).
 43. *Tsirkulyar ministra gosimushchestv grafa P.D. Kiseleva po vysochaishemu poveleniyu o merakh k sokhraneniyu lesa zamenoi onogo v toplive torfom ot 18 oktyabrya 1840 g* [Circular from the Minister of State Property Count P.D. Kiselev, according to the highest order on measures to preserve the forest by replacing it in fuel with peat dated October 18, 1840] // RGIA. F. 387.Op.1. D.318. L.3–3 ob. (In Russian).
 44. Khlopov G.V. *Zagryaznenie protochnykh vod khozyaistvennymi i fabrichnymi otbrosami i mery k ego ustraneniyu* [Pollution of running waters with household and factory waste and measures to eliminate it]. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1902. 116 s. (In Russian).
 45. Smil V. *Energy and civilization: a history*. Cambridge, MA: The MIT Press, [2017]. 564 p. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.006
УДК 330.15:94(470/571)"1970/1980"
ББК 63.3(2)6-2

Д.С. АШИХИНА

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СТОИМОСТИ
ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В СССР
В 1970–1980 ГГ.: ПОДХОДЫ И МЕТОДИКИ**

D.S. ASHIKHINA

**ECONOMIC ASSESSMENT OF THE COST
OF NATURAL RESOURCES IN THE USSR
IN 1970–1980: APPROACHES AND METHODS**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ,
проект № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления
и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991».*

Переход природных ресурсов из категории «даровых» благ к благам, обладающим ценностью, необходимость их рационального включения в производственный процесс, а также осуществление экологического планирования привели к необходимости оценки их экономической стоимости. В СССР в 1970–1980-х гг. существовали различные подходы к оценке природных богатств: затратный, рентный, результативный. Затратный подход предлагал оценивать природные ресурсы с использованием трудовой теории стоимости, согласно затратам труда на добычу одной единицы природного ресурса. Рентный подход, напротив, помогал рассмотреть не только пользу, которую природный ресурс принесет экономике, но и то, какой потенциальный ущерб нанесет государству и природе использование этого природного ресурса. Результативный подход обобщал положения обоих подходов. Предполагалось, что затратный, рентный и результативный подходы будут использоваться во взаимосвязи, в зависимости от конкретной цели.

На основании этих подходов разрабатывались проекты универсальной методики оценки стоимости природных ресурсов. Единая методика, однако, выработана не была. На практике для оценки стоимости природных ресурсов использовались различные методические документы, в том числе, разработанные на региональном уровне.

The need to estimate the cost of expenses caused by a number of reasons, such as the transition of natural resources from the category of «free» goods to goods with value; the need for rational inclusion of natural resources in the production process; ecological planning. There are three approaches to assessing natural resources were in the USSR: cost approach, rental approach, effective approach. The cost approach proposed to evaluate natural resources using the labor theory of value, according to the labor costs for the extraction of one unit of natural resource. The rent approach, on the contrary, helped to consider not only the benefits that a natural resource will bring to the economy, but also what potential damage the use of this natural resource will cause to the state and nature. The effective approach generalized the provisions of both approaches. It was assumed that cost, rental and performance approaches would be used in conjunction, depending on the specific goal.

Based on these approaches, it was planned to create a universal methodology for assessing the value of natural resources. However, no unified methodology has been developed. In practice, various methodological documents, including regional ones, were used to assess the value of natural resources

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическое планирование, природные ресурсы, экономическая оценка стоимости природных ресурсов, затратный подход, рентный подход, результативный подход

KEY WORDS: ecological planning, natural resources, economic assessment of the value of natural resources, cost approach, rental approach, effective approach

ВВЕДЕНИЕ. Осуществляющееся в СССР с 1975 г. экологическое планирование включало только количественные показатели и основывалось на подаваемой министерствами и ведомствами статистической отчетности, что накладывало определенный отпечаток на итоговые нормы, доводимые до предприятий. С целью выполнения этих норм, зачастую завышенных, предприятия форсировали выпуск продукции, используя все больше ресурсов и загрязняя природную среду. Включение вторичного сырья в процесс производства, более полное извлечение углеводородных ресурсов, снижение капиталоемкости, экологическое загрязнение, — проблемы, из-за которых в 1970–1980-х гг. происходила разработка методики оценки природных ресурсов [20, с. 4].

ЦЕЛЬ данной статьи заключается в анализе предпосылок разработки методики экономической оценки природных ресурсов в СССР в 1970–1980-х гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ исследования включают анализ периодической печати, а также делопроизводственных документов, включенных в состав фондов Российского государственного экономического архива и Государственного архива Югры.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Антропогенное воздействие в СССР изменялось с помощью показателей предельных допустимых выбросов вредных веществ (ПДВ), разрабатываемых Госстандартом, а также различными Министерствами, которые считали данный вопрос выходящим за пределы своих компетенций и предлагали создать межведомственную службу, которая работала бы совместно с Академией наук СССР [11, л. 30–32]. Разработанные таким образом нормы могли лишь сдерживать выбросы на уровне, не вредящем человеку, но не оказывали превентивного воздействия для улучшения экологической ситуации [10, л. 95]. Осознание же ценности природы как социальной среды, «места обитания» человека, привело к наделению природных ресурсов стоимостью и, как следствие, к дискуссиям о том, как эту стоимость обчислить.

Экономическая оценка природных ресурсов в СССР понималась как ценность ресурсов для экономики [23, с. 5]. Важность этой оценки была обоснована еще в 1920-е гг., когда С.Г. Струмилин поднял вопрос о рациональном использовании природных ресурсов, весомый вклад в которое вносит грамотное размещение промышленных предприятий [14, с. 95].

Начало обсуждений экономической стоимости природы в 1960-х гг. совпало с дискуссиями о наличии либо отсутствии ренты в условиях плановой экономики [16, с. 36–39; 8, с. 8–15]. Признавая, что в СССР действительно имеется дифференциальная рента, советские экономисты оценивали земли, пригодные для сельского хозяйства. Так, Н.П. Федоренко считал, что стоимость сельскохозяйственных угодий в СССР составляет 540 млрд руб. [19, с. 74], М.Л. Бронштейн — 900–1200 млрд руб. [1, с. 162], а М.Н. Лойтер — 320 млрд руб. [7, с. 345].

В дальнейшем были предприняты попытки экстраполяции оценки сельскохозяйственных угодий на другие природные ресурсы с помощью трех различных подходов: затратного, рентного, результативного.

С помощью затратного подхода, который предложил С.Г. Струмилин, имеется возможность оперативно просчитать суммы, потраченные на освоение природных ресурсов, путем расчета затрат на геологоразведку, строительные-монтажные работы, создание инфраструктуры месторождения [17, с. 60–72].

Оценить стоимость мероприятий по геологоразведке в СССР предлагалось с помощью методических рекомендаций, разработанных Государственным комитетом цен Совета Министров СССР. В них делался акцент на необходимость дифференциации стоимости геологоразведочных мероприятий в зависимости от региона с помощью корректирующих коэффициентов и использования средней ставки возмещения [15, с. 79]. Расходы на освоение месторождений, помимо объективных, поддающихся подсчету факторов (природно-климатических, географических факторов, зарплаты работников и т.д.), включали и субъективные, такие как качество труда работников, элемент случайности их нахождения и прочее. Особенно важным субъективным фактором называлось качество природных ресурсов, которое имело прямую корреляцию с рентабельностью месторождений, однако не оценивалось экономически [17, с. 108]. Следовательно, данные, полученные с помощью затратного подхода, не всегда были объективны [15, с. 80].

В качестве дополнения затратного подхода В.К. Шкатов предложил свой метод оценки стоимости природных ресурсов: создание интегрального балльного рейтинга для каждого рентообразующего фактора на основании его важности для процесса добычи минеральных ресурсов [22, с. 36].

В целом же положения затратной концепции базировались на трудовой теории стоимости. Согласно этой теории, стоимость природных ресурсов оценивалась с точки зрения затрат общественного труда, необходимого для их включения в производственный цикл. Расположение же природных ресурсов, их значимость с точки зрения экологии в рамках этой теории не имеет значения.

Альтернативный способ расчета экономической стоимости природных ресурсов была предложена академиком Н.П. Федоренко. Его рентная концепция базировалась на экономическом эффекте, получаемом при использовании ресурса [17, с. 60–72]. Оценка стоимости природного ресурса производилась исходя из того, какую полезность для экономики могла принести каждая его дополнительная единица. В этой связи экологическому планированию уделялась важнейшая роль: требовалось оптимизировать планирование так, чтобы удовлетворить максимальное количество экономических потребностей, используя минимальное количество природных ресурсов [24, с. 35–53]. Сторонники рентного подхода предлагали оценивать природные ресурсы с двух сторон: брать во внимание то, что происходит использование природного ресурса, включение его в экономический цикл; а также то, какой ущерб понесет природа при добыче конкретного ресурса [6, с. 114].

Положения затратного и рентного подхода объединяла появившаяся в середине 1970-х гг. результативная концепция. Ее сторонники предлагали оценивать природные ресурсы и как общую стоимость готового продукта со всеми затраченными на него ресурсами, и как затраты на добычу природных ресурсов с точки зрения дополнительного экономического эффекта. Обязательным в данной концепции было включение как количественных, так и качественных показателей. Однако стоимостью в данном случае предлагалось наделять лишь те ресурсы, которые имели возможность быть включенными в экономический цикл (принести потенциальный доход) [5, с. 198].

Таким образом, каждый подход имел как плюсы, так и минусы. Затратный подход, достаточно простой в подсчетах, основывался на твердых количественных показателях и давал стабильные экономические прогнозы, однако не учитывал месторасположение природных ресурсов и скорость их возобновления. Рентный подход позволял учесть не только фактические, но и альтернативные издержки, а также предельно допустимые расходы на освоение природных ресурсов; оценивать, однако, с помощью данного метода было возможно лишь те природные ресурсы, которые включаются в производственный цикл. Результативный подход, объединяющий положения затратного и рентного подходов, мог применяться для разных природных ресурсов, расположенных на разных территориях,

однако в связи с возможностью различного оценивания качественных факторов получались различные оценки. Таким образом, оценка экономической стоимости, произведенная с помощью различных подходов, существенно отличалась. Поэтому советские ученые отмечали необходимость использования различных подходов для оценки различных объектов, либо во взаимной увязке [21, с. 7]. Так, например, оценку месторождения имеет смысл проводить с помощью рентного подхода, а прибыль от использования и продажи добытых природных ресурсов — с помощью затратного [21, с. 7].

Несмотря на то, что работа над методикой экономической оценки природных ресурсов, разрабатываемой в 1970–1980-х гг. представителями министерств, ведомств, Академии наук СССР и Госплана СССР, так и не была завершена [9, л. 4], в СССР все же функционировали различные методики оценки стоимости природных ресурсов.

«Методика определения экономической эффективности капитальных вложений в мероприятия по охране окружающей среды», разработанная в 1977 г., оценивала ежегодное антропогенное воздействие в 15–17 млрд руб. [12, л. 22]. В ее основе лежала «Типовая методика определения эффективности капитальных вложений» 1969 г. [12, л. 7]. Минусы этой методики заключались в следующем: отсутствовал расчет эффекта от предотвращения загрязнения природы; не прослеживалась корреляция между снижением воспроизводства рабочей силы и деградацией природной среды; мероприятия природоохранного характера не содержали увязки с улучшением условий труда, повышением его престижности и привлекательности для населения [12, л. 31]. Государственная экспертная комиссия отмечала, что Методика должна дорабатываться с точки зрения включения социальных показателей, а также универсальности [12, л. 41]. Но обсуждения, проходившие в 1978–1979 гг., привели к тому, что Методика была одобрена и введена в практический оборот [12, л. 84].

Оценить эффективность геологоразведочных работ помогала утвержденная в 1983 г. «Временная методика экономической оценки нефтяных и нефтегазовых месторождений», утвержденная в 1983 г. Она позволяла учесть эффективность геологоразведочных работ, альтернативные способы использования территории, затраты на строительные-монтажные работы и эксплуатацию месторождения, а также сроки его использования [4, с. 88].

«Методика определения экономической эффективности хозяйственных мероприятий, оказывающих воздействие на состояние природной среды», разработанная к 1989 г., позволяла увязать региональный, социальный и экологический факторы при определении показателей ПДВ, а также давала рекомендации к определению санкций за их нарушения [13, л. 6]. Достоинством данной методики было перераспределение ответственности за загрязнение региона между предприятиями, которые функционируют на его территории: если при строительстве одного предприятия не удастся снизить вредные выбросы до нормативных значений, то другим предприятиям нужно выделять дополнительные бюджетные ассигнования на охрану окружающей среды, чтобы общий объем вредных выбросов на данной территории сохранялся в пределах нормы [13, л. 6]. Минус концепции заключался в том, что в ней не было заявлено, где брать дополнительные бюджетные ассигнования при пятилетнем планировании, а также недостаточно проработанное понятие «регион» [13, л. 12]. Кроме того, эта Методика лишь дублировала с незначительными дополнениями «Методику определения эффективности капитальных вложений», поэтому была отклонена Государственной экспертной комиссией Госплана СССР [13, л. 30].

Параллельно с существующими методиками в 1970–1980-х гг. Госплан СССР, Академия наук, представители министерств и ведомств под руководством Н.П. Федоренко производили разработку универсальной методики экономической оценки природных ресурсов [9, л. 4]. Однако в связи с тем, что разрабатываемая методика, по сути, практически дублировала уже существующие, а также подразумевала функционирование с использо-

ванием рыночных механизмов (что противоречило ключевым постулатам плановой экономики), она так и не была согласована [9, л. 284]. Объясняя свое мнение, вице-президент Академии наук А.Л. Яшин добавлял, что, по-видимому, создать методiku, которая позволила бы оценить экономическую стоимость каждого ресурса, невозможно [9, л. 7].

Эффективность геологоразведочных работ предлагалось оценивать с помощью «Методики определения ставок возмещения затрат на геологоразведочные работы и повышенных ставок за сверхнормативные потери при добыче полезных ископаемых», а также разработанным на ее основе «Отраслевым методическим указаниям по определению ставок возмещения затрат на геологоразведочные работы на нефть и попутный газ и повышенных ставок за сверхнормативные потери попутного газа» [2, с. 34–36].

На региональном уровне существовали методические рекомендации, базирующиеся на общесоюзных документах. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе использовались «Методические рекомендации по экономической оценке природных ресурсов и расчету платежей за использование природных ресурсов и загрязнение окружающей среды», согласно которым штрафы за превышение предприятиями ПДВ использовались для пополнения местного бюджета с целью дальнейшего использования для ликвидации нанесенного природе вреда [3, л. 4]. Платежи делились на несколько групп. Первую группу составляли фиксированные выплаты за загрязнения, которые не превышали предельно допустимые. Вторая группа платежей включала плату за те загрязнения, которые находились в диапазоне между предельно допустимыми нормами и временно согласованными. Третья группа платежей была предусмотрена для тех предприятий, которые превышали даже временно согласованные нормы выбросов [3, л. 38]. Показатели предельно допустимых и временно согласованных выбросов варьировались и рассчитывались индивидуально для каждого предприятия [3, л. 38–43]. Однако по усмотрению территориальных органов Госкомприроды СССР плата для добросовестных предприятий могла быть снижена [3, л. 47].

ВЫВОДЫ. Отказ от концепции «даровых» природных ресурсов привел к необходимости наделять природные ресурсы экономической стоимостью. К 1970 г. в СССР имелись несколько подходов к оценке стоимости природных ресурсов, которые применялись во взаимной увязке: затратный, рентный, результативный. Оценка природных ресурсов с помощью положений различных подходов давала противоречивые результаты, поэтому в 1970 — 1980-х гг. в СССР происходили дискуссии среди ученых, представителей министерств, ведомств, предприятий о создании универсальной методики оценки стоимости природных ресурсов. Единая методика, однако, не могла существовать из-за специфики расчетов для различных видов природных ресурсов, а также невозможности включения в расчеты социальных факторов. В связи с этим на практике в СССР использовались нормы ПДВ, а также разработанные на их основе «Методика определения экономической эффективности капитальных вложений в мероприятия по охране окружающей среды», «Методика определения экономической эффективности хозяйственных мероприятий, оказывающих воздействие на состояние природной среды», «Временная методика экономической оценки нефтяных и нефтегазовых месторождений» и другие, дополняемые на местном уровне, на котором более всего заметны допускаемые предприятиями загрязнения, региональными методиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронштейн М.Л. Земля и хозрасчетные отношения. М.: Колос, 1978. 168 с.
2. Быбочкин А.М. Оптовые цены на минеральное сырье и эффективность геологоразведочных работ // Разведка и охрана недр. 1980. № 8. С. 34–36.
3. ГАЮ. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 507а.

4. Игревский В. Экономическая оценка нефтяных месторождений // Плановое хозяйство. 1984. № 12. С. 87–88.
5. Качукоева Л.З., Халишхова Л.Б., Блиева Л.В. Генезис методологии экономической оценки природно-ресурсного потенциала региона // Terraeconomicus. 2010. Т. 8. № 3. Ч. 2. С. 195–204.
6. Кислова Т. К вопросу об экономической оценке природных ресурсов // Плановое хозяйство. 1981. № 9. С. 114–116.
7. Лойтер М.Н. Эффективность экологических затрат // Экономическая эффективность общественного производства в период развитого социализма. М., 1977. 359 с.
8. Марков И. Дифференциальная рента и дифференциальный доход в колхозах // Вопросы экономики. 1960. № 1. С. 8–15.
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 47. Д. 7715.
10. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 178.
11. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 182.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 2641.
13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 9303.
14. Румянцев А.М. Экономика природы // Природа. 1977. № 1. С. 94–99.
15. Соколовская Г. Методологические основы экономической оценки природных ресурсов // Плановое хозяйство. 1976. № 9. С. 77–83.
16. Струмилин С.Г. О дифференциальной ренте в условиях социализма // Вопросы экономики. 1960. № 7. С. 36–39.
17. Струмилин С. О цене «даровых благ» природы // Вопросы экономики. 1967. № 8. С. 60–72.
18. Суховерхова Т. Использование природных ресурсов и себестоимость продукции добывающих отраслей // Плановое хозяйство. 1977. № 6. С. 108–113.
19. Федоренко Н.П. О научно-экспериментальной экономической оценке природных ресурсов // Вестник АН СССР. 1975. № 6. С. 66–74.
20. Федоренко Н.П., Лемешев М.Я., Реймерс Н.Ф. Социально-экономическая эффективность охраны природы // Природа. 1980. № 10. С. 2–13.
21. Хрущов Н.А. Экономические основы охраны недр // Природа. 1972. № 2. С. 2–9.
22. Цены и экономическое стимулирование рационального использования природных ресурсов: Сб. научн. тр. НИИ по ценообразованию // Под ред. Шкатова В.К. М., 1979. 178 с.
23. Экономическая оценка природных ресурсов на основе модели динамики экосистем / В.Н. Крутько, С.Г. Синельников, П.М. Хомяков. М.: ВНИИСИ, 1985. 47 с.
24. Федоренко Н.П. Экономические проблемы оптимизации природопользования. М., 1973. 156 с.

REFERENCES

1. Bronshtejn M.L. *Zemlya i hozraschetnye otnosheniya* [Land and self-supporting relations]. М.: Kolos, 1978. 168 s. (In Russian).
2. Bybochkin A.M. *Optovye ceny na mineral'noe syr'e i effektivnost' geologo-razvedochnyh rabot* [Wholesale prices for mineral raw materials and the efficiency of geological exploration work] // *Razvedka i ohrana neдр*. 1980. № 8. S. 34–36. (In Russian).
3. SAU. F. P-184. In. 1. File 507a. (In Russian).
4. Igrevskij V. *Ekonomicheskaya ocenka neftyanyh mestorozhdenij* [Economic assessment of oil fields] // *Planovoe hozjajstvo*. 1984. № 12. S. 87–88. (In Russian).
5. Kachukoeva L.Z., Halishkhova L.B., Blieva L.V. *Genezis metodologii ekonomicheskoy ocenki prirodno-resursnogo potenciala regiona* [Genesis of the methodology for economic assessment of the natural resource potential of the region] // *Terraeconomicus*. 2010. Т. 8. № 3. P. 2. S. 195–204. (In Russian).
6. Kislova T. *K voprosu ob ekonomicheskoy ocenke prirodnyh resursov* [On the issue of economic assessment of natural resources] // *Planovoe hozjajstvo*. 1981. № 10. S. 114–116 (In Russian).

7. Lojter M.N. *Effektivnost' ekologicheskikh zatrat* [Environmental Cost Effectiveness] // *Ekonomicheskaya effektivnost' obshchestvennogo proizvodstva v period razvitogo socializma*. M., 1977. 359 s. (In Russian).
8. Markov I. *Differencial'naya renta i differencial'nyj dohod v kolhozah* [Differential rent and differential income on collective farms] // *Voprosy ekonomiki*. 1960. № 1. S. 8-15. (In Russian).
9. RSAE. F. 4372. In. 47. File. 7715. (In Russian).
10. RSAE. F. 4372. In. 67. File. 178. (In Russian).
11. RSAE. F. 4372. In. 67. File. 182. (In Russian).
12. RSAE. F. 4372. In. 67. File. 2641. (In Russian).
13. RSAE. F. 4372. In. 67. File. 9303. (In Russian).
14. Rummyancev A.M. *Ekonomika prirody* [The economy of Nature] // *Priroda*. 1977. № 1. S. 94-99. (In Russian).
15. Sokolovskaya G. *Metodologicheskie osnovy ekonomicheskoy ocenki prirodnih resursov* [Metodologicheskie osnovy ekonomicheskoy ocenki prirodnih resursov] // *Planovoe hozyajstvo*. 1976. № 9. S. 77-83. (In Russian).
16. Strumilin S.G. *O differencial'noj rente v usloviyah socializma* [On differential rent under socialism] // *Voprosy ekonomiki*. 1960. № 7. S. 36-39. (In Russian).
17. Strumilin S. *O cene «darovyh blag» prirody* [About the price of «free benefits» of nature] // *Voprosy ekonomiki*. 1967. № 8. S. 60-72. (In Russian).
18. Suhoverhova T. *Ispol'zovanie prirodnih resursov i sebestoimost' proizvodstva dobyvayushchih otraslej* [Use of natural resources and production costs of extractive industries] // *Planovoe hozyajstvo*. 1977. № 6. S. 108-113. (In Russian).
19. Fedorenko N.P. *O nauchno-eksperimental'noj ekonomicheskoy ocenke prirodnih resursov* [On scientific and experimental economic assessment of natural resources] // *Vestnik AN SSSR*. 1975. № 6. S.66-74. (In Russian).
20. Fedorenko N.P., Lemeshev M. YA., Rejmers N.F. *Social'no-ekonomicheskaya effektivnost' ohrany prirody* [Socio-economic efficiency of nature conservation] // *Priroda*. 1980. № 10. S. 2-13. (In Russian).
21. Hrushchov N.A. *Ekonomicheskie osnovy ohrany nedr* [Economic basis for subsoil protection] // *Priroda*. 1972. № 2. S. 2-9. (In Russian).
22. *Ceny i ekonomicheskoe stimulirovanie racional'nogo ispol'zovaniya prirodnih resursov* [Prices and economic incentives for the rational use of natural resources]: Sb. nauchn. tr. NII po cenoobrazovaniyu // Pod red. SHkatova V. K. M., 1979. 178 s. (In Russian).
23. *Ekonomicheskaya ocenka prirodnih resursov na osnove modeli dinamiki ekosistem* [Economic valuation of natural resources based on ecosystem dynamics model] / V.N. Kruz'ko, S.G. Sinel'nikov, P.M. Homyakov. M.: VNIISI, 1985. 47 s. (In Russian).
24. Fedorenko N.P. *Ekonomicheskie problemy optimizatsii prirodopol'zovaniya* [Economic problems of optimization of environmental management]. M., 1973. 156 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.007

УДК 556.555.8:94(470/571)"17»

ББК 26.222.588г(2)

А.В. ШМЫГЛЕВА

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

A.V. SHMYGLEVA

**THEORY AND PRACTICE OF WATER
MANAGEMENT: HISTORICAL ASPECT**

Управление водопользованием — важная часть сферы взаимодействия общества и природы и одна из наиболее сложных сфер природопользования. Для современной науки актуальными являются вопросы, связанные с поиском эффективных подходов в сфере использования и охраны водных ресурсов и совершенствования системы водопользования как в государственном масштабе, так и на уровне отдельных регионов. В связи с этим возникает необходимость исследовать и учитывать накопленный опыт управления водопользованием во всем его многообразии и сложности. В статье проанализированы исторически сложившиеся подходы, на основе которых происходило управление водопользованием в разных странах, в том числе, в России. Сделан вывод о том, что в контексте реализации концепции устойчивого развития наиболее обоснованным является сочетание различных подходов, обусловленное учетом региональных особенностей и специфики природно-хозяйственных систем.

Water use management is an important part of the interaction between society and nature and one of the most complex problems of environmental management. For modern science, relevant issues are related to the search for effective approaches in the field of use and protection of water resources and improvement of the water use system both on a national scale and at the level of individual regions. In this regard, there is a need to explore and take into account the accumulated experience of water management in all its diversity and complexity. The article analyzes various approaches, on the basis of which water use was managed in different countries, including Russia. It is concluded that water management, based on the administrative-territorial principle, has led to contradictions and disproportions between the economic, social and environmental development of socio-economic systems. In the context of the concept of sustainable development, the most justified is a combination of different approaches, taking into account regional characteristics and the specifics of natural and economic systems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: водопользование, речной бассейн, ландшафтно-бассейновый подход, экологическая история.

KEY WORDS: water use, river basin, landscape-basin approach, environmental history.

ВВЕДЕНИЕ. Вода в современном мире стала наиболее ценным ресурсом, а водопользование — одной из самых сложных сфер природопользования. Актуальность водной проблемы обусловлена разными причинами, одной из которых является неэффективная политика в сфере управления и охраны водных объектов. Изучение исторического опыта в сфере управления водопользованием является актуальной научной задачей, а выявление как положительного, так и отрицательного опыта позволит избежать повторения ошибок в настоящем и будущем.

ЦЕЛЬ — проанализировать историю водохозяйственной политики и выявить особенности применения на практике основополагающих научных концепций и подходов в сфере управления водными ресурсами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Научные статьи, материалы научных конференций, монографические исследования ученых (географов, гидрологов, экологов, историков), посвященные проблемам изучения и использования водных источников, а также управления водохозяйственным комплексом.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Современное природопользование опирается на три основных подхода: ландшафтный, бассейновый и административный. Ландшафтный подход является одним из наиболее распространенных в географии. Он основан на идее взаимной связи и взаимной обусловленности природных географических компонентов и реализуется путем выделения физико-географических единиц разного иерархического уровня — от стран и зональных областей до провинциальной и топологической структуры бассейнов основных рек и их притоков [7]. Начальный период прикладных ландшафтно-географических исследований в России связан с идеями В.В. Докучаева о взаимосвязях элементов природной среды. Докучаев подчеркивал связь природных компонентов и считал, что необходимо изучать «единую, цельную и нераздельную природу, а не отрывочные ее части» [3, с. 146]. В труде «К учению о зонах природы» ученый отмечал: «Изучались главным образом отдельные тела — минералы, горные породы, растения и животные, и явления, отдельные стихии — огонь (вулканизм), вода, земля, воздух, в чем наука и достигла удивительных результатов, но не их соотношения, не та генетическая, вековечная, закономерная связь, какая существует между силами, телами и явлениями, между растительными, животными и минеральными царствами с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой» [3, с. 97]. Общие положения ландшафтно-гидрологического метода нашли отражение в трудах А.И. Воейкова, Л.С. Берга, В.И. Вернадского, А.А. Григорьева. Практическое использование данного подхода связано с именами М.И. Будыко, В.С. Мезенцева, Б.П. Ткачёва и других ученых. Ландшафтный подход в СССР применялся уже в 1920–1930-х гг. в целях народнохозяйственного планирования, но широкое развитие он получил в 1960–1980 гг., в основном благодаря исследованиям географов А.Г. Исаченко, Н.А. Солнцева, В.Б. Сочавы, Ф.Н. Милькова. Ландшафтный подход по-прежнему применяется для решения вопросов природопользования и имеет большое значение при изучении современного состояния территорий. На сегодняшний день в рамках данного подхода сложились следующие направления: структурно-генетическое (учение о морфологической структуре ландшафта); эволюционное (историко-географические исследования); функционально-динамическое (исследование взаимодействия элементов в геосистемах); прикладное (гидромелиоративное, инженерное, лесомелиоративное, природоохранное, архитектурно-планировочное, рекреационное и др.).

Зарождение бассейнового подхода связано с развитием географической науки в XVIII в. Интерес к изучению объектов естественной среды и стремление к конкретизации поля исследований вызвали дискуссии о приемлемости использования административно-территориального принципа для сбора географической информации. Понятие «речной бассейн» было введено в середине XVIII в. французским королевским географом Филиппом Бюашем, считавшим, что вся земная поверхность представляет собой систему горных хребтов и речных бассейнов. По мнению Ф. Бюаша, бассейны крупных рек, разделяемые горными хребтами, следовало рассматривать в качестве основных территориальных единиц для географических описаний. Его идеи были впервые применены на практике немецким географом XVIII в. Иоганном Кристофом Гаттерером, который отождествлял бассейны стока с природными районами. Д. Плайфер в первой четверти XIX в. выявил

и подробно описал характерные признаки речных бассейнов. Известный французский ученый, географ Элизе Реклю в начале XX в. предложил системное, целостное представление о водосборном бассейне и доказал, что речной бассейн является особым природным районом, где «многие ручьи, потоки и реки объединяются в одну главную реку» [20]. Реклю образно сравнивал реки с большими и малыми венами, которые «приносят в большой резервуар океана воду, вылитую на поверхность земли артериальной системой облаков и дождей» [20, с. 3]. Он считал, что реки имеют важное значение не только для флоры и фауны, но и для истории человечества: «...Они равномерно распределяют по земной поверхности дождевую и снеговую воду... и с помощью многочисленных своих ветвей оплодотворяют всю площадь бассейна. Они превращают в песок каменные скалы гор и распределяют плодородные наносы по прибрежным полям, создают новые равнины. Реки уравнивают климаты... помогают сближению народов» [20, с. 4]. Идея целостности речного бассейна как системы была конкретизирована немецким ученым Фридрихом Ратцелем. В первой четверти XIX в. он обосновал представление о речном бассейне как системе, в пределах которой наблюдается «не только единство элементов природы, но также единство торговое, культурное и политическое народов, проживающих на его территории, где главная река «притягивает» к себе растительность, животных и народности» [4]. Идеи Ф. Ратцеля были положены в основу использования бассейнового подхода в управлении природопользованием. Р. Хортон в 1948 г. в книге «Эрозионное развитие рек и водосборных бассейнов» [28] предложил собственную систему для анализа речных бассейнов как эрозионных комплексов, возникающих вследствие естественных процессов. Р. Хортон описал структуру бассейна и предложил свою систему кодирования водотоков. Таким образом, при исследовании природных закономерностей ученые опирались на бассейновый подход в качестве одного из основных задолго до его применения для организации природопользования, часто противопоставляя его административному подходу, который не учитывал особенности природных экосистем.

Признавая роль воды для жизни и деятельности человека, некоторые российские ученые предлагали применять бассейновый подход для выявления закономерностей возникновения и развития цивилизаций. Например, Л.И. Мечников считал, что «вода оказывается оживляющим элементом не только в природе, но и истинной двигательной силой в истории» [15, с.123]. Существенная роль речных систем в истории России отмечалась С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским [8, 23]. По мнению историков, в процессе освоения территории именно реки выступали «проводниками» населения, давая возможность передвигаться на большие расстояния. Реки были не только источником воды, но привлекали обилием биологических ресурсов, плодородными почвами, строительными материалами, создавая основу для ведения хозяйства. Роль речного фактора в процессе расселения восточных славян, образования городских центров и развития государственности на территории и Восточной Европы подчеркивал Е.Н. Носов [17].

Применение бассейнового подхода к управлению водными ресурсами в России было обосновано еще В.В. Докучаевым, однако научный подход, в рамках которого бассейн реки следует рассматривать как природно-антропогенную геосистему, закрепился в отечественной науке сравнительно недавно. В 1960-х — 1970-х гг. перспективность бассейнового подхода обоснована в работах таких исследователей как В.Б. Сочава, Н.А. Гвоздецкий, Н.Ф. Мильков, Г.И. Швец, В.А. Николаев, К.Н. Дьяконов, Ю.И. Винокуров, В.И. Булатов и др. Сибирский ученый Л.М. Корытный предложил рассматривать «бассейн как особую пространственную единицу биосферы» в контексте управления природопользованием: «...бассейн как особый пространственный объект биосферы весьма перспективен не только для разностороннего изучения природы и экономики, но и для управления окружающей средой, понимаемой в самом широком смысле» [9].

Одним из основных недостатков традиционного подхода к управлению социально-экономическими процессами является разделение территории на административные районы, границы которых не совпадают с границами природных комплексов, к которым относятся биогеоценозы, ландшафты и геосистемы. Поиск путей преодоления данного противоречия привел к появлению ряда исследований, в которых речной бассейн рассматривается как территория взаимодействия природы и общества, где «взаимосвязаны природные, экономические и социально-демографические процессы» [18] и как «целостное системное образование, создающее природный базис природопользования» [11]. Накопленная за десятилетия информация о процессах, происходящих в бассейнах рек, и применение современных геоинформационных технологий способствовали качественным изменениям и эволюции подходов к решению вопросов природопользования в нашей стране. С середины 1980-х годов в природопользовании началось активное использование бассейново-ландшафтного подхода. В географической науке он имел различные названия: зонально-ландшафтный [13], зонально-провинциальный [24], геосистемно-гидрологический [9]. Несмотря на терминологические различия, все указанные авторы опирались на геосистемную концепцию [26], которая рассматривает территорию как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных геосистем различных иерархических уровней, являющихся объектами управления.

В основе бассейнового подхода лежит выделение геосистем в соответствии с геоморфологическими критериями, которые опираются на структуру естественной гидрологической сети, выступающей экологическим каркасом прилегающих территорий. Системообразующими элементами бассейна являются потоки вещества, энергии и информации. Речные бассейны обладают такими качествами как: функциональность; иерархичность строения; целостность; устойчивость и способность к саморазвитию. В структуру речного бассейна входят различные элементы, в том числе, склоны и гидрографическая сеть. Основной функцией речного бассейна является генерация односторонне направленных потоков вещества и энергии в сток. В настоящее время специалисты выделяют следующие уровни речных бассейнов: локальный (бассейны крупных ручьев); региональный (бассейны малых рек); мезорегиональный (бассейны средних рек, протекающих в пределах одной географической зоны); макрорегиональный (бассейны крупных рек, протекающих в пределах нескольких географических зон).

В рамках геосистемно-бассейновой концепции бассейны рек рассматриваются как территориальные системы, формирование которых в XX в. происходило под влиянием двух факторов: природного и антропогенного. Ученые доказали, что масштабы антропогенного влияния на экосистему распространяются на весь речной бассейн, при этом техногенные процессы в бассейнах рек развиваются от истока к устью. Территории крупных речных бассейнов имеют как правило сложную хозяйственную структуру, часть бассейнов охватывает территории нескольких экономических районов и даже нескольких государств.

Универсальность и повсеместное распространение речных бассейнов позволили ученым расширить сферу применения бассейнового принципа для обоснования административных и политических границ. Идея применения бассейнов крупных рек в качестве административных единиц была высказана еще в 1870-х гг. американским ученым Джоном Уэсли Пауэллом, и в 1930-х гг. за рубежом речные бассейны использовались для планирования и управления социально-экономическим развитием территорий. Попытки применения бассейнового подхода как альтернативы физико-географического районирования предпринимались и в административно-территориальном делении России. По мнению ряда ученых, сложившееся в 1990-х гг. территориально-административное деление, в рамках которого осуществлялось управление природными ресурсами, не совпадало с контурами бассейнов водных объектов, что вызывало противоречия между бассейно-

вым и административно-территориальным подходами к управлению водными объектами [26]. Л. М. Корытный предложил рассматривать речные бассейны как основу для формирования административно-территориальной структуры в России, поскольку они являются «подлинно системными территориальными образованиями, а гидрографическая сеть, состоящая из главной реки и притоков разных порядков, обеспечивает функциональное единство всех частей речного бассейна» [10]. Идея подучила поддержку ряда специалистов, но по разным причинам не нашла практического применения в России.

Практика применения бассейнового подхода получила достаточно широкое распространение в мире. В России специалистам хорошо известен опыт Франции, Великобритании, США, Польши, Испании, Голландии, Индии и других стран в сфере организации управления природопользованием на основе бассейнового подхода. Еще в 1960–1980-х гг. успешный опыт применения бассейнового подхода изучался в рамках научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами [19]. В 1990-е гг. к этому опыту неоднократно обращались специалисты, занимавшиеся разработкой водных проектов в России, в том числе, в Обь-Иртыше [2, 4, 21]. Как правило, ученые объективно подходили к анализу сложившихся за рубежом подходов к управлению водными ресурсами и не призывали к его заимствованию, прекрасно понимая последствия необдуманного копирования для России. Однако, вполне обоснованным можно считать их стремление улучшить систему водопользования в России и сделать ее максимально эффективной с точки зрения социально-экономического и экологического результатов.

Впервые гидрографический принцип управления был реализован в Испании, где Королевским указом от 5 марта 1926 г. были учреждены Водные бассейновые конфедерации — ассоциации, объединившие интересы государства и водопользователей, в основе создания которых был приоритет речного бассейна перед государственной административной системой [12]. Основная задача конфедераций — разработка планов использования водных ресурсов территории и согласование интересов различных водопользователей в масштабах речного бассейна. Бассейновые организации выполняют функции управления водой (регулирующие и исполнительные), в части решения вопросов охраны окружающей среды они обеспечивают мониторинг качества подаваемой воды потребителям.

Российскими исследователями неоднократно отмечались достоинства французской системы управления водопользованием [5, 20, 29], которая начала складываться еще в 1920–1930-х гг. в форме программ развития речных бассейнов, в основе которых лежала идея о необходимости объединения усилий всех заинтересованных субъектов водопользования. Законодательно бассейновый подход во Франции был закреплен в Законе о режиме и распределении вод и борьбе с их загрязнением (1964 г.), согласно которому вся страна поделена на 6 бассейновых округов со своими структурами управления водными ресурсами — агентствами и комитетами. В 1992 г. после принятия Закона о воде система управления водопользованием усовершенствована с учетом принципов устойчивого развития. Во Франции бассейновые организации выполняют регулирующие, исполнительные и контрольные функции. Важным элементом системы управления водопользованием является уникальная система финансирования природоохранной деятельности посредством применения принципа «загрязнитель платит». Опыт реализации бассейнового подхода во Франции наглядно демонстрирует, как сознательное целенаправленное вовлечение общественности в процесс принятия экологически значимых решений способствует повышению эффективности системы управления природными ресурсами, в частности, водой.

В Великобритании, не имеющей крупных бассейнов, первые государственные бассейновые органы были созданы в рамках Министерства сельского хозяйства и рыбохозяйственных угодий в 1920–1930-х гг. Усиление государственного вмешательства в систему водопользования наблюдалось в конце 1940-х гг. В 1963 г. были организованы 29 реч-

ных управлений, которые должны были осуществлять контроль за деятельностью природопользователей и следить за качеством воды. Координационные функции выполнял национальный Совет по водным ресурсам. В целом водная политика Великобритании основывалась на централизованной системе планирования и часто не учитывала интересы различных групп водопользователей на местах. В 1970–1980-х гг. в стране действовало 10 региональных водных управлений, осуществлявших водную политику в пределах речных бассейнов. Такой подход не позволял осуществлять интегрированное управление природопользованием и в конце 1980-х — начале 1990-х гг. был пересмотрен. Создание в 1989 г. Национального речного управления, а в 1996 г. Агентства окружающей среды изменило систему в пользу интегрированного контроля за загрязнением атмосферного воздуха, воды и почвы, кроме того, к функциям Агентства были отнесены регулирование отходов и радиоактивных веществ. Важно отметить, что границы юрисдикции Агентства соответствовали местным административным границам и природным водоразделам.

В США юридическое признание необходимости централизованного планирования и управления водосборным бассейном относится к 1927 г. Через несколько лет в стране появились многочисленные бассейновые программы освоения водных ресурсов, а для обеспечения рационального использования и охраны водных объектов были созданы специальные органы, разрабатывавшие рекомендации по использованию и охране водных объектов — администрации речных бассейнов. Одной из наиболее успешных примеров комплексного использования бассейна является программа управления бассейном р. Тенесси, ставшая прототипом многоцелевых бассейновых проектов не только в США, но и в других странах. Его особенностью стало партнерство «между частными землевладельцами, органами охраны почв и воды, местными правительствами и агентствами штатов, занимающимися природными ресурсами, рыбным хозяйством и дикой природой» [5]. В середине 1950-х гг. в США получила развитие концепция комплексного развития речного бассейна и для бассейнов стали разрабатывать планы социально-экономического развития. Значительную роль в развитии водопользования в США сыграл Закон о чистой воде (1972 г.), в соответствии с которым сохранение водных ресурсов и улучшение их качества стало одним из важнейших направлений государственной политики. В 1990-х гг. на уровне администрации штатов начался процесс повсеместного создания бассейновых структур. В соответствии с иерархией бассейна, ответственность за реализацию бассейновых программ перераспределялась с федерального на региональный и локальный уровни. Такая модель позволила распределить финансовую нагрузку между различными источниками средств и повысила эффективность водопользования.

Значительный интерес представляет канадский опыт, представляющий собой сочетание административного и бассейнового принципов управления водными ресурсами. Специфика канадского подхода заключается в разделении функций между Бассейновыми организациями, которые осуществляют функции планирования и регулирования водопользования, и провинциями, которые реализуют исполнительные и контрольные функции, а также занимаются охраной окружающей среды. Кроме того, Канада имеет успешный опыт вовлечения общественности в процесс управления водными ресурсами.

Таким образом, следует отметить, что в мире накоплен достаточно обширный опыт применения бассейнового принципа в управлении водными ресурсами. Как правило, обращение к бассейновому принципу в разных странах было обусловлено недостаточностью водных ресурсов или конфликтами между водопользователями [6]. Современные образцы эффективного управления гидрографическими объектами формировались на протяжении длительного периода, при этом цели и масштабы водопользования в разных странах отличались, как и механизмы применения бассейнового принципа. В Европе бассейновый принцип получил распространение в 1960-е — 1970-е гг., на фоне обострившейся пробле-

мы масштабного загрязнения водных источников. Для управления водными ресурсами на национальном уровне здесь создавались специальные органы управления водными ресурсами бассейнов в формате государственных и негосударственных организаций, а для решения проблем трансграничных рек в это же время создавались международные организации по управлению водными ресурсами бассейнов и разрабатывались соответствующие международные бассейновые соглашения. Требование реализации бассейнового подхода на международном уровне закреплено решениями 52-й конференции Ассоциации международного права, проводившейся в 1966 г. в Хельсинки.

Сформировавшееся в 1970-х- 1980-х гг. представление о речном бассейне как о природно-хозяйственной системе, в пределах которой поток вещества, энергии и информации способствует структуризации природных и экономических составляющих, установлению прочных связей и взаимодействию между ними способствовало более широкому практическому применению данного подхода как на национальном, так и на международном уровнях. Важной характеристикой гидрографического принципа является участие представителей всех заинтересованных сторон в процессе управления водопользованием, при этом роль государства ограничена созданием благоприятной среды — политических и экономических условий, доступности информации и т.п. В настоящее время в мире существует около двух десятков моделей бассейнового управления, представляющих собой вариации «агентств», «управлений», «комиссий», выполняющих различные функции [30]. Провозглашение в 1990-х гг. целей устойчивого развития способствовало закреплению бассейнового принципа как основы для эффективного управления трансграничными водными ресурсами [22].

В настоящее время специалисты призывают не ограничиваться каким-то одним подходом, а сочетать ландшафтный, бассейновый и административно-территориальный подходы для успешного решения задач природопользования [1]. Отнесение систем водопользования регионов к устойчивым природообусловленным системам, занимающим важное место в экономике субъектов РФ, позволило прийти к выводу о необходимости использования ландшафтно-бассейнового подхода для целей рационализации регионального природопользования. Так, например, сотрудники Института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул), на протяжении многих лет изучают водные ресурсы Обь-Иртышья, основываясь на ландшафтно-бассейновом подходе. Конвергенция и совместное использование регионального и бассейнового подходов рассматриваются специалистами как необходимое условие для управления рациональным распределением и использованием водных ресурсов на региональном уровне в ситуации их ограниченности. При этом региональный аспект водопользования рассматривается не просто как важный фактор в контексте водопользования, но как «исторически сложившийся код стратегии рационального обеспечения экономики» [13].

Выводы. В XX в. в сфере управления водопользованием преобладал административно-территориальный подход. В контексте водопользования он имеет определенные недостатки — несоответствие границ бассейнов и суббассейнов административным границам обуславливает невозможность планирования и эффективного управления на уровне гидрографических единиц. Данное обстоятельство приводило к нежелательным последствиям и неуправляемости водных ресурсов, способствовало возникновению конфликтов между природопользователями разных уровней. Бассейновый подход, появившись в XVIII в. как способ объяснения процессов, происходящих в природе, получил развитие и признание во второй половине XX в. Он стал одним из важных научных направлений не только в географии, но и в почвоведении, экологии, геологии, геоморфологии и других смежных науках, рассматривавших бассейн реки как интегральную природно-хозяйственную систему (геоэкосистему). В настоящее время речной бассейн рассматривается как самая подходящая

единица для анализа и управления водными ресурсами, а бассейновый подход — как один из наиболее эффективных инструментов управления природопользованием на локальном и региональном уровнях. Эволюция научных взглядов и появление геосистемной концепции позволили в конце XX в. прийти к выводу о необходимости конвергенции различных подходов для формирования эффективной политики в области использования и охраны вод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров Ю.И. Ландшафтно-бассейновый подход в оценках водообеспеченности населения и экономики регионов Западной Сибири / Ю.И. Винокуров, И.Д. Рыбкина, Н.В. Стояцева, М.С. Губарев, Н.Ю. Курепина, В.Ф. Резников, Л.А. Магаева // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 31–41.
2. Винокуров Ю.И. Подходы к формированию стратегии устойчивого водопользования в бассейне р. Оби / Ю.И. Винокуров, И.В. Жерелина, Б.А. Красноярова // Ползуновский вестник. 2004. № 2. С. 4–13.
3. Докучаев В.В. К учению о зонах природы. Соч., т. VI, 1951. — С. 146.
4. Жерелина И.В. Бассейновый подход в управлении природопользованием: дис. канд. геогр. наук. Барнаул, 1999. 200 с.
5. Земцов В.А. Современные подходы к управлению водными ресурсами на западе и в России // Вестник ТГУ. 2001. Т. 274. С. 85–94.
6. Интегрированное управление водными ресурсами: от теории к реальной практике. Опыт Центральной Азии / Под ред. В.А. Духовного, В.И. Соколова, Х. Мантритилаке. Ташкент: НИЦ МКВК, 2008. 364 с.
7. Исаченко А.Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование: учеб. для ун-тов. М.: Высшая школа, 1991. 366 с.
8. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1 Курс русской истории. Ч. 1. М.1956. С. 30.
9. Корытный Л.М. Речной бассейн как единица природно-хозяйственного районирования // Роль географии в ускорении НТП. Тез. докл. Вып. 1. Иркутск, 1986. С. 110–112.
10. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2001. 163 с.
11. Корытный Л.М. Бассейновая концепция: от гидрологии к природопользованию // География и природные ресурсы. 2017. № 2. С. 5–16.
12. Крутов А.Н. Международная практика совершенствования институциональных структур водного сектора // Водное хозяйство России. 2020. № 3. С. 19–38.
13. Кузин П.С., Бабкин В.И. Географические закономерности гидрологического режима рек. Л.: Гидрометеоиздат, 1979. 200 с.
14. Матвеева Л.Г. Регионально-бассейновый подход и управление рациональным природопользованием // Вестник академии знаний. 2018. № 24(1). С. 137–147.
15. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития) // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2. С. 122–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsiya-i-velikie-istoricheskie-reki-geograficheskaya-teoriya-progressa-i-sotsialnogo-razvitiya> (дата обращения 22.06.2023).
16. Михеев Н.Н., Крузе Ф., Шварцев С.Л., Зеленский Г.И. Российско-французское сотрудничество в области управления водными ресурсами (на примере бассейна р. Томи) // Мелиорация и водное хозяйство. 1994. № 5. С. 52–54.
17. Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Янина. М.: Русские словари. 1999. С. 157–170.
18. Озелдинова Ж.О., Мукаев Ж.Т. Применение геосистемно-бассейнового подхода при разработке оптимальной структуры природопользования // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. М.: Буки-Веди, 2016. С. 35–38.

19. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Дд. 965, 4976.
20. Реклю Э. Земля: Описание жизни земного шара. Вып. 4: Океан. — Санкт-Петербург, 1895 (2018). 235 с.
21. Рыбкина И., Седова Е. Управление водными ресурсами в регионах России и Франции: бассейновый принцип и участие заинтересованных лиц // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2021. № 63(4). С. 23–36.
22. Садофф К., Грейбер Т., Смит М., Бергкамп Г. Вместе — Управление трансграничными водами. 2011. Гланд, Швейцария: IUCN. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/share_rus.pdf (дата обращения 19.09.2023)
23. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 56–73.
24. Соседов И.С. Методика территориальных воднобалансовых объединений в горах. Алма-Ата: Наука, 1976. 150 с.
25. Сухова Н.Г. Г.П. Гельмерсен и значение его геологических исследований для российской географии XIX столетия // Известия РГО. 2019. Том 151. Вып. № 1. С. 72–89.
26. Топология степных геосистем / Под ред. В.Б. Сочавы. Л.: Наука, 1970. 174 с.
27. Управление водными ресурсами в Российской Федерации. Аналитический обзор / Ред. В.И. Данилов-Данильян. М., 2011. С. 13.
28. Хортон Р.Е. Эрозионное развитие рек и водосборных бассейнов. Гидрофизический подход к количественной морфологии. Пер. с англ. М.-Л., Изд-во иностр. лит., 1948. 158 с.
29. Шварцев С.Л. Система управления водными ресурсами Франции // Водные ресурсы. 1995. № 4. С. 466–469.
30. Alaerts G.J. Institutions for River Basin Management: The Role of External Support Agencies (International Donors) in Developing Cooperative Arrangements. Paper presented at the 4th River Basin Management Workshop. World Bank Institute. Washington D.C. April 2000. 19 p.

REFERENCES

1. Vinokurov YU. I. *Landshaftno-bassejnovyj podhod v ocenkah vodoobespechennosti naseleniya i ekonomiki regionov Zapadnoj Sibiri* [Landscape-Basin Approach in Assessing Water Supply of the Population and the Economy of the Regions of Western Siberia] / YU.I. Vinokurov, I.D. Rybkina, N.V. Stoyashcheva, M.S. Gubarev, N. YU. Kurepina, V.F. Reznikov, L.A. Magaeva // *Geografiya i prirodnye resursy*. 2018. № 1. S. 31–41. (In Russian).
2. Vinokurov YU. I. *Podhody k formirovaniyu strategii ustojchivogo vodopol'zovaniya v bassejne r. Obi* [Approaches to the Formation of a Strategy for Sustainable Water Use in the Ob River Basin] / YU.I. Vinokurov, I. V. Zherelina, B.A. Krasnoyarova // *Polzunovskij vestnik*. 2004. № 2. S. 4–13. (In Russian).
3. Dokuchaev V.V. *K ucheniyu o zonah prirody* [On the Doctrine of the Zones of Nature] Soch., t. VI, 1951. S.146. (In Russian).
4. Zherelina I. V. *Bassejnovyj podhod v upravlenii prirodnopol'zovaniem* [Basin Approach to Environmental Management]: dis. kand. geogr. nauk. Barnaul, 1999. 200 s. (In Russian).
5. Zemcov V.A. *Sovremennye podhody k upravleniyu vodnymi resursami na zapade i v Rossii* [Modern Approaches to Water Resources Management in the West and in Russia] // *Vestnik TGU*. 2001. T. 274. S. 85–94. (In Russian).
6. *Integriruvannoe upravlenie vodnymi resursami: ot teorii k real'noj praktike. Opyt Central'noj Azii* [Integrated Water Resources Management: From Theory to Real Practice. Experience of Central Asia] / Pod red. V.A. Duhovnogo, V.I. Sokolova, H. Mantritolake. Tashkent: NIC MKVK, 2008. 364 s. (In Russian).
7. Isachenko A.G. *Landshaftovedenie i fiziko-geograficheskoe rajonirovanie* [Landscape Science and Physical-Geographical Zoning]: ucheb. dlya un-tov. M.: Vysshaya shkola, 1991. 366 s. (In Russian).
8. Kljuchevskij V.O. *Sochinenija. T.1 Kurs russkoj istorii* [Essays. T.1 Course of Russian history] CH.1. M.1956. S. 30. (In Russian).

9. Korytnyj L.M. *Rechnoj bassejn kak edinica prirodno-hozyajstvennogo rajonirovaniya* [River Basin as a Unit of Natural and Economic Zoning] // Rol' geografii v uskorenii NTP. Tez. dokl. Vyp. 1. Irkutsk, 1986. S. 110–112. (In Russian).
10. Korytnyj L.M. *Bassejnovaya koncepciya v prirodopol'zovanii* [Basin Concept in Nature Management] / Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2001. 163 s. (In Russian).
11. Korytnyj L.M. *Bassejnovaya koncepciya: ot gidrologii k prirodopol'zovaniyu* [Basin Concept: From Hydrology to Nature Management] // Geografiya i prirodnye resursy. 2017. № 2. S. 5–16. (In Russian).
12. Krutov A.N. *Mezhdunarodnaya praktika sovershenstvovaniya institucional'nyh struktur vodnogo sektora* [International Practice of Improving Institutional Structures of the Water Sector] // Vodnoe hozyajstvo Rossii. 2020. № 3. S. 19–38. (In Russian).
13. Kuzin P.S., Babkin V.I. *Geograficheskie zakonomernosti gidrologicheskogo rezhima rek* [Geographical Regularities of the Hydrological Regime of Rivers]. L.: Gidrometeoizdat, 1979. 200 s. (In Russian).
14. Matveeva L.G. *Regional'no-bassejnovyj podhod i upravlenie racional'nym prirodopol'zovaniem* [Regional-Basin Approach and Environmental Management] // Vestnik akademii znanij. 2018. № 24(1). S.137–147. (In Russian).
15. Mechnikov L.I. *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki (geograficheskaya teoriya progressa i social'nogo razvitiya)* [Civilization and Great Historical Rivers (Geographical Theory of Progress and Social Development)] // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2008. № 2. S. 122–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsiya-i-velikie-istoricheskie-reki-geograficheskaya-teoriya-progressa-i-sotsialnogo-razvitiya> (data obrashcheniya 22.06.2023). (In Russian).
16. Miheev N.N., Kruze F., SHvarcev S. L., Zelenskij G.I. *Rossijsko-francuzskoe sotrudnichestvo v oblasti upravleniya vodnymi resursami (na primere bassejna r. Tomi)* [Russian-French Cooperation in the Field of Water Resources Management (Case Study of the Tom River Basin)] // Melioraciya i vodnoe hozyajstvo. 1994. № 5. S. 52–54. (In Russian).
17. Ozeldinova ZH. O., Mukaev ZH. T. *Primenenie geosistemno-bassejnovogo podhoda pri razrabotke optimal'noj struktury prirodopol'zovaniya* [Application of the Geosystem-Basin Approach in the Development of the Optimal Structure of Nature Management] // Nauki o Zemle: vchera, segodnya, zavtra: Sb. st. M.: Buki-Vedi, 2016. S. 35–38. (In Russian).
18. Nosov E.N. *Rechnaja set Vostochnoj Evropy i ee rol v obrazovanii gorodskih tsentrov severnoj Rusi* [River network of Eastern Europe and its role in the formation of urban centers of northern Rus] // Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy. K 70-letiju V.Janina. M.: Russkie slovari. 1999. S.157–170. (In Russian).
19. RGAE [RGAE]. F. 436. Op. 2. Dd. 965, 4976. (In Russian).
20. Reklyu E. *Zemlya: Opisanie zhizni zemnogo shara* [Zemlya: Description of zhizni zemnogo shara]. Vyp. 4: Okean. — Sankt-Peterburg, 1895 (2018). 235 s. (In Russian).
21. Rybkina I., Sedova E. *Upravlenie vodnymi resursami v regionah Rossii i Francii: bassejnovyj princip i uchastie zainteresovannyh lic* [Water Resources Management in the Regions of Russia and France: Basin Principle and Stakeholder Participation] // Izvestiya Altajskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva. 2021. № 63(4). S. 23–36. (In Russian).
22. Sadoff K., Grejber T., Smit M., Bergkamp G. *Vmeste — Upravlenie transgranichnymi vodami* [Together — Transboundary Water Management] 2011. Gland, SHvejcarsiya: IUCN. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/share_rus.pdf (data obrashcheniya 19.09.2023) (In Russian).
23. Sosedov I.S. *Metodika territorial'nyh vodnobilansovyh ob"edinenij v gorah* [Methodology of Territorial Water Balance Associations in the Mountains]. Alma-Ata: Nauka, 1976. 150 s. (In Russian).
24. Suhova N.G. *G.P. Gel'mersen i znachenie ego geologicheskikh issledovanij dlya rossijskoj geografii XIX stoletiya* [G.P. Helmersen and the Significance of His Geological Studies for Russian Geography of the 19th Century] // Izvestiya RGO. 2019. Tom 151. Vyp. № 1. S.72–89. (In Russian).
25. Solovev S.M. *Sochinenija. Kn. 1. Istorija Rossii s drevnejshih vremen.* [Essays. Book 1. History of Russia since ancient times]. T.1–2. M.,1988. S. 56–73. (In Russian).

26. *Topologiya stepnyh geosistem* [Topology of steppe geosystems] / Pod red. V.B. Sochavy. L.: Nauka, 1970. 174 s. (In Russian).
27. *Upravlenie vodnymi resursami v Rossijskoj Federacii* [Water Resources Management in the Russian Federation]. Analiticheskij obzor / Red. V.I. Danilov-Danil'yan. M., 2011. S.13. (In Russian).
28. Horton R.E. *Eroziionnoe razvitie rek i vodosbornyh bassejnov. Gidrofizicheskij podhod k kolichestvennoj morfologii* [Erosion development of rivers and watersheds. Hydrophysical Approach to Quantitative Morphology]. Per. s angl. M.-L., Izd-vo inostr. lit., 1948. 158 s. (In Russian).
29. SHvarcev S. L. *Sistema upravleniya vodnymi resursami Francii* [French Water Management System] // *Vodnye resursy*. 1995. № 4. S. 466–469. (In Russian).
30. Alaerts G.J. *Institutions for River Basin Management: The Role of External Support Agencies (International Donors) in Developing Cooperative Arrangements*. Paper presented at the 4th River Basin Management Workshop. World Bank Institute. Washington D.C. April 2000. 19 p.

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

INFECTIOUS DISEASES AND EPIDEMICS IN A HISTORICAL CONTEXT

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.008

УДК 616-036.22:94(470/571)"18/19"

ББК 63.3(2)52-22+51.941.15г(2)

А.Б. АГАФОНОВА ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

A.B. AGAFONOVA CHOLERA EPIDEMICS AND THE SAFETY
OF THE URBAN ENVIRONMENT
IN THE LAST THIRD OF THE 19TH –
THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES
IN THE RUSSIAN EMPIRE

В результате городской реформы 1870 г. обязанности, связанные с благоустройством городской среды и обеспечением безопасных условий для общественного здоровья, были возложены на органы городского самоуправления. Городские думы и управы осуществляли противоэпидемические мероприятия в трех основных направлениях: формирование нормативно-правовой базы, ограничивавшей загрязнение городской среды и распространение эпидемических заболеваний; привлечение специалистов и горожан к осуществлению санитарного надзора за территориями общего пользования, домовладениями и промышленными заведениями; модернизация городских водных инфраструктур. Настоящее исследование нацелено на выявление изменений, происходивших в городском хозяйстве, законодательстве и в российском обществе под влиянием угрозы появления и распространения холерных эпидемий. Исследование показало, что государство играло ведущую роль в вопросах обеспечения эпидемиологической безопасности городов. В течение исследуемого периода произошли существенные изменения в санитарном законодательстве, появились новые социальные институты, обеспечивавшие проведение противоэпидемических мероприятий и санитарный надзор, а также государство с 1890-х гг. предоставило городам финансовые возможности для улучшения условий водоснабжения.

The city reform of 1870 gave municipal authorities responsibility for improving the urban environment and ensuring safe conditions for public health. City councils and dumas implemented anti-epidemic measures in three main directions: the creation of a regulatory framework that limited the pollution of the urban environment and the spread of epidemic diseases; the involvement of specialists and citizens in the implementation of sanitary supervision of public areas, households, and industrial enterprises; the modernization of urban water infrastructures. The aim

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2023 г.

of the study is to identify the changes that took place in the urban economy, legislation, and Russian society under the influence of the threat of the emergence and spread of cholera epidemics. The study indicated that the state played a leading role in ensuring the epidemiological safety of cities. There were significant changes in sanitary legislation, new social institutions were created to ensure the implementation of anti-epidemic measures and sanitary supervision, and from the 1890s the state provided cities with financial resources to improve water supply conditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: городская экологическая история, городские думы, обязательные постановления, Российская империя, санитарный надзор, централизованное водоснабжение

KEY WORDS: urban environmental history, city dumas, mandatory regulations, Russian Empire, sanitary supervision, centralized water supply

ВВЕДЕНИЕ. В последней трети XIX — начале XX вв. Российскую империю затронули три пандемии холеры: в 1864–1872, 1883–1896, 1901–1926 гг., которые охватывали сначала крупные города и далее распространялись по путям сообщения по уездам. Российский врач, микробиолог и эпидемиолог Н.Ф. Гамалея выделил три группы городов по степени опасности, которой они подвергались при появлении в стране холеры. В первую группу входили города, через которые холера чаще всего проникала в Россию и которые одними из первых становились очагами ее распространения: Эривань, Баку, Тифлис, Дербент, Астрахань, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Царицын, Саратов, Самара. Вторую группу составляли остальные города Поволжья, Санкт-Петербург, Москва, Воронеж, Тамбов, Харьков, Симферополь, Полтава, Херсон, Киев, а третью — все остальные города [1, с. 249]. Заболеваемость и смертность от холеры городского населения в пересчете на 10000 чел. была существенно выше, чем сельского, в связи с чем особое значение приобретает анализ исторического опыта по обеспечению эпидемиологической безопасности в городах как во время эпидемий, так и в межэпидемические периоды. В последней трети XIX — начале XX вв. политика в данной сфере претерпела существенные изменения по сравнению с предшествовавшими периодами: возросла роль органов местного самоуправления, произошла институционализация санитарного надзора, в городах строилась инфраструктура для централизованного водоснабжения и водоотведения. В целом, эпидемиологическая безопасность городской среды в дореволюционный период обеспечивалась на законодательном, инфраструктурном и институциональном уровнях.

В дореволюционный период вопросы эпидемиологической безопасности и санитарного состояния городской среды освещались в трудах земских деятелей, санитарных врачей и медицинских сообществ [7; 9; 10; 11]. В советский период к вопросам санитарного благоустройства российских городов обращались К.Г. Васильев и А.Е. Сегал при изучении динамики развития эпидемических заболеваний в XI — начале XX вв. [1]. И.Д. Страшун дал критическую оценку деятельности правительства в борьбе с эпидемиями и политике местного самоуправления в области благоустройства [28]. В современной историографии заметным трудом последних лет является коллективная монография «История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI — начало XX в.)» [12], в которой авторы представили комплексный анализ процесса становления и развития системы здравоохранения в России. Проблемы городского благоустройства, санитарного надзора, реализации противоэпидемических мероприятий освещались в работах В.А. Нардовой, О.Ю. Малиновой-Тзиафеты, А. Мазаник, Е.В. Шерстневой, Д.В. Михеля и др. [6; 13; 14; 15; 36; 38]. **ЦЕЛЬЮ** настоящей работы является выявление изменений, происходивших в городском хозяйстве, законодательстве и в российском обществе под влиянием угрозы появления и распространения холерных эпидемий. Непосредственно сами эпидемии, динамика их распространения не входят в предмет исследования, но изучение социального и санитарно-экологического

эффекта, который эпидемии произвели на городское сообщество и безопасность городской среды является актуальным, поскольку позволяет установить связь между факторами, влиявшими на эпидемиологическую безопасность городской среды и политикой органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению этой безопасности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковая база исследования включает делопроизводственную документацию хозяйственного и медицинского департаментов Министерства Внутренних Дел, Управления Главного Врачебного Инспектора МВД, органов городского и губернского управления, отчеты санитарных врачей, законы и постановления по охране общественного здоровья и борьбе с эпидемиями, материалы официальной статистики и периодической печати. Городская экологическая история выступает методологической основой исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. С XVIII века в российском законодательстве формировалась нормативная база, направленная на защиту общественно-го здоровья и предотвращение загрязнения городских территорий. В 1830-х гг. в Своде Уставов Строительных обязанности по обеспечению гигиенически безопасных условий расположения отхожих мест, помойных ям, фабрик, заводов были возложены на «Комитет для строений и гидравлических работ» Санкт-Петербурга [26, с. 102-103]. Свод Законов Российской Империи 1857 г. также содержал положения, регламентировавшие принципы поддержания чистоты территорий, предупреждения загрязнения водоемов и размещения отходов [33, с. 148-149]. С принятием Городового Положения в 1870 г. на органы городского управления были возложены обязанности по поддержанию чистоты городских территорий [30, с. 258]. Контроль за содержанием общественных территорий, зданий и памятников осуществлялся полицией и органами городского самоуправления, а за несоблюдение правил о поддержании чистоты территорий, за загрязнение улиц, неудовлетворительное содержание помойных и выгребных ям полагался штраф в размере 15 руб. [32, с. 213-214].

На загрязнение водоемов законодательно также были наложены ограничения. Непредумышленный сброс в воду ядовитых или сильнодействующих веществ, несших потенциальную угрозу для общественного здоровья, карался заключением в тюрьму от трех до шести месяцев, а те же действия, выполненные с намерением лишить кого-либо жизни, расценивались как преднамеренное убийство [29, с. 290-291]. В 1893 г. произошло ужесточение меры наказания: за загрязнение источников питьевой воды без умысла нанести вред здоровью населения виновные подвергались аресту на срок до одного месяца или денежному взысканию в размере до ста рублей. Если при этом вода становилась вредной для здоровья, то срок ареста увеличивался до трех месяцев, а штраф возрастал до трехсот рублей [32, с. 222].

С 1870 г. Городские Думы получили право издавать обязательные постановления по охране общественного здоровья и городскому благоустройству. Данные постановления содержали запреты на загрязнение местных водоемов, улиц, площадей и тротуаров, правила расположения промышленных заведений, убоя скота, а также обязанности домовладельцев по содержанию в чистоте своих дворов и улиц около своих домовладений. В рамках проведения противозидемических мероприятий в январе 1879 г. губернаторы, в соответствии с циркуляром МВД, предписали полиции, уездным и городским врачам наблюдать за строгим исполнением обязательных постановлений, изданных Городскими Думами [5, с. 177-178]. В августе 1883 г., в связи с появлением азиатской холеры на юге Франции, вышел циркуляр МВД о противохолерных мероприятиях, который предусматривал усиление санитарного надзора на всех железнодорожных станциях и речных пристанях, а также в местах массового скопления населения. Кроме того, он требовал установить строгое наблюдение за уборкой улиц, площадей, дворов, домов, а также за очищением и дезинфекцией помойных и выгребных ям. В соответствии с циркуляром, усиливался надзор за состоянием источников водоснабжения и налагался запрет на употребление загрязненной воды [5, с. 179]. В губерниях,

имевших земские и городские учреждения, санитарные мероприятия осуществляли земские управы и городские думы, в остальных губерниях — комитеты общественного здоровья [5, с. 180]. Специальное распоряжение Министерства Внутренних Дел о борьбе с холерой от 1892 г. предусматривало следующие санитарные мероприятия: осушение почвы вблизи жилых помещений, содержание в чистоте улиц, площадей, дворов, уборка отхожих мест, мусорных и навозных ям, дезинфекция ретирад в публичных местах [1, с. 273].

Во второй половине XIX века борьба с инфекционными заболеваниями вышла на международный уровень [35, с. 1, 3]. С 1851 по 1897 гг. было проведено 9 конференций, а также заключено Венское соглашение между Россией и Австро-Венгрией о предупредительных мерах против распространения эпидемий в приграничных районах [35, с. 3-7]. Целью данных конференций являлась выработка санитарных мер по охране сухопутных и морских границ европейских государств от заноса в них эпидемических заболеваний [35, с. 4-5]. В 1903 и 1911 гг. были приняты Международные санитарные конвенции о своевременном извещении подписавших их стран о появлении в одной из них чумы, холеры или желтой лихорадки. Российская империя подписала конвенцию 1911 г. и, в соответствии с ней, после появления первого удостоверенного случая одного из трех заболеваний должна была раз в неделю информировать остальные страны о ходе протекания эпидемии и мерах, направленных на пресечение болезни [34, с. 3, 11, 16].

В 1910-е гг. Управление Главного Врачебного инспектора МВД разрабатывало проекты жилищного устава и закона «О мерах санитарной охраны чистоты воздуха, воды и почвы». Проект закона предполагал, что в каждом городе и крупном селе население должно быть обеспечено хорошей питьевой водой, которая не имела бы запаха, неприятного вкуса, была бесцветна, не содержала бы болезнетворных бактерий и вредных для здоровья веществ [31, с. 157-158]. Он обязывал города и селения с населением более 25 тыс. чел. иметь водопроводы общего пользования, которые должны были быть оборудованы приспособлениями для очистки воды и ежедневно подавать не менее пять ведер воды на одного жителя [31, с. 160-161]. В случае неисполнения органами местного самоуправления требований по устройству водопровода и/или канализации, распоряжение о строительстве данных сооружений должно было давать Правительство, а работы — проводиться за счет средств местного самоуправления [31, с. 166]. Данный проект был внесен на рассмотрение в Государственную Думу 12 декабря 1913 г., но так и не был утвержден [17, с. 7].

На государственном уровне вопросами охраны общественного здоровья, эпидемиологической безопасности, санитарии заведовал Медицинский Департамент МВД, с 1904 г. его полномочия перешли к Управлению Главного Врачебного Инспектора МВД. Реформы 1860-1870 гг. способствовали становлению земских и городских медицинских учреждений, а также активизации работы профессиональных сообществ. В начале 1880-х гг. произошло объединение съездов естествоиспытателей, съездов земских врачей и медицинских обществ, результатом которого стало создание «Общества русских врачей памяти Н.И. Пирогова», одной из основных программ которого было распространение знаний о гигиене.

На региональном уровне Губернское врачебное управление являлось высшим административным органом по организации санитарного надзора, а губернская земская управа через специально учрежденное при ней бюро, собирала и обрабатывала сведения о заболеваемости населения, наблюдала за постановкой земско-медицинской части в уездах и принимала меры против эпидемий [20, л. 21]. До 1890-х гг. главную роль в осуществлении санитарного надзора в городах помимо приглашаемых санитарных врачей играли специально учреждаемые комиссии, состоявшие из чинов полиции, членов городских управ и уездных врачей. Первые комиссии были созданы в 1871-1875 гг. в Пермской, Московской и Херсонской губерниях [12, с. 117]. В большинстве городов их созывали только в периоды эпидемий, а из-за отсутствия средств и дефицита персонала, зачастую санитарно-исполнительные

комиссии были не в состоянии самостоятельно исполнять распоряжения губернаторов, а могли лишь передавать их на исполнение городским управам [24, с. 66]. Сфера полномочий санитарно-исполнительных комиссий включала: обсуждение вопросов о благоустройстве населенных мест и организации врачебной помощи, обсуждение мер борьбы с эпидемиями, организацию оспопрививания, составление смет и каталогов на выписку медикаментов и хирургических инструментов [25, л. 28–28 об.]. На рубеже XIX–XX веков принципы созыва санитарных комиссий были регламентированы «Правилами для Санитарно-Исполнительных комиссий» [18, с. 478] и «Правилами о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри Империи» [19, с. 881]. В случае появления в какой-либо губернии эпидемии холеры или чумы, Губернатор должен был сделать распоряжение об учреждении санитарно-исполнительных комиссий в губернии, в каждом уезде, а также в городах с населением более 20 тыс. жителей. В состав городских санитарно-исполнительных комиссий, созываемых под председательством городского головы, должны были входить: полицмейстер, исправник или пристав, городской врач и Городская Управа в полном составе [19, с. 883].

В 1875 г. санитарная комиссия Московского губернского земства была преобразована в первый в стране губернский санитарный совет [9, с. 14]. Совет являлся организационно-распорядительным органом врачебно-санитарных учреждений губернии, состоявшем при губернской управе. В его состав входили вся губернская земская управа, губернные гласные, городской голова, представители уездных земских управ, врачебный инспектор, губернский ветеринарный врач, старшие врачи местных больниц, земские врачи, выбранные уездными санитарными советами (по одному от каждого уезда), все санитарные врачи губернского земства, заведующий бюро и его помощник [9, с. 15].

С 1860-х гг. предпринимались попытки вовлечь население в борьбу с эпидемиями через участие в работе санитарных попечительств. Первые санитарные попечительства появились в Богучаровском уезде Воронежской губернии в 1867 г., в 1870–1880-х гг. они созывались в ряде губерний на время борьбы с эпидемиями [11, с. 2; 37, с. 1]. Участие горожан в работе санитарных попечительств обеспечивало более тесное их взаимодействие с медицинским персоналом, оперативное обнаружение эпидемических заболеваний, наблюдение за заболеваемостью в городе и принятие мер, препятствовавших распространению эпидемий. Кроме того, санитарные попечители играли важную роль в просвещении населения, проводя с горожанами специальные беседы о важности санитарно-гигиенических мероприятий [7, с. 20–21; 37, с. 7]. На рубеже XIX–XX вв. санитарные попечительства работали как минимум в 87 городах, а к 1910 г. — более, чем в 100 городах [10, с. 442–459; 37, с. 7]. Эпидемии холеры 1883–1896 гг. и начала XX в. способствовали закреплению в городах органов санитарного надзора и учреждению должности санитарного врача на постоянной основе. Санитарные врачи собирали данные о движении населения, разрабатывали и проводили санитарные мероприятия, готовили санитарные постановления и следили за исполнением уже изданных постановлений, предпринимали меры, препятствовавшие распространению инфекционных заболеваний [10, с. 339–340].

К концу XIX века на государственном уровне сложилась сложная многоведомственная система медицинского обеспечения: почти все министерства и ведомства имели свои медицинские службы, развивались муниципальное здравоохранение, фабричная и частная медицина [12, с. 188]. В Медицинском департаменте МВД с 1886 по 1889 гг. комиссия под руководством С.П. Боткина разрабатывала проект центрального органа управления медицинскими учреждениями, подобного самостоятельному министерству [12, с. 189–190]. Г.Е. Рейн, председатель Медицинского Совета МВД, поддерживал необходимость такого органа управления, считая, что для предотвращения заразных заболеваний необходимы не временные меры, а широкое преобразование всего санитарного и медицинского устройства, и учреждение Министерства Народного Здравия [23, с. 65]. Но, несмотря на поддержку Правительства

и столичной профессуры, комиссии С.П. Боткина не удалось реализовать задачи по переустройству системы здравоохранения, что, в определенной степени, было связано с нежеланием медицинской общественности поддержать инициативу централизации системы здравоохранения [12, с. 207]. Противоречия между медицинским сообществом, стремившимся к коллегиальному управлению городской медициной и вовлечению населения в решение санитарных проблем, и государственной властью, сохранявшей медико-полицейский характер санитарного надзора и противоэпидемических мероприятий, со временем усиливались. Обострение эпидемической ситуации в стране в 1907–1910 гг. заставило Министерство Внутренних Дел в 1910 г. выступить с инициативой принудительного оздоровления городов, которое планировалось проводить за счет средств городских бюджетов [12, с. 156]. В Санкт-Петербурге, где инициатива по принудительному оздоровлению городов вызвала большой резонанс, общественность выступала против ограничения прав городского самоуправления, полагая, что только несовершенство законов и финансовые ограничения мешают органам управления справляться с задачами санитарного благоустройства [6, с. 100–101].

Централизованное водоснабжение и водоотведение обеспечивало эпидемиологическую безопасность городов за счет своевременного удаления нечистот и обеспечения горожан чистой питьевой водой. Качество водопроводной воды зависело как от качества воды в источнике водоснабжения, так и от наличия и эффективности фильтров. Городская канализация была редкостью — к 1913 г. она имела лишь в 40 городах Европейской России, в то время как водопроводом были обеспечены 168 городов [27, с. 4]. Развитие централизованного водоснабжения, главным образом, зависело от возможностей городских бюджетов и государственной политики по предоставлению механизмов кредитования городов. До 1890-х гг. у городских управ фактически отсутствовала возможность брать займы на благоустройство, а собственных средств у городов зачастую не хватало на благоустройство. Городовое Положение не предусматривало никаких финансовых механизмов кредитования и Правительство практически не принимало мер для решения этого вопроса, за исключением кредитования Москвы и Петербурга. Коммерческие банки готовы были выдавать краткосрочные кредиты городским управам под залог земельного имущества и под высокий процент [4, с. 11–19], в связи с чем в этот период городские водопроводы строились на частные средства либо на бюджетные деньги городов, которые располагали такими возможностями.

Городовое Положение 1892 г. закрепило порядок получения крупных займов на благоустройство. Решение о займе на строительство водопровода должно было быть поддержано 2/3 гласных городской думы, утверждено губернатором у Министра Внутренних Дел и после утверждения в МВД органы городского управления могли выпускать облигационный заём на строительство. Возможность получения таких займов активизировала развитие централизованного водоснабжения в российских городах: если с 1867 по 1891 гг. было построено 77 водопроводов, то в 1892–1911 гг. было построено 112 новых водопроводов [2, с. XIII–XIV].

Новый импульс в развитии централизованного водоснабжения был связан с принятием закона «О выделении средств на противоэпидемические мероприятия из Государственной казны» 15 мая 1911 года. Согласно закону, на борьбу с эпидемией выделялось 4 млн руб., в том числе 2,5 млн руб. Управлению земств и городов и 1,5 млн руб. Правительственной «Комиссии по борьбе с холерой и чумой» на противоэпидемические мероприятия [16, с. 351; 8, с. 52–53]. Улучшение условий водоснабжения было частью этих противоэпидемических мероприятий, и поэтому администрации городов могли получить государственные средства на строительство водопроводов. В последующие годы на противоэпидемические мероприятия Правительство также выделяло 1,5–4 миллиона руб. [21, л. 15–16; 22, л. 20]. Это были безвозвратные денежные пособия для органов местной власти. Таким образом, в 1911 г. был осуществлен переход государства к систематической финансовой помощи органам местного самоуправления в области развития водных инфраструктур.

Вместе с тем, регулярная и безвозмездная финансовая помощь от Правительства продолжалась только до апреля 1916 г. [22, л. 210]. В связи с участием в Первой мировой войне и ростом инфляции Совет Министров 13 апреля 1916 г. принял решение выдавать средства на противоэпидемические мероприятия не только в формате безвозмездных пособий, но и в форме ссуд под 6% годовых на срок не более 20 лет [22, л. 14–14 об.]. Безвозмездные пособия могли выдаваться на мероприятия, направленные на обеспечение санитарного благополучия государства или в случае невозможности просителя воспользоваться кредитом [22, л. 15]. К середине мая 1916 г. Комиссия израсходовала весь годовой объем средств в 4 млн руб., выделенный ей Советом Министров на противоэпидемические мероприятия [22, л. 211]. Выделенный 31 мая 1916 г. Советом Министров кредит в 2 млн руб. к осени также был почти полностью израсходован, в результате чего было запрошено дополнительное финансирование в 4 млн руб., которое было одобрено Советом Министров в октябре 1916 г. [22, л. 211–212, 227].

Одновременно с этим, с мая-июня 1916 г. все санитарные мероприятия стали проводиться через Верховного Начальника Санитарной и Эвакуационной части, который принимал решение об одобрении или не одобрении ходатайств губернаторов о проведении противоэпидемических мероприятий в городах и уездах [22, л. 32]. В том же году вышел циркуляр МВД о том, что ссуды и пособия могли быть запрошены только на те мероприятия, которые были одобрены Верховным Начальником Санитарной и Эвакуационной части. К таким мероприятиям относились: строительство и оборудование заразных барачков, изоляционных помещений, организация эпидемических отрядов, открытие санитарно-бактериологических лабораторий, устройство дезинфекционных камер, закупка вакцин и других медицинских средств, обеспечение доступа населения к кипяченой воде, устройство и расширение ассенизационных обозов и общественных ретирад и пр.

Улучшение водоснабжения в рамках государственного финансирования противоэпидемических мероприятий предусматривало только расширение существующей водопроводной сети или устройство колодцев, буровых скважин, бань для противоэпидемических целей. В то же время не допускалось запрашивать средства на строительство новых водопроводов, канализации, на замощение улиц и площадей, засыпку рвов и оврагов, осушку болот, устройство дорог и пр. [22, л. 144–144 об.].

ВЫВОДЫ. Таким образом, эпидемиологическая безопасность городской среды на государственном уровне обеспечивалась развитием российского законодательства, реформированием органов местного самоуправления, участием Российской империи в международном сотрудничестве по предотвращению распространения эпидемий чумы, холеры и желтой лихорадки. Государство играло доминирующую роль в улучшении санитарных условий в городах, сохраняя медико-полицейский характер противоэпидемических мер и ограничивая или предоставляя органам городского управления финансовые возможности по улучшению условий водоснабжения. На местном уровне инициативы о вовлечении населения в борьбу с эпидемиями, учреждении новых институтов санитарного надзора исходили от местных медицинских обществ и отдельных врачей. Вместе с тем, члены городских дум и управ были также активно вовлечены в контроль за санитарными условиями проживания как через обсуждение соответствующих вопросов на заседаниях, так и в ходе участия в работе санитарно-исполнительных комиссий и санитарных бюро.

В течение исследуемого периода государственная политика в области противоэпидемического законодательства, регулирования и развития социальных институтов и городской инфраструктуры претерпела существенные изменения. При этом, развитие законодательства и становление институтов санитарного надзора в значительной степени было обусловлено страхом перед холерными эпидемиями. Как писал Н. Ф. Гамалея, в санитарном движении холера заслужила название «сподвижницы гигиены» и место «верховного

санитарного инспектора с неограниченными полномочиями», поскольку она имела огромное влияние на введение санитарных мероприятий и учреждение санитарных институтов и организаций [3, с. 156–157]. Несмотря на разногласия между государством и обществом, желавшим выстраивать санитарный надзор через отказ от медико-полицейских мер и просвещение населения, к позитивным изменениям в данной области следует отнести учреждение на постоянной основе в городах санитарных бюро, института санитарных попечителей, должности санитарного врача, а также рост количества обязательных постановлений о противоэпидемических и санитарных мероприятиях в городах.

Развитие водных инфраструктур рассматривалось в качестве одной из мер предотвращения распространения ряда эпидемических заболеваний, а страх перед возможным появлением холеры являлся весомым аргументом городских дум и губернаторов в ходатайствах в Хозяйственный департамент МВД и Министерство финансов о выделении средств на строительство водопроводов. В то же время главным сдерживающим фактором, препятствовавшим улучшению условий городского водоснабжения, являлось финансирование этого строительства. Забота о водоснабжении возлагалась на органы городского управления, большинство из которых не могло без государственной поддержки обеспечить свои города централизованным водоснабжением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки) / Под ред. Проф. А.И. Метелкина. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 398 с.
2. Водоснабжение и способы удаления нечистот в городах России. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1912. 271 с.
3. Всероссийская эпидемия последних лет. Холера // Гигиена и санитария. 1910. № 2. С. 156–160.
4. Герценштейн М.Я. Кредит для земств и городов. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1892. 95 с.
5. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / Сост. М.И. Мыш. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1888. 932 с.
6. Городское хозяйство Петербурга XIX — начало XX века / В.А. Нардова, А.С. Сухорукова, А.Н. Чистиков. СПб.: Фонд «Креатив», 2014. 400 с.
7. Диаконенко Н.П. О санитарных попечительствах (Какие есть санитарные попечительства и как их устраивать). Чернигов: Тип. Губ. Земства, 1911. 50 с.
8. Доклады по санитарному отделению. Вологда: Тип. Гудкова — Белякова, 1911. 52–53.
9. Жбанков Д.Н. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России: краткий исторический обзор. М.: Тип.-лит. В. Рихтер, 1910. 71 с.
10. Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М.: типо-лит. Рихтер, 1915. 568 с.
11. Забалуев В.Е. Санитарные попечительства в условиях современной русской действительности. Саратов: тип. Союза печ. дела, 1913. 22 с.
12. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI — начало XX в.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева, Н.Н. Блохина, С.Г. Гончарова; под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
13. Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 335 с.
14. Малинова-Тзиафета О. Ю., Обертрайс Ю. История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 173–201.
15. Михель Д.В. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 64–74.

16. Об отпуске из государственного казначейства средств на противохолерные и противочумные мероприятия // Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание Третье. 1881-1913. Т. 31. СПб., 1914. С. 351.
17. Поддубный М.В. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Киев: Ин-т «Киев. Стройпроект», 1997. 111 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881-1913. Т. 17. СПб., 1910. С. 478.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881-1913. Т. 23. СПб., 1905. С. 881-884.
20. РГИА. Ф. 1297. Оп. 292. Д. 12.
21. РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2336.
22. РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2426.
23. Рейн Г.Е. Из пережитого: 1907-1918. В 2 т. Т. 1. Берлин: Парабола, 1935. 275 с.
24. Розанов П.П. К вопросу о санитарно-медицинской организации в губерниях, уездах и городах // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1894. № 2. С. 65-72.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 289. Д. 69.
26. Свод Уставов Строительных // Свод законов Российской Империи. Т. 12. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. С. 93-306.
27. Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб.: Центральный Статистический комитете М.В.Д., 1914. С. 4.
28. Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907-1917 гг. М.: Медицина, 1964. 207 с.
29. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных // Свод законов Российской империи. Т. 15. — СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 1-602.
30. Устав врачебный // Свод законов Российской Империи. Издание неофициальное. Т. 13. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 176-353.
31. Устав здравоохранения и учреждения, ведающие врачебно-санитарным делом: Проект. Петроград: Гос. тип., 1916. С. 157-158.
32. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Свод законов Российской Империи. Издание неофициальное. Т. 15. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 203-234.
33. Уставы врачебные. Книга II. Устав Медицинской Полиции // Свод законов Российской Империи. Т. 13. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 146-322.
34. Фрейберг Н.Г. Международная санитарная конференция 1911 года. СПб.: Тип. МВД, 1912. 22 с.
35. Фрейберг Н.Г. Международные санитарные конференции последнего десятилетия. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1898. 85 с.
36. Шерстнева Е.В. Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX — начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 2. С. 52-56.
37. Ширяев Н.А. Санитарные попечительства, как постоянный элемент врачебно-санитарных организаций. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1910. 30 с.
38. Mazanik A. Sanitation, urban environment and the politics of public health in late imperial Moscow: a dissertation in History for the Degree of Doctor of Philosophy / Mazanik Anna. Budapest, 2015. 262 p.

REFERENCES

1. Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemij v Rossii (Materialy i ocherki)* [History of epidemics in Russia (Materials and essays)] / Pod red. Prof. A.I. Metelkina. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo medicinskoj literatury, 1960. 398 s. (In Russian).

2. *Vodosnabzhenie i sposoby udaleniya nechistot v gorodah Rossii* [Water supply and methods of waste disposal in Russian cities]. SPb.: Tip. Ministerstva Vnutrennih Del, 1912. 271 s. (In Russian).
3. *Vserossiyskaya epidemiya poslednih let. Holera* [All-Russian epidemic in recent years. Cholera] // *Gigiena i sanitariya*. 1910. № 2. S. 156–160. (In Russian).
4. Gercenshtejn M. YA. *Kredit dlya zemstv i gorodov* [Credit for zemstvos and cities]. M.: T-vo skoropechatni A.A. Levenson, 1892. 95 s. (In Russian).
5. *Gorodovoe polozhenie so vsemi otnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami* [City regulations with all related legislation, judicial and government clarifications] / Sost. M.I. Mysh. SPb.: Tip. N.A. Lebedeva, 1888. 932 s. (In Russian).
6. *Gorodskoe hozyajstvo Peterburga XIX — nachalo XX veka* [Municipal economy of St. Petersburg XIX — early XX centuries] / V.A. Nardova, A.S. Suhorukova, A.N. CHistikov. SPb.: Fond «Kreativ», 2014. 400 s. (In Russian).
7. *Diakonenko N.P. O sanitarnykh popечitel'stvah (Kakie est' sanitarnye popечitel'stva i kak ih ustraivat')* [About sanitary guardianship (What are sanitary guardianships and how to organize them)]. CHernigov: Tip. Gub. Zemstva, 1911. 50 s. (In Russian).
8. *Doklady po sanitarnomu otdeleniyu* [Reports on the sanitary department.]. Vologda: Tip. Gudkova — Belyakova, 1911. 52–53. (In Russian).
9. *ZHbankov D. N. O deyatelnosti sanitarnykh byuro i obshchestvenno-sanitarnykh uchrezhdenij v zemskoj Rossii: kratkij istoricheskij obzor* [On the activities of sanitary bureaus and public health institutions in zemstvo Russia: a brief historical review]. M.: Tip.-lit. V. Rihter, 1910. 71 s. (In Russian).
10. *ZHbankov D. N. Sbornik po gorodskomu vrachebno-sanitarnomu delu v Rossii* [Collection on urban medical and sanitary affairs in Russia]. M.: tipo-lit. Rihter, 1915. 568 s. (In Russian).
11. *Zabaluev V.E. Sanitarnye popечitel'stva v usloviyah sovremennoj russkoj dejstvitel'nosti* [Sanitary care in the conditions of modern Russian reality]. Saratov: tip. Soyuza pech. dela, 1913. 22 s. (In Russian).
12. *Istoriya zdavoohraneniya dorevolucionnoj Rossii (konec XVI — nachalo XX v.)* [History of healthcare in pre-revolutionary Russia (late 16th — early 20th centuries)] / M.V. Poddubnyj, I.V. Egorysheva, E.V. SHerstneva, N.N. Blohina, S.G. Goncharova; pod red. R.U. Habrieva. M.: GEOTAR-Media, 2014. 248 s. (In Russian).
13. *Malinova O.YU. Iz goroda na dachu: sociokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the city to the dacha: sociocultural factors in the development of dacha space around St. Petersburg (1860–1914)]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 335 s. (In Russian).
14. *Malinova-Tziafeta O.YU., Obertrajs YU. Istoriya gorodov i vodnye infrastruktury v Rossijskoj imperii i SSSR* [History of cities and water infrastructures in the Russian Empire and the USSR] // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2019. T. 9. № 1. S. 173–201. (In Russian).
15. *Mihel' D.V. Obshchestvennoe zdorov'e i holernyj vibriion: Rossijskaya imperiya, medicina i bakteriologiya nachala XX veka pered ugrozoy holery* [Public health and Vibrio cholerae: Russian Empire, medicine and bacteriology of the early 20th century before the threat of cholera] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2008. T. 8. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vyp. 2. S. 64–74. (In Russian).
16. *Ob otpuske iz gosudarstvennogo kaznachejstva sredstv na protivoholernye i protivochumnye mero-priyatiya* [On the release of funds from the state treasury for anti-cholera and anti-plague measures] // *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Tret'e*. 1881–1913. T. 31. SPb., 1914. S. 351. (In Russian).
17. *Poddubnyj M.V. Sanitarnaya ohrana okruzhayushchej sredy v Rossii i SSSR v pervoj polovine HKH veka* [Sanitary environmental protection in Russia and the USSR in the first half of the twentieth century]. Kiev: In-t «Kiev. Stroiproekt», 1997. 111 s. (In Russian).
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The third collection]. 1881–1913. T. 17. SPb., 1910. S. 478. (In Russian).

19. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The third collection]. 1881–1913. T. 23. SPb., 1905. S. 881–884. (In Russian).
20. RGIA. F. 1297. Op. 292. D. 12. (In Russian).
21. RGIA. F. 1298. Op. 1. D. 2336. (In Russian).
22. RGIA. F. 1298. Op. 1. D. 2426. (In Russian).
23. Rejn G.E. *Iz perezhitogo: 1907–1918* [From his experience: 1907–1918]. V 2 t. T. 1. Berlin: Parabola, 1935. 275 s. (In Russian).
24. Rozanov P.P. *K voprosu o sanitarno-medicinskoj organizacii v guberniyah, uezdah i gorodah* [On the issue of sanitary and medical organization in provinces, districts and cities] // *Zhurnal russkogo obshchestva ohraneniya narodnogo zdraviya*. 1894. № 2. S. 65–72. (In Russian).
25. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1297. Op. 289. D. 69. (In Russian).
26. *Svod Ustavov Stroitel'nyh* [Code of Construction Charters] // *Svod zakonov Rossijskoj Imperii*. T. 12. — SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1832. S. 93–306. (In Russian).
27. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1913 g.* (God desyatij). SPb.: Central'nyj Statisticheskij komitete M.V.D., 1914. S. 4. (In Russian).
28. Strashun I.D. *Russkaya obshchestvennaya medicina v period mezhdu dvumya revolyuciyami 1907–1917 gg.* [Russian social medicine in the period between two revolutions 1907–1917]. M.: Medicina, 1964. 207 s. (In Russian).
29. *Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispolnitel'nyh* [Code of Criminal and Executive Punishments] // *Svod zakonov Rossijskoj imperii*. T. 15. — SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1857. S. 1–602. (In Russian).
30. *Ustav vrachebnyj* [Medical regulations] // *Svod zakonov Rossijskoj Imperii*. Izdanie neoficial'noe. T. 13. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. S. 176–353. (In Russian).
31. *Ustav zdravoohraneniya i uchrezhdeniya, vedayushchie vrachebno-sanitarnym delom* [Ustav zdravoohraneniya i uchrezhdeniya, vedayushchie vrachebno-sanitarnym delom]: Proekt. Petrograd: Gos. tip., 1916. S. 157–158. (In Russian).
32. *Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh Mirovymi Sud'yami* [Charter on punishments imposed by Justices of the Peace] // *Svod zakonov Rossijskoj Imperii*. Izdanie neoficial'noe. T.15. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. S. 203–234. (In Russian).
33. *Ustavy vrachebnye. Kniga II. Ustav Medicinskoj Policii* [Medical regulations. Book II. Charter of the Medical Police] // *Svod zakonov Rossijskoj Imperii*. T. 13. SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1857. S. 146–322. (In Russian).
34. Frejberg N.G. *Mezhdunarodnaya sanitarnaya konferenciya 1911 goda* [International Sanitary Conference of 1911]. SPb.: Tip. MVD, 1912. 22 s. (In Russian).
35. Frejberg N.G. *Mezhdunarodnye sanitarnye konferencii poslednego desyatiletija* [International sanitary conferences of the last decade]. SPb.: Tip. Ministerstva Vnutrennih Del, 1898. 85 s. (In Russian).
36. SHerstneva E. V. *Blagoustrojstvo gorodov i sanitarnyj nadzor v Rossii v konce XIX — nachale XX veka* [Urban improvement and sanitary supervision in Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries] // *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny*. 2015. № 2. S. 52–56. (In Russian).
37. SHiryaev N. A. *Sanitarnye popechitel'stva, kak postoyannyj element vrachebno-sanitarnyh organizacij* [Sanitary guardianship as a permanent element of medical and sanitary organizations]. Har'kov: Tip. «Pечатnoe delo», 1910. 30 s. (In Russian).
38. Mazanik A. Sanitation, urban environment and the politics of public health in late imperial Moscow: a dissertation in History for the Degree of Doctor of Philosophy / Mazanik Anna. Budapest, 2015. 262 p. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.009

УДК 628.1:94(571.1)"18/19"

ББК 63.3(253.3)-2

К.С. БАРАБАНОВА **ЭПИДЕМИИ, ВРАЧИ И ВОДОПРОВОД:
СОЗДАНИЕ ВОДНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.**

K.S. BARABANOVA **EPIDEMICS, DOCTORS AND WATER PIPES:
CREATION OF WATER INFRASTRUCTURE
IN WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH – FIRST HALF
OF THE 20TH CENTURIES**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115,
«Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем
Севера Западной Сибири в 1917-1991.»*

Во второй половине XIX века в Западной Сибири начинается строительство первого водопровода, который начал работать в Тюмени. Позднее водная инфраструктура появится и в других городах региона. Позднее всего прокладка водопровода начнется на севере Западной Сибири и в полном объеме запуск состоится только после открытия «большой нефти». Главными экспертами по строительству водопроводов все эти годы будут выступать врачи. Эпидемии и их предотвращение было главным аргументом в диалоге с властями по выделению средств на столь дорогие объекты. Вместе с этим врачи оценивали состояние природы и указывали властям на существовавшие проблемы загрязнения пространства.

In the second half of the 19th century, construction of the first water pipeline began in Western Siberia, which began operating in Tyumen. Later, water infrastructure will appear in other cities in the region. The latest installation of the water pipeline will begin in the north of Western Siberia, and the full launch will take place only after the discovery of Big Oil. Doctors will be the main experts in the construction of water pipelines all these years. Epidemics and their prevention were the main argument in the dialogue with the authorities regarding the allocation of funds for such expensive facilities. At the same time, doctors assessed the state of nature and pointed out to the authorities the existing problems of space pollution.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпидемия, врач, водопровод, Западная Сибирь

KEY WORDS: epidemic, doctor, water supply, Western Siberia

ВВЕДЕНИЕ. Эпидемии многие века являются большой угрозой обществу. В XIX–XX вв. на первый план вышли такие болезни, как холера, тиф, дизентерия, то есть заболевания, в распространении которых ведущую роль играют вода и ее качество. Для улучшения качества жизни населения и предотвращения эпидемий врачи указывали на необходимость строительства объектов водной инфраструктуры, то есть водопровода и канализации. Для Западной Сибири процесс создания этой инфраструктуры растянулся на десятилетия, что в первую очередь было связано с высокой стоимостью строительства объектов.

Врачи выступали главными экспертами в менеджменте пространства, так как обладали необходимыми званиями, умением общаться с властями и сплоченным профессиональным сообществом. До начала эпохи Большой нефти на севере Западной Сибири главными экспертами по вопросам экологических проблем выступали врачи. Таким образом, проблема загрязнения воды, пространства, вырубки лесов и прочее рассматривалось в контексте улучшения качества жизни местного населения, предотвращения или борьбы с эпидемиями.

ЦЕЛЬЮ данного исследования является изучение роли медицинского сообщества в процессе становления и развития водной инфраструктуры Западной Сибири.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Быстрый уровень урбанизации в рассматриваемый период требовал большого притока людей в города, усиливал загрязнение пространства. Особо эта проблема касалась городских рек и каналов, выполнявших роль главного источника питьевой воды [24]. Загрязнение водных ресурсов грозило развитием крупных эпидемий, поэтому проблема обеспечения населения чистой питьевой водой бала в центре внимания медицинского сообщества на протяжении нескольких веков [23]. Разработка проектов водной инфраструктуры, то есть строительства водопровода, канализации, мостов, дамб и других объектов, рассматривается не только как история технологий, но и в области инфраструктурной, экологической и городской истории [17]. Мы же предлагаем рассмотреть этот процесс через призму истории медицины и эпидемий. Для О. Малиновой-Тзиафета строительство водопровода и канализации в Ленинграде стало хорошим контекстом для изучения политики по отношению к «бывшим», иностранным специалистам и представителям нетитульных народов [14].

Медицинское сообщество Западной Сибири обладало хорошей подготовкой в вопросе борьбы с эпидемиями, так как зачастую врачи получали такой опыт в других регионах Российской империи и затем активно применяли его на новом месте. Отдельно можно выделить Омское медицинское общество, которое наиболее активно продвигало проект водопровода в городе и представляло экспертную оценку проектов для властей, а также публиковало описания опыта европейских городов [12; 13].

Развитие медицины на севере Западной Сибири было сложным процессом, что обуславливалось отдалённостью региона от крупных центров, большая разбросанность населения по огромной территории, нехватка квалифицированных специалистов [20; 21].

В данной работе мы обращаемся к вспышке малярии в Ханты-Мансийском национальном округе, как с одной стороны альтернативному подходу к борьбе с эпидемией без привлечения дорогостоящих технологий, а с другой стороны, как кейсу иллюстрирующему процесс изменения природы и природного разнообразия в контексте борьбы с эпидемией. Для исследователей истории борьбы с малярией период Великой Отечественной войны занимает особое место в историографии, так как из-за перемещения больших масс населения и нехватки лекарств советским врачам пришлось переосмыслить имевшиеся подходы к лечению и профилактике заболевания [16].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Строительство водопроводов в Российской империи и Советском Союзе в XIX — первой половине XX вв. было крайне актуальной проблемой в свете постоянных эпидемий холеры, тифа и других желудочно-кишечных инфекций. Так как строительство новых инфраструктурных объектов было крайне затратным, то еще одним обоснованием необходимости строительства в первую очередь водопровода была борьба с крупными пожарами, которые могли уничтожить большую часть города. Водопроводные системы становились частью городской инфраструктуры. На скорость развития такой инфраструктуры влияла индустриализация, которая и приносила с собой необходимость в новой водной инфраструктуре [17].

В Западной Сибири первый водопровод был открыт еще в 1864 году в Тюмени, идея строительства принадлежала городскому голове Ивану Алексеевичу Подаруеву [9]. Водопровод

должен был уберечь город от крупных пожаров и эпидемий. На строительство водопровода была объявлена добровольная подписка, по которой было собрано 11 950 рублей. Согласно смете на устройство «водоподъемной машины» должно было обойтись в 25 560 рублей. Недостающие средства внес Подаруев. За проект и строительство отвечали англичане Г.И. Гуллет и К.И. Гаксом, которым принадлежала механическая мастерская по сборке пароходов.

Трубы для водопровода были сделаны из лиственницы из Верхотурья. Водозабор осуществлялся из реки Тура. Уже в начале XX века водопровод, построенный в первую очередь как пожарный, стал не только приходить в негодность, но и не удовлетворял потребности города в воде, на что указывали местные врачи. В связи с этим началась его перестройка, в 1915 году был открыт новый водопровод.

Строительство первого и второго водопровода было поддержано местным купечеством. Развитие в середине XIX века в Тюмени судостроения и базы речного флота, а позднее и строительство железнодорожной станции вело к быстрой индустриализации города и притоку большого количества новых жителей, что создавало, в свою очередь, дополнительную угрозу эпидемий и пожаров.

К началу XIX века водопровод успели открыть еще в двух городах Западной Сибири: Тобольске и Томске [11].

В 1915 году водопровод был запущен в Омске, обсуждение же его проекта началось в 1902 году. Как и в Тюмени, это был в первую очередь пожарный водопровод, но о его необходимости как объекта городской водной инфраструктуры первыми заговорили омские врачи.

Омск, расположенный на берегу рек Иртыш и Омь, уже в XIX веке оказался в ситуации нехватки чистой питьевой воды из-за высокого загрязнения отходами горожан как рек, так и колодцев [19, с. 18]. Члены Омского медицинского общества приложили много усилий для изучения качества омской воды и разработки предложений по улучшению качества водоснабжения горожан чистой питьевой водой [18, с. 84]. Проекты медиков по доставке омичам чистой воды претерпели эволюцию от плотов на середине Иртыша до водопровода. Омские врачи выступали в качестве экспертов в строительстве водной инфраструктуры: водопроводов и канализации, приводя в пример опыт не только российских городов, но и европейских. Крупные же пожары начала XX века, во время которых пострадали такие городские здания, как здание театра, дома М. Шаниной на Люблинском проспекте и гостиница Россия, послужили хорошим поводом для выделения средств на строительство водопровода, благодаря которому появлялась возможность не только сократить масштабы эпидемий (или даже предотвратить их), но и спасти многочисленные деревянные городские постройки.

Почему же разработка проекта и строительства столь важной части водной инфраструктуры Омска заняли почти 13 лет? В 1910 году гласный омской городской думы Кабалкин связывал это не только с медленной работой комиссий (многочисленных комиссий), но и постоянным вмешательством благотворительных фирм, которые выступали с многообещающими предложениями, а потом исчезали [2, л. 168].

Как и для Тюмени, водопровод в Омске был важной частью борьбы с пожарами и эпидемиями. В отличие от Тюмени, Омск был городом чиновников, а не купеческим, что не создавало таких широких возможностей для сбора средств на стройку инфраструктуры. Но развитие железной дороги требовало улучшения водоснабжения города, в противном случае грозя крупной эпидемией холеры или тифа. Главными экспертами в области строительства водопровода выступали омские врачи. Их главным аргументом была необходимость предотвращения эпидемий холеры и тифа, которые могли навредить не только горожанам, но и многочисленным военным, расположенным в городе.

В 1920-е гг. на севере Западной Сибири начинает формироваться медицинская инфраструктура, и туда приезжают врачи, которые не только лечат местное население, но и собирают сведения об особенностях быта и проблемах загрязнения пространства. Одной из важнейших проблем для врачей севера Западной Сибири были социальные болезни (туберкулез, параша, трахома). В начале XX века от Салехарда до Тобольска было только два земских врача и несколько фельдшеров. При таком небольшом количестве медицинского персонала было невозможно обеспечить медицинской помощью все население севера Западной Сибири. Не представлялось возможным осуществлять те задачи, которые стояли перед врачами, жившими на окраинах империи помимо профессиональных — составление медикотопографических описаний местности, просвещение местного населения, экспертиза медицинской и инженерной (в первую очередь, водной) инфраструктуры крупных населенных пунктов и тд.

Через десять лет после организации Ханты-Мансийского национального округа был расширен состав медицинских работников, и в округе появился средний медицинский персонал из коренных малочисленных народов Севера — хантов, манси, ненцев и зырян. Увеличилось и количество медицинских учреждений, работавших на территории округа, с 7 в 1913 году до 9 больниц и 27 прочих медицинских точек в 1931 году, а в 1940 году лечебная сеть насчитывала уже 32 больницы, 5 лабораторий и 7 зубных кабинетов [4, л. 1].

Врачи округа провели большую работу по изучению быта местного населения. Медики пришли к выводу о необходимости внедрения санитарно-гигиенических навыков. Это должно было помочь победить грязь и вшивость, что позволило бы затормозить распространение туберкулеза, трахомы и сифилиса. Важной задачей для врачей стала борьба с глистными заболеваниями, вызванными обычаем поедания сырой рыбы [4, лл. 9-10].

Врачи указывали на опасность загрязнения почвы и источников водоснабжения для здоровья местного населения. Для них проблема ухудшения состояния почвы и воды была важна не сама по себе, а как причина вспышек различных заболеваний. В диалоге с властями возможность возникновения эпидемии было важным аргументом. Так, в 1935 году в Самарово была вспышка дизентерии, которая, по мнению врачей, была вызвана загрязнением почвы и источников водоснабжения. Также медики указывали и на виновника — рыбоконсервный комбинат, сточные воды которого не проходили никакой очистки. Была высказана рекомендация по строительству водоочистных сооружений на комбинате [4, л. 28]. К этой проблеме вернулись в 1939 году, когда вопрос о качестве воды и необходимости строительства водопровода в Остяко-Вогульске (ныне Ханты-Мансийске) был поднят на страницах «Остяко-Вогульской правды». Вновь консервный комбинат был назван главным виновником загрязнения воды, так как продолжал спускать сточные воды без очистки прямо в Иртыш выше Самарово [3, л. 32].

Водопровод как решение проблемы нехватки чистой питьевой воды предлагался врачами в разных частях Сибири еще в XIX веке. Первый водопровод в Западной Сибири был запущен в Тюмени в 1864 году [9]. На севере же Западной Сибири к вопросу о необходимости строительства водной инфраструктуры обратились только в 1930-е гг., и первым населенным пунктом, где должен был быть запущен водопровод, стал Остяко-Вогульск. По мнению местных врачей, поселок находился в крайне неблагоприятном санитарном состоянии, а источники водоснабжения были загрязнены навозом от пасшихся рядом лошадей и коров [10]. Первые попытки строительства водопровода были предприняты в 1933 году, но из-за дефицита строительных материалов и сложностей в логистике, реализацию проекта пришлось отложить. К стройке возвращались в 1937 и 1940 году, после начала Великой Отечественной войны процесс был приостановлен и к вопросу о строительстве водопровода уже в Ханты-Мансийске вернулись в 1950 году. Официально Водоканал Ханты-Мансийска ведет отсчет своей истории с 1970 года [1]. Здесь следует отметить, что строительство

водной инфраструктуры в городах было напрямую связано с их уровнем индустриализации. Привлечение большого количества нового населения на производства (и в случае с севером Западной Сибири к добыче полезных ископаемых) создавало необходимость в строительстве водопровода, канализации и прочих объектов инфраструктуры.

В 1941 году врачи выступали в качестве экспертов в оценке санитарного состояния Ханты-Мансийска. Врачи пришли к выводу не только о необходимости улучшения водоснабжения жителей поселка, но и указали на важность озеленения и охраны древесных насаждений от порчи в Ханты-Мансийске [5, л. 1].

Альтернативой дорогостоящим объектам водной инфраструктуры в условиях севера Западной Сибири была очистка территорий от отходов. В 1942 году в свете плохой очистки населенных пунктов от грязи, навоза и отходов в округе наблюдались вспышки брюшного и сыпного тифа, а также детских инфекций [5, л. 53]. В 1944 году Окружной исполнительный комитет Ханты-Мансийского национального округа поднял вопрос о необходимости санитарной очистки населенных пунктов для предупреждения желудочно-кишечных заболеваний. Было принято решение в период с 20 июня по 20 июля провести очистку населенных пунктов и общественных мест округа. В то же время следовало привести в порядок источники водоснабжения и обеспечить контроль за их санитарным состоянием, предписывалось оборудовать водопровод в Ханты-Мансийске фильтрами для очистки воды и отстойники. В качестве профилактики должны были применяться прививки от брюшного тифа и дизентерии [6, л. 27]. Власти реализовали ряд мер по очистке региона от нечистот, но они не могли решить проблему. Требовались более затратные методы, такие как строительство водопровода, очистных сооружений, канализаций и т. д.

Следует отметить, что, как и в дореволюционный период, врачи на севере Западной Сибири выступали в качестве экспертов по широкому кругу вопросов. Охрана природных ресурсов рассматривалась врачами также через призму здоровья жителей округа, а не сохранения биоразнообразия. П. А. Ширококов указывал, что во время рыбной путины 1941 года никто не понес наказание за порчу рыбы и антисанитарное состояние рыбоконсервного комбината, что привело к вспышке дизентерии [5, л. 39]. Врачи исследовали Обь-Иртышский водный бассейн через призму проблемы описторхоза. Борьба с глистными инвазиями была одной из самых слабых сторон внебольничной помощи, по признанию самих медиков [7, л. 10 об.].

О необходимости строительства водопровода и налаживания поставки чистой воды врачи заговорили и в контексте эпидемии малярии. Во время Великой Отечественной войны в 1943 году сотрудники малярийной станции в Ханты-Мансийском национальном округе зафиксировали резкий рост числа больных малярией. Пик заболеваемости пришелся на 1945 год — 5311 больных [7, л. 14]. Заведующий окружным отделом здравоохранения П. А. Ширококов считал, что эпидемия началась с бессарабцев, эвакуированных в Ханты-Мансийский национальный округ в 1942 году из Молдавской ССР. Среди эвакуированных было много носителей плазмодий малярии. Природные условия округа с многочисленными болотами стали идеальной средой для быстрого развития эпидемии малярии. К этому можно было добавить и то, что «труд населения связан с водой — рыбной ловлей» [8, л. 163]. В самом округе было много комаров и в том числе и малярийных. Эти условия стали идеальными для развития эпидемии малярии. В 1946 году началось снижение количества больных также и за счет того, что была налажена поставка противомаларийных препаратов [22].

В качестве основных по ликвидации эпидемии в 1946 году были выбраны меры по борьбе с выплодом комаров. Для чего следовало благоустроить и привести в «санитарно-культурное» состояние территории населенных пунктов, рыбзаводов и других производств. К этой работе было привлечено местное население, которое участвовало в засыпке

и осушении ям, оврагов, ненужных канав, заброшенных колодцев и других мест, где могла скапливаться вода. Были очищены водостоки, ручьи и речки. Кроме того, для решения поставленной задачи были проведены работы по ремонту водосточных канав, их очистке от мусора для избежание застоя воды. К 20 июня 1946 года была поставлена задача по ликвидации стоячих озер, не имевшие хозяйственного и культурного значения. К тому же числу следовало провести очистку от водоплавающей растительности береговой полосы водоемов в радиусе трех километров от границ райцентров, совхоза рыбтреста и на территории заводов [6, л. 100]. Методы, которые были применены в Ханты-Мансийском национальном округе, были разработаны и активно внедрены в использование на Кавказе и побережье Черного моря еще в XIX веке врачами. Окончательно справиться с последствиями эпидемии, вспыхнувшей в годы Великой Отечественной войны, удалось только к середине 1950-х гг. Обнаружение нефти и увеличение миграционного потока послужило причиной строительства новой инфраструктуры и улучшения санитарного состояния пространства.

ВЫВОДЫ. Строительство водной инфраструктуры в Западной Сибири было сложным и дорогостоящим процессом, начало которому было положено еще в XIX веке. Главными сторонниками организации городских водопроводов были врачи. Их основным аргументом за строительство водопроводов была борьба с эпидемиями и предотвращение их.

Врачи выступали и в качестве экспертов по вопросам инженерных решений. Такой подход был возможен благодаря активному участию сибирских медиков в трансфере знаний и обмену опытом с коллегами не только из других регионов Российской империи, но и других стран. Большая часть врачей, работавших в Западной Сибири, были или действующими, или отставными военными медиками, привносили опыт и практики с предыдущих мест службы.

Строительство водной инфраструктуры в Тюмени и Омске было частью большого процесса, развернувшегося во многих городах Российской империи, стройка в Остяко-Вогульске на севере Западной Сибири требовала нового подхода. Врачи продолжали использовать прежнюю аргументацию, но уже в меньшей степени выступали в роли инженеров. Вместе с тем в свете нехватки средств и сложностей с логистикой медики предлагали альтернативные способы улучшения водоснабжения и борьбы с эпидемиями, используя опыт предыдущих веков. До появления экспертов в области экологии врачи были основными специалистами по проблемам загрязнения пространства, но рассматривали этот вопрос не через призму вреда природе, а через вред местным жителям. Победить санитарную разруху удалось только после обнаружения в округе нефти в 1960-е гг., благодаря чему началось масштабное строительство инфраструктуры для прибывающих нефтяников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова К.С. Водоснабжение Остяко-Вогульска: первые проекты водопровода // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. 6 (81). С. 64–70.
2. БУ Иса.Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.
3. ГА ХМАО. Ф. Р8. Оп. 1. Д. 49.
4. ГА ХМАО. Ф. Р8. Оп. 1. Д. 58.
5. ГА ХМАО. Ф. Р8. Оп. 1. Д. 62.
6. ГА ХМАО. Ф. Р8. Оп. 1. Д. 81.
7. ГА ХМАО. Ф. Р8. Оп. 1. Д. 90.
8. ГА ХМАО. Ф. Р8. Оп. 1. Д. 103.
9. Дубовская Е.М., Камельских И.С. Тюменский водопровод — первый в Сибири // Водоснабжение и санитарная техника. 2019. № 6. С. 4–7.

10. Кейльман. Избавить Остяко-Вогульск от нечистот // Остяко-Вогульская правда. 28. 07.1939. № 171. С. 4.
11. Король Ж.В. Водоснабжение городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Наука и современность. 2010. № 7. С. 74–78.
12. Краткий обзор о деятельности Омского медицинского общества за 25 лет его существования: 1883–1908 г. Омск: типография Штаба Омского военного округа, 1909. 111 с.
13. Лашков К. Омские врачи конца XIX века // Прииртышье мое. 1990. Кн. 2. С. 99–105.
14. Малинова-Тзиафета О. Контроль спецслужб в коммунальном хозяйстве Ленинграда и борьба за дисциплину (1918 — первая половина 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 4. 947–960.
15. Манкевич Д.В. Заболеваемость малярией в Калининградской области в первые послевоенные годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 32–36.
16. Маркова С.В. Вспышка малярии в Воронежской области в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. С. 116–118.
17. Обертрайс Ю., Малинова-Тзиафета О. История городов и водной инфраструктуры в Российской империи и СССР // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 173–201.
18. Соломин П.А. Дополнение к исследованию питьевых вод г. Омска. Протокол заседания общества омских врачей № 7 от 4 апреля 1888 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1889. С. 81–85.
19. Соломин П.А. О санитарном состоянии г. Омска. Протокол заседания общества омских врачей № 1 от 2 ноября 1886 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1888. С. 10–18.
20. Темплинг В.Я. Здравоохранение на крайнем севере тобольской губернии (XIX — начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. 4 (31). С. 136–142.
21. Цысь В.В. Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв. // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 497–512.
22. Barabanova K. Malaria epidemic in the north: the Khanty-Mansiysk National Okrug during the Great Patriotic War of 1941–1945 and the first post-war years // Arctic Journal. 2023. 76 (1).
23. Barabanova K., Kraikovski A. The management of cholera epidemics and The Neva River in St. Petersburg in the 19 century // Water History (2018). 10: 163–181.
24. Maughan N., Kraikovski A., Lajus J. Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history Water History. 2018. Vol.10. P. 133–140.

REFERENCES

1. Barabanova K. *Vodosnabzhenie Ostjako-Vogul'ska: pervye proekty vodoprovoda* [Water supply of ostyakovogulsk: the first water pipe projects] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. Vol. 6 (81). S. 64–70. (In Russian).
2. BU IsA. F. 30. Op. 1. D. 25. (In Russian).
3. GA KHMAO. F. P8. Op. 1. D. 49. (In Russian).
4. GA KHMAO. F. P8. Op. 1. D. 58. (In Russian).
5. GA KHMAO. F. P8. Op. 1. D. 62. (In Russian).
6. GA KHMAO. F. P8. Op. 1. D. 81. (In Russian).
7. GA KHMAO. F. P8. Op. 1. D. 90. (In Russian).
8. GA KHMAO. F. P8. Op. 1. D. 103. (In Russian).
9. Dubovskaya E.M., Kamel'skikh I. S. *Tyumenskii vodoprovod — pervyi v Sibiri* [Tyumen water pipeline — the first in Siberia] // Vodosnabzhenie i sanitamaya tekhnika. 2019. Vol. 6. P. 4–7. (In Russian).
10. Keil'man. Izbavit' Ostjako-Vogul'sk ot nechistot [Save Ostjako-Vogul'sk from sewage] // Ostjako-Vogul'skaya pravda. 28. 07.1939. № 171. P. 4. (In Russian).

11. Korol' ZH. V. *Vodosnabzhenie gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.* [Water supply of the cities of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries] // *Nauka i sovremennost'*. 2010. Vol. 7. P. 74–78. (In Russian).
12. *Kratkij obzor o dejatel'nosti Omskogo medicinskogo obshhestva za 25 let ego sushhestvovaniya: 1883–1908 g.* [A brief overview of the activities of the Omsk Medical Society for 25 years of its existence: 1883–1908]. Omsk: tipografija Shtaba Omskogo voennogo okruga, 1909. 111 s. (In Russian).
13. Lashkov K. *Omskie vrachi konca XIX veka* [Omsk doctors of the late 19th century] // *Priirtysh'e moe*. 1990. Kn. 2. S. 99–105 (In Russian).
14. Malinova-Tziafeta O. *Kontrol' spetssluzhb v kommunal'nom khozyaistve Leningrada i bor'ba za distsiplinu (1918 — pervaya polovina 1930-kh gg.)* [Control of the secret services in the communal services of Leningrad and the struggle for discipline (1918 — the first half of the 1930s)] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2021. Vol. 11 (4). S. 947–960. (In Russian).
15. Mankevich D.V. *Zabolevaemost' maljarij v Kaliningradskoj oblasti v pervye poslevoennye gody* [Incidence of malaria in the Kaliningrad region in the first post-war years] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*. 2016. Vol. 2. S. 32–36 (In Russian).
16. Markova S.V. *Vspyshka maljarii v Voronezhskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Malaria outbreak in the Voronezh region during the Great Patriotic War] // *Bjulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja imeni N.A. Semashko*. 2015. S. 116–118. (In Russian).
17. Obertrais YU., Malinova-Tziafeta O. *Istoriya gorodov i vodnoi infrastruktury v Rossijskoi imperii i SSSR* [History of cities and water infrastructure in the Russian Empire and the USSR] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2019. Vol. 9 (1). S. 173–201. (In Russian).
18. Solomin P.A. *Dopolnenie k issledovaniju pit'evyh vod g. Omska. Protokol zasedaniya obshhestva omskih vrachej № 7 ot 4 aprlja 1888* [Addition to the study of drinking water in Omsk. Minutes of the meeting of the Omsk Doctors Society No. 7 of April 4, 1888] // *Protokoly omskogo medicinskogo obshhestva*. Omsk: Omsk. tip. okruzh. shtab., 1889. S. 81–85. (In Russian).
19. Solomin P.A. *O sanitarnom sostojanii g. Omska. Protokol zasedaniya obshhestva omskih vrachej № 1 ot 2 nojabrja 1886* [On the sanitary condition of Omsk. Minutes of the meeting of the Omsk Doctors Society No. 1 of November 2, 1886] // *Protokoly omskogo medicinskogo obshhestva*. Omsk: Omsk. tip. okruzh. shtab., 1888. S. 10–18. (In Russian).
20. Templing V.Ja. *Zdravoohranenie na krajnem severe tobol'skoj gubernii (XIX — nachalo XX v.)* [Healthcare in the far north of the Tobolsk province (XIX — early XX centuries)] // *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*. 2014. Vol. 4 (31). S. 136–142. (In Russian).
21. Tsys V.V. *Stanovlenie sistemy medicinskih uchrezhdenij na Tobol'skom Severe v XIX — nachale XX vv.* [Formation of System of Medical Institutions in Tobolsk North in XIX — Early XX Centuries] // *Nauchnyi dialog*, 2022. Vol. 11(2). S. 497–512. (In Russian).
22. Barabanova K. *Malaria epidemic in the north: the Khanty-Mansiysk National Okrug during the Great Patriotic War of 1941–1945 and the first post-war years* // *Arctic Journal*. 2023. Vol. 76 (1). (In English).
23. Barabanova K., Kraikovski A. *The management of cholera epidemics and The Neva River in St. Petersburg in the 19 century* // *Water History* 2018. Vol.10. P. 163–181. (In English).
24. Maughan N., Kraikovski A., Lajus J. *Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history* // *Water History*. 2018. Vol.10. P. 133–140. (In English).

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЭКОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

SCIENTIFIC EXPEDITIONS IN AN ECOLOGICAL-HISTORICAL CONTEXT

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.010

УДК 94:910.2(571.122)"1883/1885"

ББК 63.3(253.3)52-8

О.А. МИЛЕВСКИЙ **ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЛЕМЕНЦ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЧНЫХ СИСТЕМ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭКСПЕДИЦИЙ 1883–1885 ГГ.)**

O.A. MILEVSKY **DMITRY ALEKSANDROVICH KLEMENTS –
EXPLORER OF RIVER SYSTEMS
IN WESTERN SIBERIA
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE EXPEDITIONS OF 1883–1885)**

В статье рассматривается экспедиционная деятельность Д.А. Клеменца в 1883–1885 гг., направленная на изучение речных систем ряда крупных западносибирских рек. Важным его достижением стало тщательное картографирование изучаемых им речных систем, благодаря чему были внесены уточнения в существующие ранее карты. На основе его писем-сообщений из экспедиций, а также опубликованных отчетов, устанавливается, что Д. Клеменц смог совершить несколько серьезных научных открытий, в частности установил старое русло реки Енисей, нашел и описал истоки реки Абакан.

The article deals with the expedition activity of D.A. Klements in 1883–1885, aimed at studying the river systems of a number of large West Siberian rivers. His major achievement was a thorough mapping of the river systems he studied, which clarified the existing maps. On the basis of his letters, messages from his expeditions, as well as published reports, it is established that D. Klements was able to make several serious scientific discoveries in particular, he established the old riverbed of the Yenisey River, found and described the sources of the Abakan River.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Западная Сибирь, Западносибирский отдел императорского русского географического общества, речные системы, путешествия, география, картографирование.

KEY WORDS. Western Siberia, West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, river systems, travels, geography, mapping.

ВВЕДЕНИЕ. История изучения Сибири, этой «ледяной» российской твердыни, каковой ее считали еще в XIX в., изобилует яркими именами ученых и путешественников. Немалый вклад в ее исследование внесли и политические ссыльные, начиная с декабристов и заканчивая позднейшими поколениями революционеров. Если декабристы в течение трех десятков лет преимущественно оказывали культурно-просветительское влияние на жизнь этой огромной территории, то их последователи, заброшенные в са-

мые отдаленные северные участки Сибири, немало сделали и для ее географического изучения. В этом ряду имя революционера-народника Д.А. Клеменца стоит на одном из ведущих мест.

Д. Клеменц в 1881 г. был административно сослан в Якутскую область на 5 лет, но по дороге к месту ссылки заболел и остался в Красноярской пересыльной тюрьме. В результате, по решению генерал-губернатора Восточной Сибири, место ссылки ему изменили на Енисейскую губернию. 23 декабря 1882 г. принимается решение об отправке его в Минусинск [9, с. 234], куда он и прибыл 26 января 1883 г [3, Л.13].

Так начался сибирский период его жизни, растянувшийся на 15 лет и посвященный в основном изучению разных мест Западной и Восточной Сибири, а также Монголии. В этих его научных занятиях географические исследования, наряду с археологическими, играли ключевую роль. Более того, деятельность Д. Клеменца на научной ниве стала настоящей путеводной звездой и примером для других представителей политической ссылки, а некоторых в дальнейшем буквально «катапультировала» в большую науку. Эту особую роль Д. Клеменца признавал, например, тот же Л.Г. Дейч. Он очень точно подметил, что «Клеменц в девяностых годах открыл многим из нас новое, к тому же дозволенное правительством поприще и тем вообще пробил брешь в установленном над нами режиме. Поэтому очень скоро местное население, не исключая и самых разнообразных начальствующих лиц, единогласно признало, что и «новая формация ссыльных» также внесла свою лепту в дело просвещения обширнейшего края, Клеменцу в этом, конечно, принадлежит наиболее почетное место» [4, с. 25].

Так, участник организованной при помощи Д. Клеменца «Сибиряковской экспедиции» (1894–1896 гг.) и впоследствии известный этнограф Н.А. Виташевский всегда с теплом говорил о роли Клеменца в собственной судьбе, отмечая большую роль, которую последний сыграл в формировании его как исследователя. Он отзывался о нем как о своем учителе, олицетворявшим для него идеал ученого и человека [21, Л.13–15]. Как географу Д. Клеменцу отдавали дань уважения и его маститые современники, так, хорошо его знавший и считавший себя его учеником В.А. Обручев отмечал, что «среди путешественников-исследователей материка Азии Д.А. Клеменц по праву занимает видное место» [18, с. 34].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. О научной деятельности Д. Клеменца — путешественника и исследователя, конечно, существует определенная научная литература [23; 2; 24; 10; 9], но его послереволюционная жизнь была настолько многогранна, что многие ее пласты до сих пор требуют дополнительного внимания ученых, как гуманитариев, так и естественников. Посвятив весь свой период сибирской жизни изучению этого огромного края, Д. Клеменц во время своих многочисленных экспедиций не оставлял без внимания и речные системы. Он изучал водные артерии Сибири комплексно, занимаясь не только их топографией, картографированием, гидрологией, но и уделяя внимание определению их хозяйственно-экономического и даже геостратегического значения. К сожалению, до настоящего времени специально на эти вопросы исследователи внимания не обращали.

В этой связи **ЦЕЛЬЮ** данной статьи является изучение экспедиционного наследия Д.А. Клеменца 1883–1885 гг. как исследователя западносибирских рек.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Как уже указывалось выше, оказавшись в начале 1883 г. в ссылке в Минусинске, Д. Клеменц не склонился перед обстоятельствами. Всегда испытывая интерес к естественнонаучной деятельности, а еще в эмиграции Швейцарии он был дружен с таким светилом географии, как Э. Реклю, он и в ссылке решил заняться научными изысканиями. В Минусинске он нашел в этом полную поддержку у основателя местного краеведческого музея провизора Н.М. Мартыанова. Авторитет и поддержка последнего в немалой степени и помогли Д. Клеменцу обрести большую свободу передвижения и посвятить себя экспедиционным занятиям.

Началось все уже летом 1883 г., когда Д. Клеменц оказался включенным по протекции Н. Мартьянова в состав экспедиции, основанной на средства Западносибирского отдела императорского русского географического общества (далее ЗСОИРГО–О.М.) томским исследователем А.В. Адриановым. В круг исследований входило «определение истоков реки Томь, изучение высочайшей снежной горы в Кузнецком округе — Мустага, также выход к водоразделу рек Абакана и Мрассы с целью решения вопроса, не обитал ли тут первобытный человек; собирание этнографического материала, сказок, легенд, сведений о шаманстве; раскопка могил; фотографические снимки типов и видов» [5, с. 18].

Сам Адрианов впоследствии так оценивал роль Клеменца в этой экспедиции: «В 1883 г. узнав о моем снаряжении в экспедицию на Алтай и за Саяны, он выразил желание принять в ней участие и, получив мое согласие, так деятельно принялся готовиться, штудировать сочинения на разных языках об этом районе, что положительно стал, я готов в этом признаться, головой и душой экспедиции» [1, с. 110].

Как видно из предложенного плана, значительное место в экспедиции как раз занимал вопрос об изучении речных бассейнов (их картографирование, описание и т.д.). Свое летнее движение участники экспедиции и начали, двигаясь из Минусинска по долине реки Абакан, далее они перебрались на реку Немир, где окончательно снарядились и наняли людей. Потом их маршрут лежал по водной системе реки Нени до горы Кырлыган, высшей точки Кузнецкого Алатау. Оттуда путешественники спустились прямо к истокам реки Томи и следовали ее долиной вплоть до впадения в нее слева реки Балыксы.

В устье Балыксы экспедиция разделилась. По свидетельству Д. Клеменца, это «разделение произошло 13 июля 1883 г. около устья речки Балыксы, впадающей слева в Томь, на так называемом Пермикинском зимовье. А. Адрианов далее отправился заранее намеченным маршрутом на реку Мрассу, а Д. Клеменц новым — по реке Шор-су на Таштып, оттуда на Абаканский завод и на прииски по правым притокам Абакана, далее на реки Магазу и Матур, опять через Таштып на Аскиз и Узунжол и обратно в Минусинск» [17, с. 11]. Этим неизведанным курсом Д. Клеменц шел с одним проводником. Попутно он проводил географические и геологические исследования и вел путевой дневник. По возможности с дороги он отправлял подробные письма-сообщения Н. Мартьянову, по которым вполне можно судить о его научной деятельности, в том числе они содержат и весьма интересные факты, связанные с изучением им речных систем, оказавшихся целью экспедиционных изысканий.

Так, описывая первую часть совместного путешествия, Д. Клеменц сообщал: «Вместе прошли с ним вершину (верховья — О.М.) Томи до устья Балыксы. Дорога была хоть и трудна, но очень интересна. Между прочим, оказалось, что сведения, сообщенные об этой местности у Риттера, не только не точны, но даже прямо неверны... Из геологических наблюдений могу сообщить, что нами констатировано сильное развитие старого кристаллического вонючего известняка на обоих берегах Томи на весьма значительном расстоянии. Нашел я их ... и на Шор-суке. По-моему, это довольно сильно изменяет существующие взгляды на геологическое строение местности» [11, л.1]. Таким образом, из этого весьма информативного сообщения видно, что путешественники, проведя картографирование местности, уточнили ранее существующие карты, выявили новые данные о течении Томи, провели геологические изыскания по берегам исследуемых рек [11, л.1].

В дальнейших своих сообщениях Д. Клеменц описывал уже вторую и фактически самостоятельную проведенную им часть экспедиции. В ней также немалое место он отводил изучению и описанию встречающихся ему рек. Так, он прошел до верховьев реки Есь [11, л.1об-2]. Далее, дойдя до Абаканского завода (ныне Абаза — О.М.), Д. Клеменц выехал вверх, к слиянию рек Большой Абакан и Малый Абакан, чтобы обратный путь пройти уже по реке. Во время сплава по Абакану на лодке он смог составить подробную карту этой части реки, исправив «неточности на карте Мейена, и внести коррективы в названия урочищ

на карте Шварца» [7, с. 25]. Впечатлениями о проделанном он поделился с Н. Мартьяновым, отмечая, что доволен итогами своей части экспедиции. Из этого же письма видно, что выявление истоков реки Абакан стало его научной мечтой. В частности, он пишет: «Я больше всего читал, изучал и собирал сведения о Мрассе и верхнем Абакане — и все это теперь останется втуне» [12, Л.1].

Уже в этой первой своей экспедиции Д. Клеменц проявил себя как ученый, способный не только работать в рамках заявленной научной программы, но и как исследователь, способный выходить за эти рамки. Уже в этом своем первом путешествии, исследуя реки, он не только занимается картографированием местности и чистой физической географией, но демонстрирует способность к широкому междисциплинарным, в частности социально-экономическим обобщениям. Так, в районе реки Матур и ее притоков он обратил внимание на целый ряд улусов, перемежавшихся с избами русских крестьян, и отметил, что «приволье лугов и пашен по Матуру не ускользнуло от зоркого глаза русского крестьянина... Осмотревши их лично впоследствии, я убедился что, здесь, где ныне обитает до 50 семей инородцев, легко нашлось бы место для нескольких сот семей переселенцев-земледельцев» [7, с. 21].

Экспедиция 1883 г. оказалась, несомненно, успешной и чрезвычайно продуктивной именно благодаря деятельности Д. Клеменца. Разделение экспедиции, несмотря на большой риск, принесло свои плоды: была охвачена куда более обширная территория и получено много дополнительной информации, в том числе касающейся имеющихся в регионе речных систем.

Летнее путешествие 1883 года стало судьбоносным для Д. Клеменца — оно в корне изменило его жизнь. В сентябре в Минусинске появился новый Д. Клеменц — географ и путешественник с большой буквы, о котором впоследствии С.Ф. Ольденбург напишет: «Дмитрий Александрович родился путешественником, путешественником Божьей Милостью» [19, с. 1].

Поэтому неудивительно, что сразу же по возвращении, еще обрабатывая материалы прошлой экспедиции, он начал мечтать о новой, теперь уже самостоятельной. Его следующей целью стало исследование речной системы Абакана с целью установления ее истоков. Об этих его планах можно узнать из его письма к А. Адрианову: «За экспедицию в верховья Абакана я готов ухватиться обеими руками. Своей пригодности делу я не судья, могу сказать только, что оно мне очень по душе. Двухсот рублей, я думаю, будет достаточно, тем более что добрые знакомые, вероятно, не оставят и на этот раз своею помощью меня. Я планирую так: уговорюсь с Борзовым (местный купец—О.М.) поехать вместе, но куплю лодку и найму на Матуре татарина (у меня есть такой на примете), знающего если не самые истоки, то верхние притоки Абакана. Заберемся насколько возможно высоко, а до вершины верст 20, оставив лодку, дойдем питаясь мясными консервами, чаем и чем бог пошлет... Сделать за эту поездку, мне кажется, можно будет следующее: снять глазомером по буссоли течение самого Абакана вверх от Матура... С вершины Большого Абакана до вершины Малого не пройдешь: лошадей с собой не будет, пешком идти — дело невозможное. Можно будет осмотреть Чирковое озеро и с окрестностей его, лежащих на водоразделах Большого и Малого Абакана, описать и заметить урочища и нанести на карту... Породы буду собирать, разумеется, со всякого «обрыва» — это самые неприветливые коллекции. Вверх по реке пойдем на шестах и на бичеве, двигаться будем тихо, а потому должна бы быть возможность собрать и растения. Насчет рыб и птиц не знаю, что сказать...Мне кажется, все-таки главное горе будет с инструментами — достать их негде. Не будет ли у Вас свободна Ваша буссоль с диоптриями? ... Был бы в высшей степени желателен анероид, но если Вам не пришлют теперь предназначавшийся для прошлой экспедиции — взять его негде... Еще к Вам просьба — нельзя ли достать в Томске путешествие Чихачева ...В две недели я бы с ним как-нибудь справился, а почитать его нужно и для старого отчета, и для будущей поездки» [8, Л.170-170 об, 171].

Проект иначе как рискованным не назовешь, тем более что оснащение группы из-за вечной нехватки средств оставляло желать много лучшего. Но в таких условиях проходило большинство российских экспедиций того времени, а уж об организованных ссыльными и говорить не приходится. Невзирая на объективные трудности и большой риск, энтузиасты-исследователи не отказывались от своих планов, не благодаря, а вопреки стяжая славу отечественной науке. К числу таких первопроходцев принадлежал и Д. Клеменц. Можно только сожалеть, что достижения русских подвижников географической науки оставались, за редким исключением, неизвестными широкой публике, а в лучшем случае становились предметом гордости узкого круга специалистов. Во второй половине XIX в. на слуху были открытия в других частях света. Тогда русская пресса много писала о географическом «открытии Африки». Настоящими героями саванн и джунглей на страницах различных изданий представляли перед читателями британцы Дж. Спик и Р. Бертон, открывшие в 1858 г. озеро Танганьика, С. Бейкер, первым нанесший на карту в 1864 г. озеро Альберта, не говоря уже о легендарном Д. Ливингстоне, искавшем истоки Нила, исследовавшем бассейн реки Замбези и область Великих озер. И, конечно, удачливый, хотя и крайне жестокий американский журналист Г. Стенли, отправившийся на поиски экспедиции Д. Ливингстона и нашедший его в 1871 г.

Но почему-то за этими действительно великими географическими открытиями, правда, приведшими в дальнейшем к колониальным захватам, словно теряются как минимум равные по значимости научные подвиги российских исследователей гигантских просторов Сибири и внутренней Центральной Азии. А ведь в намного хуже снаряженных и обеспеченных, нежели западные, экспедициях ими было сделано немало для нанесения на карту ранее неизвестных районов страны, а риск путешествия по горам, рекам и непроходимой тайге был не менее высок, чем под палящим солнцем и тропическими дождями Африки.

Именно такой и должна была стать задуманная Д. Клеменцем экспедиция. А. Адрианов, оценивая ее масштаб, отмечал, что «Д. Клеменц рассчитывал посетить недоступный и не исследованный до сих пор уголок Алтая с водоразделом между вершинами Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебеда (правого притока Бии) и Телецким озером, куда я безуспешно пытался проникнуть в 1883 г. с верхней Мрассы» [1, с. 111].

В конце концов, одобрение и небольшое финансовое пособие от ЗСОИРГО Д. Клеменц получил, и можно было реально планировать экспедицию. Он намеревался провести ее тоже с политическим ссыльным, инженером-технологом А. Венцовским, взявшимся помогать по части топографического описания местности. Кроме того, в состав отряда, как это можно установить из писем Д. Клеменца, вошел и А. Иванчин-Писарев [13, Л.1]. Включение такого большого количества ссыльных оказалось возможным в том числе и благодаря содействию минусинского исправника, на это есть прямое указание в письме Д. Клеменца от 4 июня 1884 г.

В экспедиционных целях Д. Клеменц решил использовать благоприятную ситуацию (как потом выяснится, это, возможно, была его ошибка) и присоединился к предприятию золотопромышленника Должникова, который также следовал в верховья Абакана. Как уточнял в письме Д. Клеменц: «Снарядились мы на четырех вьючных, поедет с нами двое татар и двое казаков промышлять» [13, Л.1]. Некоторые сложности при подготовке экспедиции возникли из-за дороговизны, Д. Клеменц сетовал, что «очень, очень дороги перевозочные средства», за трех вьючных лошадей пришлось отдать 50 рублей [13, Л.1].

От Минусинска до Таштыпа шли безостановочно, затем экскурсировали в бассейне реки Таштып, собирая геологическую и ботаническую коллекции. В начале маршрута Дмитрий Александрович работал, преодолевая нездоровье, чувствовал он себя неважно, жалуясь на боли в желчном пузыре. Но планов своих менять не собирался: «Если буду здоров, то как-нибудь доберусь до вершины Абакана», — писал он Н. Мартыанову [13, Л.1].

И опять стоит обратить внимание на то обстоятельство, что Д. Клеменц не только описывал и картографировал речные системы, но рассматривал реки, как серьезный фактор, влиявший на социально-экономическое благополучие и безопасность жителей живших по их берегам. Так, наблюдая в районе Таштыпа волнения среди местных скотоводов, Д. Клеменц в процитированном выше письме Н. Мартьянову просил его проинформировать исправника о конфликтной ситуации, возникшей между местными и пришлыми скотоводами: «Если увидите исправника, передайте ему от моего имени следующее: вместо спасибо за его содействие экспедиции я считаю должным сообщить ему кое-что о том, что опасность здесь. Таштыпское население крайне возбуждено тем, что Бийские и Кузнецкие скотогоны стоят со своим скотом на Матуре. Матур впадает в Абакан — боятся, что чумная зараза по воде попадет в Монок и Арбаты, а от Матурских татар к Сейским» [13, Л.2].

Далее экспедиция должна была идти через Сею в долину р. Мрассы и по левым притокам Абакана на водораздел этой реки и Мрассы, далее к верховьям Абакана и, наконец, на Телецкое озеро, чтобы сомкнуть свой маршрут с маршрутом путешествия П.А. Чихачева 1844 г. Но путешествие оказалось слишком трудным для товарищей Д. Клеменца. Дойдя 1 июля до речки Слюдянки, левого притока Абакана, его спутники решили повернуть назад [18, с. 4]. Сам же Д. Клеменц решил продолжить маршрут, несмотря на большой риск. Он пошел дальше один, лишь с двумя проводниками-татарами. Ему удастся дойти до «подножия хребта Джолинь, водораздела между Абаканом, Мрассой и Лебедью» [1, с. 111].

Сохранилось крайне интересное письмо Д. Клеменца Н. Мартьянову, позволяющее воссоздать детали тяжелейшей экспедиции и дающее ценный материал для современных историков географической науки. Вот как описывал события Д. Клеменц: «Вам известно, конечно, что от Слюдянки в вершины Абакана пошел я один и в неделю дошел до разделений Абакана на 2 (а не на 3, как это рассказывают) ключа, из которых один делится в свою очередь на 2, другой на три вершины, из которых оба берут начала из озер, у подножия двух высочайших массивов Саянского хребта. Я, отправляясь, рассчитывал прожить в этом месте с неделю и обследовать загадочный уголок, но дорогой случилось несчастье, которое могло привести к очень трудным последствиям — при переправе через Абакан у меня утонули и подмокли все съестные припасы — это было за два дня до достижения дальней точки пути. Удалось спасти немного сухарей и мяса, но и спасенное гнило, покрываясь грибами на дожде, от которого некуда было укрыться. После этой катастрофы я еще два дня шел вперед. Чем питались — не спрашивайте! Полдня я употребил на осмотр хребта в вершине Абакана и вернулся. Каких-нибудь верст 6 хребтов и утесов разделили меня от стоянки Чихачева над озером, откуда он чертил свою карту Абакана. Я сделал то же что и он — нанес на карту вершины Абакана и повернул обратно. Велика была наша радость, когда мы на обратном пути добрались до того места, где на всякий случай был оставлен запас сухарей. На обратном пути я, вопреки всем возражениям татар, прихватил немного Малого Абакана и отправился на Большой Кызас» [16, Л.1].

Этот фрагмент письма — превосходная характеристика исследователя! Желание во всем дойти до сути, до первооснов побеждает в нем чувство опасности. Ради установления истины Д. Клеменц готов рисковать жизнью, а это удел настоящих подвижников, тех, кто для достижения научной цели ставит эксперименты на себе или, зная, что может не вернуться из путешествия, все равно идет вперед до конца.

Даже неоконченная экспедиция дала огромный географический материал, ведь она проходила по практически неизведанным местам верховьев Абакана и Алтая. На обратном пути, после возвращения с верховий Абакана, как явствовало из очередного письма к Н. Мартьянову, он, по предложению золотопромышленника и по совместительству археолога Н. Кузнецова, решил продолжить совместно с ним исследования притоков Абакана. Вот, что он планировал сделать: «Николай Кузнецов, предложил мне ехать на вершину

Аны (приток Абакана — О.М.) и жертвует на это дело 80 рублей, сухари и прочие припасы» [16, Л.1об].

Свою задачу Д. Клеменц в своем письме Н. Мартьянову от 6 августа 1884 г. формулировал так: «Я решил воспользоваться предложением Кузнецова и поеду с ним на Ану, какой бы там ни был все-таки, кое-какой материал соберу и дополнительно сведения о восточном Абакане» [14, Л.1]. В письме также содержалась просьба в случае не присылки денег одолжить ему 30 рублей для оплаты лошадей, долг Д. Клеменц обещал «уплатить хотя бы из пособия», а в последних строчках прибавлял: «...устал я порядком — если бы не сознание долга, по доброй воле я не поехал бы. Вижу, что буду сильно нуждаться в снисхождении при оценке моих работ» [14, Л.1об].

Как видим, Д. Клеменц оценивал экспедицию 1884 г. довольно критически, хотя на обратном пути ему крупно повезло. Проезжая от села Аскизского правым берегом Абакана, Д. Клеменц обнаружил в Абаканской степи совершенно обнаженные полосы речной гальки с преобладанием метаморфических и изверженных пород, отсутствовавших на Абакане, ниже устья Тапштыпа. Он внимательнейшим образом изучил необычный рельеф и сопоставил увиденное с рассказом Н. Мартьянова о том, что по дороге между деревнями Сабинской и Означенной (ныне город Саяногорск — О.М.), лежащими у предгорий Саян, «встретил широкую равнину, имевшую форму старого русла, усыпанную галькой и уходившую к северо-западу, по— видимому, к Абакану» [7, с. 2]. Д. Клеменц выдвинул блестящую научную гипотезу о том, что это «старое русло Енисея, направленное на северо-запад к Абакану, выше гор Изыха» [18, с. 4.].

По возвращении в 1885 г. он в газете «Сибирь» в № 20, 22, 42, 43, 51 и в 1886 г. № 10. опубликовал цикл очерков, объединенных общим названием «Дикий Алтай». Очерки, написанные по итогам наблюдений из экспедиции 1884 г. в верховья Абакана, содержат массу интересных и подробных географических и этнографических сведений об этих тогда совершенно неисследованных местах.

Весна 1885 г. принесла Д. Клеменцу новые экспедиционные хлопоты. Фигурально выражаясь, с наступлением теплых месяцев и появлением первой зелени Д. Клеменца охватывал тот могучий порыв к движению, к воле, о котором бывалые уголовные каторжане говорили: «Генерал, тайга зовет!». В мае 1885 г. он совместно с купцом Г. Сафьяновым совершил поездку в Западные Саяны и тогда мало исследованный Урянхайский край. От Абаканского завода путешественники направились вверх по реке Чахан к перевалу Шабин-дабан в Саянах, трехдневный переход через перевал получился очень тяжелым из-за плохой погоды и лежавшего там снега.

Далее, спустившись в долину реки Кантегир, они вверх по реке Тосла, притоку Кантегира, поднялись на вторую цепь Саян, носящую название хребет Сойотский, и перевалили в долину реки Ишкем, впадающей в реку Хемчик. Затем они перешли через третий хребет и по речке Манжурек спустились до реки Ак-Кем, а перейдя последнюю вброд, добрались до реки Хемчик, переправились через нее на плоту и достигли фактории Г.П. Сафьянова [18, с. 5]. Центральной у Г. Сафьянова считалась фактория Салдам на Улуг-Хеме (так называется Енисей в Тыве), кроме этой, у него были еще четыре: две в долине реки Хемчик и две на вершине Большого Енисея (Бий-Хема) [22, с. 42].

На факториях находились добротные дом, хозяйственные постройки, хранилища для товаров, запасы продуктов и т.д. С одной из факторий на реке Хемчик Д. Клеменц в течение двух недель и совершал экскурсии в верхней части бассейна Хемчика до слияния с рек Чу, берущей начало на перевале Чапчал в хребте Танну-ола.

Обратный путь пролегал вверх по реке Ак-Кем, откуда путешественники перевалили через Западные Саяны к верховьям реки Аны, впадающей в Абакан, на ней, как известно, Д. Клеменц был в прошлом году с Н. Кузнецовым. Но так как проехать по Ане вниз можно

только зимой, то путешественники повернули на северо-восток вдоль Саян. На этом пути их поджидали настоящие приключения. Два проводника-сойота попытались их ограбить, но увидев перед собой людей не робкого десятка и получив отпор, бежали, бросив русских одних в тайге. Однако и здесь присутствие духа не изменило Д. Клеменцу, как он сам рассказывал: «Он не унывал и только экономил с жадностью Плюшкина спички» [20, с. 46].

В столь сложной, если не сказать трагической ситуации, путешественники по компасу, солнцу, звездам и ветвям сосен и елей вышли из глухой тайги к реке Абакан, а уж оттуда спустились вниз по реке до Минусинска [17, с. 12]. Фактически Д. Клеменц вслед за Г. Потаниным и А. Адриановым, посетившим Урянхай в 1881 г., стал одним из пионеров в научном изучении этого тогда таинственного и удаленного края. Более того, в этом путешествии он, пожалуй, первым из путешественников серьезно исследовал реку Хемчик и ее притоки.

Экстремальный поход даже мысленно не заставил Д. Клеменца изменить дальнейшие планы, в которые входила проверка его гипотезы о старом русле Енисея. Во второй половине лета он совершил две поездки из Минусинска по Абаканской степи до Енисея у деревни Означенной и подножия Саян у села Бейского и собрал немало данных в подтверждение осевшей его догадки.

В своем отчете он так написал об этом: «Летом, в июле 1885 г., я вместе с Н. Мартьяновым, посетил деревню Означенную и поднимался на гору Итем с целью собрать материалы для петрографической карты Минусинского округа, в области Саянского хребта. Во время экскурсии с гор нам удалось осмотреть всю степь до Абакана. Мы заметили, что на параллели деревни Огур ее пересекает невысокий хребет, но в одном месте, где находится предполагаемое нами русло, он неожиданно понижается и переходит в равнину» [7, с. 5].

Пытаясь разрешить эту загадку, Д. Клеменц проехал степью по бездорожью от деревни Означенной до перевоза на Енисее, напротив Минусинска. Он собрал много новых данных в пользу его теории о том, что Енисей ранее действительно протекал от деревни Означенной на северо-запад, а затем, слившись с Абаканом ниже устья реки Беи, направлялся на северо-восток левее гор Изыха к своему современному руслу. В дальнейшем Н. Козьмин писал в 1914 г.: «Гидротехнические изыскания и нивелировки последнего пятилетия дали богатый материал, подтверждающий правильность высказанного Клеменцем предположения» [6, с. 278].

ВЫВОДЫ. Экспедиции Д. Клеменца 1883–1885 гг., в рамках которых он исследовал, главным образом район юго-западной части Минусинского округа до бассейна реки Томь, южную часть Кузнецкого Алатау, а также район реки Хемчик в Урянхайском крае дали ценнейшую информацию для географической и геологической характеристики этих обширных и тогда малоизученных мест. Огромное значение для географической науки имели и проводимые им во время этих экспедиций исследования речных систем этого региона, а также их картографирование. Материалы, частично опубликованные в «Записках ЗСОИРГО», привлекли внимание маститых ученых к личности Д. Клеменца. В частности, на геологические данные, впервые введенные в научный оборот Д. Клеменцем, опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901 г.) [24, с. 75].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тп-я К.И. Витковского, 1917. С. 103–124.
2. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 176 с.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Ед. хр. 1781.

4. Дейч Л.Г. Дмитрий Александрович Клеменц. Пг.: Госиздат, 1921. 40 с.
5. Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвуиздат 2004. 68 с.
6. Козьмин Н.Н. Избранные труды. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.
7. Материалы, собранные Д.А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск: Тип-я Окружного штаба, 1890. 145 с.
8. Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Фонд А.В. Адрианова. Папка 11.
9. Милевский О.А. Рождение путешественника: географические исследования Д.А. Клеменца в Минусинской ссылке (1882–1886) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. 2017. С. 100–108.
10. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц». Опыт интеллектуальной биографии. М., 2017. 695 с.
11. Минусинский краеведческий музей основной фонд (МКМ ОФ). № 10566/2.
12. МКМ ОФ. № 10566/3.
13. МКМ ОФ. № 10614 /4.
14. МКМ ОФ. № 10614/6.
15. МКМ ОФ. № 10566/2.
16. МКМ ОФ. № 10614/5.
17. Обручев В.А. Д.А. Клеменц, П.П. Семенов-Тяньшанский и Ф.Н. Чернышев как исследователи Азии // Записки Геологического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1914–1915. Вып. III. СПб., 1915. С. 1–7.
18. Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их геологических и географических результатов // Известия Восточно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тип-я К.И. Витковского, 1917. С. 1–34.
19. Ольденбург С.Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы. In memoriam. Пг.: Тип-я В.Д. Смирнова, 1915. 4 с.
20. Попов И.И. Д.А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л.: Колос, 1925. С. 7–66.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 13.
22. Сафьянов И.Г. Тува в прошлом. Т. 2. Повесть о жизни. Гражданская война в Туве. М.: ТИГИ, 2012. 315 с.
23. Токарев С.А. Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. М.: ГУПИ, 1957. С. 244–251.
24. Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун— та. 1988. 176 с.

REFERENCES

1. Adrianov A.V. *Pamyati suprugov Klements* [Memory for spouses Klements] // *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. T. XLV. 1916. Irkutsk: Tr-ya K.I. Vitkovskogo, 1917. S. 103–124. (In Russian).
2. Gol`dfarb S.I. *D.A. Klements — revolyucioner, uchenyj, publicist* [D.A. Klements — revolutionary, scientist and publicist]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1986. 176 s. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arxiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of Krasnoyarskogo kraya (GAKK)]. F. 595. Op.63. Ed. hr. 1781.
4. Dejch L.G. *Dmitrij Aleksandrovich Klements* [Dmitry Alexandrovich Klements]. Pg.: Gosizdat, 1921. 40 s. (In Russian).
5. Devlet M.A. *Aleksandr Vasilevich Adrianov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Alexander Adrianov (150th anniversary of his birth)]. Кемерово: Kuzbassvuzizdat 2004. 68 s. (In Russian).

6. Kozmin N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Abakan: Zhurnalist, 2010. 311 s. (In Russian).
7. *Materialy, sobrannye D.A. Klementsom pri ekskursiyakh v Verxnij Abakan v 1883 i 1884 gg.* [The materials collected by D.A Klements on excursions to Upper Abakan in 1883 and 1884]. Omsk: Tip-ya Okruzhnogo shtaba, 1890. 145 s. (In Russian).
8. *Muzej arxeologii i e`tnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (MAES TGU)* [Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University (MAES TGU)]. Fond A.V. Adrianova. Papka 11. (In Russian).
9. Milevsky O.A. *Rozhdenie puteshestvennika: geograficheskie issledovaniya D.A. Klements v Minusinskoj ssylke (1882-1886)* [Traveller's birth: geographical researches of D.A. Klements in the Minusinsk exile (1882-1886)] // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. № 2. 2017. S. 100-108. (In Russian).
10. Milevsky O.A., Panchenko A.B. «*Bespokojnyj Klements*». *Opyt intellektualnoj biografii* [«Restless Klements»: An Experience in Intellectual Biography]. M., 2017. 695 s. (In Russian).
11. *Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (MKM OF)* [Minusinsk museum, main fund (MKM OF)]. № 10566/2.
12. MKM OF. № 10566/3.
13. MKM OF. № 10614 /4.
14. MKM OF. № 10614/6.
15. MKM OF. № 10566/2.
16. MKM OF. № 10614/5.
17. Obruchev V.A. *D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyan`shanskij i F.N. Chernyshev kak issledovateli Azii* [D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyanshansky and F.N. Chernyshev as the Asian researchers] // *Zapiski Geologicheskogo otdela obshhestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. 1914-1915. Vy`p. III. SPb., 1915. C. 1-7. (In Russian).
18. Obruchev V.A. *Obzor puteshestvij D.A. Klements po vnutrennej Azii i ix geologicheskix i geograficheskix rezultatov* [Overview of D. A. Clements trips in internal Asia and their geological and geographical results] // *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. T.XLV. 1916. Irkutsk: Tip— ya K.I. Vitkovskogo, 1917. S.1-34. (In Russian).
19. *Ol`denburg S.F. Dmitrij Aleksandrovich i Elizaveta Nikolaevna Klements. In memoriam* [Dmitry Aleksandrovich and Elizaveta Nikolaevna Klements. In Memoriam]. Pg.: Tip-ya V.D. Smirnova, 1915. 4 s. (In Russian).
20. Popov I.I. *D.A. Klements. Ego zhizn` i deyatel`nost`* [Klements, his life and work] // *Klements D.A. Iz proshlogo. Vospominaniya*. L.: Kolos, 1925. S. 7-66. (In Russian).
21. *Rossijskij gosudarstvennyj arxiv literatury i iskusstva (RGALI)* [The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI)]. F.92. Op. 1. D. 13. (In Russian).
22. Safyanov I.G. *Tuva v proshlom* [Tuva in the past]. T. 2. *Povest` o zhizni. Grazhdanskaya vojna v Tuve*. M.: TIGI, 2012. 315 s. (In Russian).
23. Tokarev S.A. *Dmitrij Aleksandrovich Klements (1848-1914)* [Dmitry Alexandrovich Klements (1848-1914)] // *Otechestvennye ekonomiko-geografy XVIII-XX vv. M.: GUPI, 1957. S. 244-251. (In Russian).*
24. Fedorova V.I. *Revolucionnyj narodnik, uchenyj i prosvetitel` D.A. Klements* [The revolutionary, scientist and enlightener D.A Klements]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta. 1988. 176 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.011

УДК 598.2:94(571)"18"

ББК 28.693.35г(253.3)522-8

Д.М. НЕЧИПОРУК,
А.В. ГОРЕЛКО**ОТКРЫВАЯ РОССИЮ:
НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
ГЕНРИ СИБОМА В РОССИЙСКУЮ
ИМПЕРИЮ**D.M. NECHIPORUK,
A.V. GORELKO**DISCOVERING RUSSIA:
HENRY SEEBOHM'S SCIENTIFIC
EXPEDITIONS TO THE RUSSIAN EMPIRE***Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 23-28-01108**«Сибирь в англо-американских травелогах: формирование современных образов края
во второй половине XIX — первой четверти XX в.»*

В статье на основе архивных документов и травелогов рассматривается история двух экспедиций по печорской низменности и Сибири британского орнитолога и путешественника Генри Сибом (1832–1895). В работе исследуются мотивы поездки Сибом, его изучение евразийских маршрутов миграции птиц, обитавших в Великобритании, а также открытие новых и ранее неизвестных видов пернатых. Как показано в статье, приобретенные знания в ходе путешествий позволили значительно продвинуться в исследовании разнообразия птиц и местах их обитания. Важно отметить, что результаты его научной работы по-прежнему являются актуальными и имеют безусловную ценность для современной орнитологии. Кроме того, научные экспедиции Генри Сибом являются важным источником для исследований по экологической истории арктического Севера; в книгах орнитолога содержатся уникальные описания жизни и обычаев местного населения и природных явлений, которые он описал, путешествуя по рекам Печора и Енисей.

The article examines the history of expeditions in Siberia and Pechora plain by the British ornithologist, manufacturer and traveler Henry Seebohm (1832–1895) on the basis of archival documents and his travelogues. The paper analyzes two trips made in the 1870s to the basin of Pechora River and the Yenisei Tundra in order to study the migration routes of birds going through the United Kingdom, as well as the discovery of new and previously unknown species. The obtained knowledge during the Seebohm's travels allowed us to significantly expand our understanding of the diversity of birds and their habitats in the Russian Empire in the second half of the XIXth century. It is important to note that the results of Seebohm's ornithological study are still relevant and have valid scientific significance for the modern scholar research. Henry Seebohm's scientific expeditions to Siberia have important historical significance in the field of nature research, especially in the context of studying various bird species in this region. In addition, Henry Seebohm's scientific expeditions are an important source for research on the environmental history of the Arctic North; the ornithologist's books contain unique descriptions of the life and customs of the indigenous peoples as well as the natural phenomena of the Russian North, which he described while traveling along the Pechora and Yenisei rivers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Генри Сибом, Сибирь, орнитология, травелог, научная экспедиция.

KEY WORDS: Henry Seebohm, Siberia, ornithology, travelogue, research expedition.

ВВЕДЕНИЕ. Генри Сибом (1832–1895) — известный британский мануфактурщик, бизнесмен, путешественник и ученый-орнитолог XIX в., самостоятельно финансировавший свои изыскания и экспедиции. Его родители были членами христианского «Общества Друзей», поэтому Сибом получал школьное образование в религиозном учебном заведении в Йорке, где у него развился интерес к естествознанию. В раннем возрасте он занялся бизнесом и, в конце концов, поселился в городе Шеффилд, руководя бизнесом по производству стали. В свободное время он занимался изучением птиц, совершая время от времени орнитологические экспедиции в Нидерланды, Грецию, Малую Азию, Скандинавию, Германию и Российскую империю. Он был одним из первых европейских орнитологов, принявших американскую трехчленную систему для классификации подвидов птиц. Основные научные работы, написанные зачастую как подробные описания его экспедиций, вышли в 1880-е–1900-гг. Главными книгами Сибома, его основным научным вкладом считаются «Сибирь в Европе» (1880) и «Сибирь в Азии» (1882), которые позднее были объединены в посмертное издание «Птицы Сибири» (1901). В них он подробно описал историю своего путешествия по европейской части Севера и Сибири, с какими трудностями пришлось столкнуться, какие птицы были найдены и описаны в процессе исследования.

Сибом был членом нескольких научных обществ и заядлым коллекционером птиц. В 1873 г. он присоединился к Британскому союзу орнитологов и Зоологическому обществу. В 1878 г. он был избран членом Королевского географического общества (КГО, F.R.G.S.). С июня 1890 года и до своей смерти Сибом был одним из секретарей КГО, пользуясь большим авторитетом среди членов организации. В декабре 1879 г. он был избран членом Линнеевского общества в Лондоне. В орнитологической коллекции автора насчитывалось порядка 17000 экспонатов, которые впоследствии, согласно его завещанию, были переданы Британскому музею [1, с. 3670]. Также его имя как коллекционера-коллектора часто встречается в Зоологическом музее РАН в Санкт-Петербурге, в который он передавал птиц из своей коллекции в период с 1869 по 1886 год. Он также впервые описал различные виды птиц Восточной Азии и внес вклад в определение ряда зоологических таксонов. Названия этих таксонов, для указания авторства, обычно сопровождаются ссылкой на имя «Seeböhm». Работы Сибома значительно продвинули понимание систематики и распространения птиц. Его таксономические измерения и классификации послужили основой для будущих орнитологических исследований.

ЦЕЛЬ статьи — рассмотреть историю и обстоятельства орнитологической экспедиции Генри Сибома в Печорскую долину и Енисейскую тундру, с акцентом на изучение маршрутов и значимости научных открытий британского ученого.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами исследования являются документы Государственного архива Омской области (ГАОО) и вышеупомянутые труды Сибома, описывающие путешествие по Сибири и реке Печора. Книги британского орнитолога являются важным историческим источником для понимания экологической истории региона, особенно видов птиц. Труды, в основу которых легли наблюдения за пернатыми, проведенные во время экспедиций, содержат подробные сведения о разнообразии птиц Сибири. Записи Сибома служат ценным источником информации о видах птиц, с которыми он столкнулся, их среде обитания и моделях миграции. Травелоги британского ученого, содержащие как информацию об увиденном в России, так и описания птиц с их иллюстрациями, дают достаточно детальное представление об орнитофауне Сибири XIX века. Также они являются ценными источниками по истории экологии и экосистем позапрошлого века.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В ГАОО хранится несколько дел, посвященных ходатайствам о содействии властей Российской империи российским и зарубежным ученым во время их экспедиций в Сибирь с целью изучения местной природы.

Количество подобных поездок стало расти во второй половине XIX в., особенно начиная с 1860-х гг., что объясняется, помимо прочего, улучшением транспортного сообщения между европейской и азиатской частями России. Главная причина состояла в интересе к российскому Северу, природу которого еще только предстояло всесторонне изучить. К властям Западно-Сибирского генерал-губернаторства обращались за содействием члены ученой экспедиции Императорской академии наук под руководством геолога Ф.Б. Шмидта (1832–1908), направлявшиеся в район Тазовской губы для исследования найденного там мамонта [2]. В архиве отложилось отношение Императорского Русского Географического Общества о содействии путешествию по Сибири в 1876–1877 гг. французского антрополога венгерского происхождения Шарля (Карла) Эжена Уйфальви де Мезоковезда (1842–1904) [3]. В 1876 г. Омск посетили участники Бременской учёной экспедиции, направлявшиеся исследовать бассейн реки Обь [4]. Возглавляли поездку немецкие ученые доктор Альфред Брем (1829–1884) и орнитолог Отто Финш (1839–1917).

Во второй половине 1870-х гг. отправился в научную экспедицию по изучению птиц Сибири и Генри Сибом. В данном случае дело из Омского архива раскрывает подробности содействия уже второй поездки Сибом в Россию, когда он направлялся в Енисейскую губернию. В рекомендательном письме, за подписью министра внутренних дел Александра Егоровича Тимашева (1818–1893) на имя западно-сибирского генерал-губернатора Николая Геннадьевича Казнакова (1823–1885), испрашивалось оказать помощь Сибому в снабжении, а также «в случае надобности, открытом листом для разъезда вне почтовых путей». Поясняя необходимость такого содействия, в ходатайстве указывалось, что путешественник отправляется в Западную Сибирь, намереваясь провести лето на реке Енисей, занимаясь орнитологическими исследованиями [5].

До своих путешествий в Россию Сибом исследовал птиц Британских островов. Он провел обширные полевые исследования разных видов и впоследствии выпустил четырехтомник «История британских птиц» в 1883–1885 гг. Издание включает в себя подробные описания каждого вида, среды обитания, особенности миграции и гнездования. Сибом также в рамках своего исследования совершил путешествие в Грецию и Малую Азию, где заручился содействием Теодора Иоганнеса Крюпера (1829–1921) — известного немецкого орнитолога и энтомолога, работавшего хранителем музея Афинского университета [8, р. 103].

До своей поездки в Сибирь, еще в 1875 году, Сибом совершил научное путешествие в Печорскую долину. Показательно, что Печорскую низменность участники экспедиции называли «Сибирью в Европе». Целью путешествия, как объяснял ученый в своих трудах, сформировалась в результате изучения истории эволюции птичьих популяций в Британии. Данный вопрос активно исследовался орнитологами на протяжении всего XIX века. В весенние и осенние периоды многие виды птиц в значительных количествах посещали Британские острова, следуя своими миграционными путями к неизвестным местам гнездования и обратно [10, р. 2]. Особое внимание орнитологов привлекали вопросы, связанные с выяснением маршрутов миграций, а также географическим распределением птиц. Несмотря на широкие орнитологические исследования, про многие виды птиц было мало что известно относительно точно нахождения мест их размножения. Поэтому Сибомом было принято решение провести исследования в северных краях Российской империи: в Печорской низменности и Сибири.

Первая научная экспедиция Сибом в Российскую губернию была осуществлена совместно с Джоном Александром Харви-Брауном (1844–1916), шотландским орнитологом и натуралистом, который был одной из важных фигур «Комитета по привлечению смотрителей маяков и световых сосудов для проведения наблюдений за миграцией птиц». [11, р. 169]. Браун отвечал за сбор предварительной информации о Печорской долине, которая могла бы поспособствовать открытию мест размножения многих новых видов в Се-

верной Европе и обнаружить места их гнездования. В результате изысканий Харви-Брауна была найдена информация об ареалах обитания птиц. При этом Сибом и Браун отдавали себе отчет, что они не первые исследователи в Печорской долине. В своей книге Сибом пишет об известных ему визитах иностранцев в район бассейна реки Печора в XVII–XIX веках. Он упоминает о британских купцах и мореплавателях, посещавших реку между 1611 и 1615 годами с целью наладить торговлю мехами и шубами. В 1837 году Александр Густав фон Шренк (1816–1876) посетил Печору при поддержке Императорского ботанического сада в Санкт-Петербурге. Его исследования позволили получить обширные знания по ботанике и этнологии этого региона. Финско-шведский этнолог и филолог Матиас Кастрен (1813–1852), исследователь финно-угорских языков посетил Печору в 1842 году, где собрал ценную информацию о коренном населении — самоедах и других этнических группах Северо-Восточной России. Российские исследователи немецкого происхождения Пауль фон Крузенштерн (1809–1881) и граф Александр Кейзерлинг (1815–1891) исследовали Печору в 1843 году, опубликовав совместно фундаментальную работу «Научные наблюдения при поездке в Печорский край в 1843 г.» [10, p. 4]

Но, несмотря на все эти усилия, новых орнитологических сведений из региона не было. Как рассказывал сам Сибом, поездки на Север в Архангельск и Норвегию в первой половине 1870-х гг. мало что дали с точки зрения получения новых данных: «В 1872 году мой друг Джон А. Харви-Браун сопровождал Р. Олстона в орнитологической экспедиции в Архангельск, результаты которой были опубликованы в журнале «Ибис» за январь 1873 года, а в 1874 году я отправился с Робертом Коллеттом, проживавшем Христиании, на север Норвегии. Ни одно из этих путешествий не добавило к уже известному массиву орнитологических знаний каких-либо очень важных фактов. Но в каждом отдельном случае они значительно усилили наш интерес к арктической орнитологии и дали нам знание особенностей поведения и повадок многих арктических птиц, что оказало нам неоценимую помощь в наших последующих путешествиях. Разница между птицами, обитающими в Архангельске, и птицами на севере Норвегии была настолько поразительной, что мы, как и многие наши друзья-орнитологи, были убеждены, что еще десять градусов к востоку приведут нас к месту размножения многих еще неизвестных видов из Северной Европы» [10, p. 3].

На основе имеющейся информации британскими орнитологами было принято решение провести отправиться в 1875 году в путешествие по Печорской долине по следующему маршруту: Санкт-Петербург — Москва — Вологда — Архангельск — реки Пинега и Кулой — река и город Мезень — река Пижма — село Усть-Цильма — река Цильма — Хабариха — Пустозерск — Алексеевка — Куя — Болванская Губа — Алексеевка — Копенгаген. В современных административных границах экспедиция охватывала Вологодскую область, Архангельскую область, Республику Коми, Ненецкий автономный округ.

Сибом высоко оценил результаты экспедиции в Печорскую долину. Участники были рады, что сбылись самые высокие ожидания. Из шести видов птиц, мигрирующих в Британию, были обнаружены места размножения трех видов. Экспедиция Сибома привезла домой идентифицированные яйца золотистой ржанки (*grey plover* у Сибома), малого лебедя (тундровый лебедь, лебедь Бьюика, *Bewick's swan*), кулика-воробья (*little stint*). Яйца других двух видов — песчанки (*sanderling*) и исландского песочника (*knot*) были обнаружены Британской арктической экспедицией 1875–1876 гг., которую возглавлял Джордж Стронг Нэрс.

По итогам экспедиции в список европейских птиц были добавлены несколько видов, которые, как считал Сибом, никогда ранее не встречались на глаза исследователям в Европе. Среди них были: сибирская теньковка (*Siberian chiffchaff*), сибирский конек (*Siberia pipit*), сибирская чайка (*Siberian herring-gull*), арктические вариации болотной гаички (*marsh tit*), малый пестрый дятел (*lesser spotted woodpecker*), желтая трясогузка (*yellow-headed wagtail*), азиатский черноголовый чекан (*Asiatic stonechat*). Помимо многочисленных наблюдений

за повадками малоизвестных птиц, ученые привезли домой подробные записи о датах прибытия перелетных птиц, которые размножаются в этих северных широтах. Список шкурок привезенных домой превысил тысячу штук, а яиц — более шестисот [10, р. 260].

Исследование Сибома предполагало, что количество видов птиц, наблюдаемых в арктическом регионе, было относительно небольшим из-за суровых условий окружающей среды. Замерзший ландшафт и ограниченная доступность пищи в течение большей части года приводят к нехватке птиц. Немногие оставшиеся птицы за Полярным кругом мигрируют из тундры в сосновые леса или ищут убежище в глубоких долинах, чтобы найти пищу и выжить. В Арктике происходит резкий переход от лета к зиме с внезапным увеличением популяции птиц. Хотя гнездящиеся виды за Полярным кругом немногочисленны, их численность могла быть не такой уж и малой из-за обильных запасов пищи, обеспечиваемых природой. Некоторые виды птиц, питающиеся семенами или фруктами, находили обильные источники питания в виде клюквы и брусники, которые доступны после таяния снега. Из 110 зафиксированных Сибомом видов примерно треть — циркумполярные птицы, обитающие как в восточном, так и в западном полушариях, причем среди них более половины — это водоплавающие птицы. Сибом предупреждал читателя, что его выводы носят предварительный характер и необходим дальнейший сбор данных, прежде чем делать окончательные выводы. Он рассчитывал, что другие орнитологи продолжат эти исследования на основе собранных им материалов [10, р. 303].

В 1877 году Сибом присоединился к енисейской экспедиции английского мореплавателя Джозефа Уиггинса (1832–1905) с целью продолжить орнитологическое исследование на нижнем течении реки Енисей [9, с. 26]. Он надеялся получить такие же плодотворные результаты в ходе экспедиции, как и в первый раз. Экспедиционный маршрут был достаточно обширным и включал в себя следующие пункты: Санкт-Петербург — Москва — Нижний Новгород — Казань — Пермь — Кунгур — Екатеринбург — Тюмень — Омск — Томск — Красноярск — Енисейск — Туруханск — Енисей — река Дудинка — Курейка — Енисейск — Красноярск — Томск — Тюмень — Тобольск — Тюмень — Екатеринбург — Кунгур — Пермь — Казань — Волга — Нижний Новгород — Москва — Санкт-Петербург. На этом весьма протяженном маршруте, Сибом наблюдал много новых птиц, которые также пополнили его коллекцию: трясогузка, черный коршун, красногрудый гусь и т.д. Однако ряд факторов и непредвиденные обстоятельства в виде двух кораблекрушений не привели к тому успеху, которого он планировал достичь изначально. Как отмечал сам ученый, его главная ошибка состояла в том, что он перезимовал слишком далеко на севере и не дождался перелетных птиц в Енисее, вследствие этого ему не удалось собрать достаточно материала [9, с. 289]. Также Сибом отмечает, что неблагоприятные погодные условия не располагали для проведения орнитологических исследований. В осеннее время многие птицы покидают окрестности, замолкают и прячутся в подлеске, поэтому встретить их практически невозможно. Если бы не сложившиеся обстоятельства, то ценность его орнитологических находок и наблюдений могла бы быть значительно больше. В целом, Сибом оценивал научные итоги поездки удовлетворительно [9, с. 288].

Поездка Сибома в Сибирь была важна для англоязычного сообщества орнитологов. О поездке британца в Енисейскую губернию сообщалось в рецензии журнала «Американский натуралист» в 1884 году. Его путешествие по Уралу и Сибири было оценено как весомый вклад в изучение сибирского края: «работа будет иметь ценность благодаря содержащемуся в ней вкладу не только в орнитологию, но и благодаря описанию тундры, таяния льда на сибирских реках и других особенностей сибирской природы и пейзажей» [7, р. 1018]. Также отмечается его работа не только как талантливого исследователя, но как рассказчика, который принес читателям связанную и увлекательную историю о Сибири. Сибом описал не только невероятный мир птиц в регионе. Наблюдения ученого подчеркнули масштаб-

ность и грандиозность сибирских пейзажей. Он восхищался обширными таежными лесами. В частности река Енисей произвела на него глубокое впечатление своими размерами.

Научные исследования Сибома в России существенно обогатили орнитологию. Он предложил новаторскую систематическую классификацию птиц и провел детальное исследование их миграции. Ему принадлежат работы, содержащие ценную таксономическую информацию для ученых в данной области. Экспедиция Уиггинса и Сибома в район Енисея в 1877 г., вдохновила предприимчивого и состоятельного британского предпринимателя Александра Хью Лейборна-Пофэма спонсировать новую экспедицию по руслу сибирской реки в 1893 г. В 1915 г. британский орнитолог Мауд Хавиланд отмечал, что последующие орнитологические экспедиции оказались более успешными, столкнувшись с меньшим количеством трудностей [6, с. 20].

ВЫВОДЫ. Экспедиции Сибома в Печорскую долину и на реку Енисей не прошли незамеченными в научных кругах Великобритании и США. Помимо двух книг Сибома, где подробно описывались результаты его поездки, вкуче с описанием мест, в которых он побывал, в научных журналах публиковались рецензии на труды Сибома о России, а также статьи Сибома, в которых он рассказывал о своих впечатлениях. Помимо исследования мест гнездования птиц, автор много внимания уделяет этнографическим описаниям. В работе «Сибирь в Европе» дается описание Архангельска и его современного состояния, рассказывается о внешнем виде небольших населенных пунктов таких, как Мезень, Усть-Цильма, Хабариха, Алексеевка. В книге рассказывается о пребывании ученого в первом русском городе за полярным кругом Пустозерске, который в XX веке был оставлен жителями. Исторический интерес также представляет описание Сибомом коренного населения — самоедов, под которыми имелись в виду коми и ненцы. Вторая книга «Сибирь в Азии» заслужила одобрение за подробное описание ледохода на Енисее весной 1878 г., а также за уникальное описание природы вдоль реки.

Как отмечал сам Сибом, одной из самых привлекательных сторон изучения орнитологии является масштаб работы, который еще только предстоит освоить. Он считал, что удовлетворение, получаемое от исследовательской деятельности, в значительной степени зависит от ее результатов: «Я надеюсь, что, когда читатель отложит мою книгу, он согласится со мной в том, что в мире мало стран более богатых интересными объектами, чем Сибирь в Азии» [9, р. 298].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баккал С.Н. Генрих Фильд, Генри Элвис, Генри Дрессер и другие коллекторы птиц Гималайского региона: отражение в коллекциях Зоологического музея Императорской Академии наук // Русский орнитологический журнал. 2020. № 1960. С. 3649–3685.
2. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 3. Оп. 5. Д. 7212.
3. ГАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 13383.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 14044.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 14487.
6. Кочкина Е.И, Вдовин А.С. «...Под пылающим северным сиянием»: иностранные исследователи енисейского севера в конце XIX — начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 24 (3) С. 18–22.
7. Review: Seebohm's Siberia in Asia // The American Naturalist. 1884. Vol. 18. No. 10. P. 1017–1021.
8. Saunders H. Obituary Henry Seebohm, F. L. S., F. Z. S. // The Geographical Journal. 1896. Vol. 7. No. 1. P. 103–104.
9. Seebohm H. Siberia in Asia: a visit to the valley of the Yenesej. London: J. Murray, 1882. 360 p.
10. Seebohm H. Siberia in Europe: a visit to the valley of the Petchora, in north-east Russia; with descriptions of the natural history, migration of birds, etc. London: J. Murray, 1880. 356 p.

11. Wollaston, A.F.R. *Life of Alfred Newton: late Professor of Comparative Anatomy, Cambridge University 1866–1907*. London: J. Murray, 1921. 332 p.

REFERENCES

1. Bakkal S.N. *Genrikh Fil'd, Genri Ehlvis, Genri Dresser i drugie kollektory ptits Gimalaiskogo regiona: otrazhenie v kollektsiyakh Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoi Akademii nauk* [Heinrich Wild, Heinrich Elvis, Henry Dresser and other collectors of birds of the Himalayan region: reflected in the collections of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences] // *Russkii ornitologicheskii zhurnal*. 2020. № 1960. S. 3670. (In Russian).
2. GAOO. F.3. Op .5. D. 7212. (In Russian).
3. GAOO. F.3. Op. 5. D. 13383. (In Russian).
4. GAOO. F.3. Op. 9. D. 14044. (In Russian).
5. GAOO. F.3. Op .9. D. 14487. (In Russian).
6. Kochkina E.I, Vdovin A.S. «...Pod pylayushchim severnym siyaniem»: *inostrannye issledovateli eniseiskogo severa v kontse XIX — nachale XX vv* [...«Beneath the flaming northern lights»: foreign researchers of the Yenisei North in the late XIX — early XX centuries] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2017. № 24 (3) S. 20. (In Russian).
7. *Review: Seebohm's Siberia in Asia* // *The American Naturalist*. 1884. Vol. 18. No. 10. P. 1018. (In English).
8. Saunders H. *Obituary Henry Seebohm, F. L. S., F. Z. S.* // *The Geographical Journal*. 1896. Vol. 7. No. 1. P. 103. (In English).
9. Seebohm H. *Siberia in Asia: a visit to the valley of the Yenesay*. London: J. Murray, 1882. 304 p. (In English).
10. Seebohm H. *Siberia in Europe: a visit to the valley of the Petchora, in north-east Russia; with descriptions of the natural history, migration of birds, etc.* London: J. Murray, 1880. 311 p. (In English).
11. Wollaston, A.F.R. *Life of Alfred Newton: late Professor of Comparative Anatomy, Cambridge University 1866–1907*. London: J. Murray, 1921. 332 p. (In English).

ЖИВОТНЫЕ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ANIMALS IN THE LIFE OF SOCIETY: HISTORICAL ASPECT

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.012

УДК 316.3:94(470/571)"18/19"

ББК 63.3(2)53-458

А.А. ЛОКТЕВА **ЛОШАДИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
РОССИЙСКОГО СТОЛИЧНОГО ГОРОДА
XIX – НАЧ. XX ВВ.**

A.A. LOKTEVA **HORSES IN THE EVERYDAY LIFE OF THE RUSSIAN
CAPITAL CITY OF THE XIXTH – BEGINNING XX TH**

Современному горожанину, чтобы попасть из А в пункт Б, не нужно использовать несколько живых существ, значительно превосходящих его по размеру, — лошадей. Однако для российского столичного города XIX — нач. XX вв. эти копытные являлись привычными обитателями. Целью данной статьи является демонстрация того, что Москва и Санкт-Петербург являлись городами зооантропными, то есть местом пересечения судеб людей и животных, так же внесших свой вклад в историю. Главным животным в урбанизирующемся городе были лошади, они представляли собой общественный транспорт, частный престижный транспорт, возили пожарных, полицию и актеров театров, а также сопровождали горожан в любых ситуациях: от вызова повитухи к роженице до доставки гроба на кладбище.

The modern citizen does not need to use several living creatures significantly larger than him in size — horses to get from A to point B. However, for the Russian capital city of the XIX century. XX centuries. these ungulates were habitual inhabitants. The purpose of this article is to demonstrate that Moscow and St. Petersburg was a zooanthropic city, that is, a place where the destinies of people and animals intersect, which also contributed to history. The main animals in the urbanizing city were horses, they represented public transport, private prestigious transport, carried firefighters, police and theater actors, and also accompanied citizens in any situation: from calling a midwife to a woman in labor to delivering a coffin to a cemetery.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зооантропология; столичные города; лошади; законодательство о животных; экологическая история.

KEY WORDS: anthrozoology; capital cities; horses; animal legislation; environmental history.

ВВЕДЕНИЕ. Традиционно исследования в области экологической истории, посвященные городам, сосредоточены на общих аспектах их экологического состояния и санитарии.

Урбанизация в России в «длинном XIX веке» вызвала изменения в способах взаимодействия человека с природой, включая животных. Эти изменения, в свою очередь, оказали влияние на экологию и жизнь городских обществ. На данный момент в западной исторической науке появился ряд исследований, которые углубленно рассматривают вопрос о взаимоотношениях животных и человека в урбанизованных средах. В то же время отечественные исследователи в значительной степени рассматривают город как место обитания только

людей, но не других организмов. Это объясняется, в частности, фокусировкой на проблемах промышленного развития и его отрицательном воздействии на окружающую среду.

В столичных городах России в период «длинного XIX века» индустриализация и механизация процессов отнюдь не приводили к уменьшению числа «нечеловеческих» их обитателей, без животных людям было бы невозможно питаться. Кроме того, их тела становились ресурсами мускульной энергии, в этом контексте особое значение для продолжавшейся урбанизации имели лошади, перевозившие грузы и выполнявшие множество работ в городской среде.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является демонстрация того, что Москва и Санкт-Петербург являлись городами зоантропными, то есть местами пересечения судеб людей и животных, также внесших свой вклад в историю.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. К началу XX века в России проживала самая большая популяция лошадей в мире — 21 миллион особей, при этом импорт лошадей значительно превышал экспорт. Их присутствие формировало городское пространство своей активной деятельностью, оказывая визуальное, аудиальное и запаховое воздействие.

К 1840 г. население Москвы составляло 350 000 человек, и в городе насчитывалось 12 000 домов [4, с. 1]. Его улицы представляли собой ряды отдельных домов-усадеб, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Эта структура городских кварталов создавала «усадебный» характер поселения горожан, где каждая усадьба имела свои службы и была отделена от соседей. Несмотря на эту особенность, как отмечается, как старая, так и новая столицы были высоко урбанизированными на тот период. Невозможно представить, чтобы в таком городе одна убежавшая корова могла кого-либо заинтересовать, кроме ее хозяев. Для сравнения, будущая российская императрица Александра Федоровна писала своему жениху цесаревичу Николаю 18 августа 1894 года о том, что в их княжестве Гессен-Дармштадт «волнение», вызванное бегством коровы от ее владельцев: «Тот, кто ее поймает, получит 100 марок в награду, но она так напугана, что как только к ней кто-нибудь приближается, она бросается прочь» [14]. То есть дочь правителя региона интересовалась ситуацией с одной-единственной коровой. Город же стирает индивидуальные черты, поэтому в суете столиц человек обращает меньше внимания на других живых существ рядом с ним. В городской суете внимание человека к окружающим его живым существам было снижено, так как там сглаживается все, что можно отнести к индивидуальному или частному.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Одно животное может быть интересно жителям столицы разве что в случае экзотичности его (например, посмотреть на слонов, которых нередко вели по улице при въезде в город персидского посла, сбегался весь город, терпеливо ожидая невиданного зрелища часами) или экзотичности ситуации. Когда в 1812 г. французы подходили к Москве, прямо в дни Бородинского сражения генерал-губернатору «пришли доложить о большом столплении людей около одной очень высокой колокольни, находившейся на краю города, и что повиснувший на кресте оной сокол привлекает внимание всего народа». На площади В.Ф. Ростопчин застаёт «сборище человек в 1000, глазевшее на несчастного сокола, который, имея путы на ногах, как все соколы, которых дрессируют для охоты, опустился на крест и не мог от него отцепиться». «Какой-то прохожий его заметил, обратил на него внимание других, — и вот тысяча зевак остановилась тут, чтобы насладиться зрелищем, которое, по объяснению самых ученых между ними, предрекало торжество над неприятелем; потому что, — говорили они, — сокол преобразует Наполеона, погибающего на кресте» [13, с. 10], — иронизирует над непросвещенностью народа генерал-губернатор, досадуя, что подобные сцены отвлекают его от организации эвакуации населения от французов.

В начале XIX века в столице было нормой иметь количество лошадей, соответствующее числу прислуги у дворянского дома. Однако условия содержания как самих лошадей, так

и прислуги оставались плохими. Некоторые дворяне, не имея большого дохода, все равно содержали около 20 лошадей, недостаточно обеспечивая их питанием и уходом [13, с. 36]. Лошади использовались для перевозки хозяев, детей, гостей и прислуги. «Если мать не дает нам своего экипажа, надо плестись больше часа на «ваньке», то есть либо мерзнуть в холодную московскую зиму, либо трястись на бренчащих дрожках по бульжной мостовой» [6], вспоминает свои типичные маршруты в Москве гимназист рубежа XIX — нач. XX вв.

В городах лошади были отнюдь не незаметным, просто транспортом, — их присутствие буквально формировало урбанистическую среду. Вспоминая свое детство, Д.С. Лихачев писал: «Звуки Петербурга! Конечно, в первую очередь вспоминаешь цоканье копыт по бульжной мостовой. Ведь и Пушкин писал о громе Медного всадника «по потрясенной мостовой». Но цоканье извозничьих лошадей было кокетливо-нежным. Этому цоканью мастерски умели подражать мальчишки, играя в лошадки и щелкая языком. Игра в лошадки была любимой игрой детей» [12]. Ученый особо подчеркивает именно физическое воздействие лошадей на атмосферу города, когда «десятки тысяч лошадей, обдававших прохожих своим теплом, как это ни странно, делали воздух города менее «официальным» [12]. В Москве лошади были еще более необходимы, улицы старой столицы представляли собой череду отдельных домов-усадеб [4, с.6]. Эта организация городского пространства предоставляла жилые постройки с отдельными дворами, где находились различные службы. В результате каждый из этих отдельно стоящих домов-усадеб даже в городе нуждался в определенном наборе животных для обеспечения своего функционирования: лошади, молочная корова, куры, утки, дворные собаки, кошки для контроля за грызунами.

Важно подчеркнуть, что городские лошади рождались и умирали не в городе, находясь там, пока были способны трудиться. Это же касалось и других животных, которых привозили для продажи уже на этапе, наиболее эффективном для использования их городскими жителями. Однако лошади не только перемещались по городу в течение дня, они проживали внутри его границ, ели, пили, спали, болели и лечились. Соответственно, люди должны были обеспечивать этих огромных и достаточно хрупких животных всем необходимым. Например, в городе нет возможности выгонять скот на пастбище, это значит, что круглый год необходим корм. Для лошадей это было сено, а значит, формируется рынок сена для городов. Город постоянно нуждался в больших объемах этого, на первый взгляд, простого товара, а его дефицит (например, в Первую мировую войну) приводил к транспортным проблемам [3, с. 710]. В Москву и Санкт-Петербург сено доставлялось из Тверской, Новгородской, Петроградской и Рязанской губерний. Кузнецы, подковывающие лошадей, трудились круглый год, а особенно важной их работа была зимой, так как во избежание травмирования животных и несчастных случаев на дорогах, зимние подковы снабжались специальными винтовыми шипами [3, с. 757].

Конный транспорт столичного города

Интенсивность движения на крупных улицах была действительно высокой, это заставило власти разработать строгие нормы движения, регулирующие передвижение различных экипажей. Эти нормы включали ограничения скорости до «умеренной рыси», запрет на обгон, а также требование двигаться по правой стороне улицы. Извозчикам и кучерам приходилось уступать дорогу крестным ходам, похоронным процессиям, пожарным колоннам и полиции. Ломовикам было запрещено ездить по определенным улицам, в Москве это были: Тверская, Кузнецкий мост, Сретенка, Петровка. Движение через Кремль было запрещено совсем.

В итоге в центре бывала постоянная толчея, не только на тротуарах, но и на дорогах. «Летом здесь царит неопикуемый грохот окованных железом колес по бульжной мостовой, путаница телег и экипажей, здесь из-за никак не регулируемого движения постоянно происходили столкновения, и раздавалась неимоверная ругань; бесконечные вереницы

«ломовиков» — грузовых телег, запряженных огромными битюгами, сопровождаемых дико орущими скифами, простые извозчицы пролетки с мохнатыми лошаденками, крестьянские телеги, легкие элегантные господские экипажи», — вспоминает М. В. Сабашникова.

Однако, несмотря на ограничения, российским столицам далеко было до соблюдения европейских стандартов. В начале 1880-х годов В. Духовская восхищалась порядком организации движения экипажей в Лондоне, где они двигались по левой стороне улиц, и водители использовали жесты и сигналы, вместо криков, как это часто бывало в России. Из-за многочисленных экипажей, движущихся в столичных городах в разные направления, начали появляться дорожки для пешеходов, вначале в виде деревянных настилов в 1800-е годы, а затем тротуары. Однако скоро стало очевидным, что простое поднятие тротуаров над уровнем проезжей части было недостаточным. К середине столетия начали появляться бордюры для защиты пешеходов от возможных наездов.

К началу 1840 года количество извозчиков в городах значительно увеличилось, и они стали повсеместно присутствовать на улицах города, так что обыватель мог наблюдать их «повсюду, где только обращал свой взор». Биржи, то есть стоянки для извозчиков, находились на крупных перекрестках и площадях. Головы всех лошадей должны были быть направлены в сторону улицы, чтобы предотвратить случайное движение с места [8, 1886. Вып. II. Отд. IV. С. 30]. Санкт-Петербург, будучи столицей, еще больше страдал от толчеи на улицах, градоначальник даже вынужден был выпустить приказ, который устанавливал, что экипажи, в которые только что сели или собираются выйти пассажиры, могли становиться во второй ряд относительно тротуара. Ожидание же клиента было разрешено только в один ряд вдоль тротуара.

Экипажи делились на три категории: легковые для перевозки пассажиров, ломовые для перевозки грузов, и многоместные парные экипажи, такие как линейки, омнибусы и сани. Обычно извозчики управляли одноместными пролетками, а если клиент хотел ехать на двойке или четверке, ему следовало обратиться на постоянный извозчицкий двор. Также были извозчики, известные своими «богатыми конями» и изящными экипажами, которых нанимали, например, для свадебных торжеств. Аренда кареты, запряженной четверкой лошадей, обходилась в 15 рублей ассигнациями за сутки.

В городах имелось необходимое количество водопойных колодцев для лошадей, но они были платными. Ведро воды стоило $\frac{1}{2}$ копейки, хотя такой монеты не существовало. Извозчики брали с клиентов 1 копейку, что редко позволяло им поить лошадей. Колоды для кормления лошадей находились внутри извозчицких дворов. В 1896 году градоначальник приказал приставам проверить соответствие нормам этих колод и обсудить возможность выдачи владельцам новых свидетельств на их содержание, оказалось, что ни одна из них не соответствует санитарным нормам [8, С. 180].

По закону владельцы извозчичьего промысла обязаны были следить за здоровьем лошадей и не допускать их изнурения. Внимание к здоровью лошадей обычно не обращалось, если их внешний вид не вызывал нареканий у людей. Тем не менее, существовало понимание, что больные или истощенные лошади будут менее эффективными в работе. Таким образом, лишь экономические интересы стимулировали извозчиков следить за своими животными, несмотря на отсутствие строгих норм и требований по уходу за лошадьми.

Лошади и война

Все частные лошади подлежали мобилизации в случае необходимости. В столичных городах существовало несколько десятков военно-конских участков, регулируемых «Положением о комплектовании войск лошадьми», что предусматривало мобилизацию гражданских лошадей в случае войны [8, с. 26]. Исключений не существовало. Так, в 1916 г. сенатор Пален был лишен звания гофмейстера за сокращение лошадей. В соответствии с утвержденным

в 1876 г. положением, жеребцы-производители частных конных заводов были освобождены от мобилизации и получали специальные свидетельства [3, с. 616].

Другой многочисленной категорией лошадей были лошади гвардии. В Санкт-Петербурге их было больше, так как часть гвардейских полков находилась непосредственно под командованием членов царской семьи. Но до начала широкого применения двигателей внутреннего сгорания вся транспортная деятельность армии обеспечивалась исключительно лошадьми, так что в любом городе находилось несколько тысяч лошадей, которые не использовались в транспортных целях, но фактически в нем проживали.

Кавалергардские и конногвардейские полки имели свои казармы в центре Санкт-Петербурга, где большую часть времени проводили тренировки в закрытом манеже. Отсутствие тренировок отрицательно сказывалось на качестве подготовки дивизий. Казармы для кавалергардов занимали значительное пространство между тремя улицами, еженочно дежурному офицеру требовалось не менее двух часов на обход всей территории. Названия улиц в городе, такие как Конногвардейский бульвар и Конногвардейский переулок, связаны с этой категорией лошадей. На момент восшествия Николая II на престол в Санкт-Петербурге базировались две дивизии конной гвардии: «тяжелая» дивизия и «легкая» дивизия. Лошади в каждом полку подбирались по окрасам и стоили очень дорого [1, с. 209].

Прочие виды лошадей в городах

Для удовлетворения большинства бытовых потребностей необходимо было обеспечить доступ к воде. Воду по городу развозили в бочках, в которые были запряжены рабочие лошади, бочками же вывозили и нечистоты. Кроме того, на извозчиках обеспеченные горожане ездили мыться в баню, так как ванн комнат в большинстве домов не было.

Грузовые лошади работали также повсюду, но они гораздо меньше упоминаются в источниках. Если взглянуть на картину Б.М. Кустодиева «Фонтанка у Калинкина моста», то можно заметить, какой была их пропорция. На небольшом полотне в левой части видны дети, играющие в сквере, рядом дворник поливает мостовую из шланга. На набережной реки Фонтанки идет разгрузка барж, и вся видимая часть берега занята этими судами, где грузятся ящики. В правой части картины лошадь тащит телегу, перегруженную желтыми ящиками. За нею следуют другие телеги, уже пустые, очевидно, разгруженные. Всего на картине изображено пять лошадей: четыре из них используются для грузоперевозок, а одна — легковая, идет им навстречу, пассажира в экипаже нет.

Лошади использовались также не только для бытовых нужд, без них не обходились и развлечения. Не только чтобы добраться на бал или в театр, также и сам процесс езды в экипаже был важным видом городского досуга. Это могли быть медленное или быстрое катание. Медленным форматом было гуляние, которое становилось настоящим парадом частновладельческих лошадей. Зимние катание на санях легко собирали до 100 человек приглашенных, которые размещались в 30 санях [5, с. 54]. В Москве традиционным местом для катания в колесных экипажах было село Новинское (нынешний участок Садового кольца Новинский бульвар). Роскошные запряжки ехали в два ряда, сплошным потоком, поднимаясь от Никитской улицы по Поварской, делая разворот и возвращаясь через Арбат к Арбатским воротам. Были и более дальние маршруты, например, для первомайского гулянья, которое проходило в рощах. В 1820 г. чиновник А. Булгаков насчитал 1 мая 5 600 карет, «а всех экипажей более 8 000», отметив, что при таком их количестве «все было, однако же, порядочно» [2, с. 348; с. 355].

Прогулки верхом на лошади была популярным видом досуга у всего высшего общества. Это был один из немногих видов спорта и отдыха, которым могли активно заниматься женщины. Можно было тренироваться в манежах, которые находились в богатых усадьбах, например, большинство дворцов великих князей в Санкт-Петербурге имели собственные

манежи. В московском доме богачей Апраксиных был манеж. В 1818 г. он вместил прием на 800 человек [15, с. 169]. В Москве множество дам присоединялось к занятиям дочери графа А.Г. Орлова-Чесменского Анны, которая была великолепной наездницей [10, с. 268]. В. Духовская зимой 1888 г., предварительно заказав амазонку «у лучшего портного», начала заниматься в Александровском манеже на «старом манежном коне Верном», а потом муж купил ей у вел. кн. Николая Николаевича вороного Матроса, который «идеально выезжен и превосходно меняет ногу на галопе» [7, с. 311].

Успехи, достигнутые под руководством берейтеров, демонстрировали на бульварах и в парках, дамы щеголяли специально пошитыми амазонками, а господа — шикарными лошадьми. Младшая сестра С.А. Толстой Т.А. Кузминская вспоминает свое увлечение молодым повесой Анатодем, описанное Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»: «Когда мне подавали оседланную лошадь, я знала, что именно его сильная рука подсадит меня на седло» [11]. Позднее она часто каталась со своим несостоявшимся женихом — братом писателя. «Тише, тише, осторожнее,— кричал Сергей Николаевич, догоняя меня на своем золотистом Карабахе. Он догнал меня, пригнулся к шее моей Белогубки и, схватив поводья, остановил ее. — Ну какая же вы неосторожная» [11]. Верховая езда воспринималась так же и как тренировка, историк Н.М. Карамзин ездил верхом каждое утро [10, с. 11].

ВЫВОДЫ. Таким образом, множество лошадей, которые в XIX — нач. XX вв. находились на улицах Москвы и Санкт-Петербурга, можно классифицировать по нескольким категориям: скаковые лошади, рысистые, военные, извозчичьи (легковые и грузовые), а также лошади казенные (тюремные, пожарные, жандармские, театральные, курьерские и другие) и частные. Все эти категории, за исключением лошадей, принадлежащих высшим слоям общества, проживали в плохих бытовых условиях, подвергались жестокому обращению и редко получали медицинскую помощь.

Собственные запряжки служили основной потребностью и средством четкой демонстрации социального статуса не только у дворян, которые после отмены крепостного права вынуждены были значительно сократить их число, но и у купцов, и даже мещан. Эти лошади, вместе с остальными, обитали прямо в городе, во дворах своих владельцев. Верховые лошади, предназначенные для прогулок, оставались привилегией высшего общества, так же, как и те, что использовались для катаний. Верховая езда представляла собой один из немногих видов спорта и отдыха, который активно практиковали женщины. Переход от ослика или пони к «настоящей» лошади маркировал для ребенка переход в мир взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунова А.И. Сабли остры, кони быстры...: (Из истории русской кавалерии). М.: Мол. гвардия, 1992. 253 с.
2. Братья Булгаковы: письма в 3 т. / А. Булгаков, К. Булгаков; вст. ст. П.А. Вяземского, пер. с фр. О. Вайнер. М.: Захаров, 2010. Т. 1. 752 с.
3. Ветеринарный врач: журн. 1916. №№ 44; 47.
4. Вистенгоф П.Ф. Очерки Московской жизни / П.Ф. Вистенгоф. Из моих воспоминаний; А.Н. Карамзин / П.Ф. Вистенгоф. М.: Тончу, 2007. 276 с.
5. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1914.
6. Давыдов А.В. Воспоминания, 1881–1955. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/davidov-aleksandr/vospominaniya> (дата обращения 20.11.2023).
7. Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний / В.Ф. Духовская. М.: Захаров, 2019. 570 с.
8. Известия Московской городской думы.
9. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837–1887. Часть IV. Сельское хозяйство. Коннозаводство. СПб: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888.

10. Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства / [Введение: Ф.А. Свечин]. М.: типо-лит. В.В. Чичерина, 1887. 941 с.
11. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv (дата обращения 20.11.2023).
12. Лихачев Д.С. Воспоминания. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=153556&p=9> (дата обращения 20.11.2023).
13. Москва в 1812 году: письма, дневники, записки, воспоминания современников: [хрестоматия] / Гл. арх. упр. г. Москвы; [сост.: В.М. Хлесткин]. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. 558 с.
14. Переписка Николая и Александры. URL: <https://www.pravmir.ru/perepiska-nikolaya-i-aleksandryi/> (дата обращения 20.11.2023).
15. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М.: URSS, 2014. 471 с.

REFERENCES

1. Begunova A.I. *Sabli ostry, koni bystry...: (Iz istorii russkoj kavalerii)* [Sabers are sharp, horses are fast...: (From the history of the Russian cavalry)]: М.: Мол. гвардия, 1992. 253 с. (In Russian).
2. *Brat'ya Bulgakovy: pis'ma v 3 t.* [The Bulgakov Brothers: letters in 3 vols]: A. Bulgakov, K. Bulgakov; vst. st. P.A. Vyazemskogo, per. s fr. O. Vajner. М.: Zaharov, 2010. T.1. 2010. 752 с. (In Russian).
3. *Veterinarnyj vrach* [Veterinarian: journal]: 1916. No.44; 47. zhurn. 1916. №№ 44; 47. (In Russian).
4. Vistengof P.F. *Ocherki Moskovskoj zhizni* [Essays on Moscow life] / P.F. Vistengof. Iz moih vospominanij; A.N. Karamzin / P.F. Vistengof. М.: Tonchu, 2007. 276 с. (In Russian).
5. Gershenson M.O. *Griboedovskaya Moskva* [Griboyedov's Moscow]: М.: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovyh, 1914. (In Russian).
6. Davydov A.V. *Vospominaniya, 1881-1955* [Memoires, 1881-1955]. A.V. Davydov. Parizh: Al'batros, 1982. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/davidov-aleksandr/vospominaniya> (data obrashcheniya 20.11.2023). (In Russian).
7. Duhovskaya V.F. *Iz moih vospominanij* [From my memories] / V.F. Duhovskaya. М.: Zaharov, 2019. 570 с. (In Russian).
8. *Izvestiya Moskovskoj gorodskoj dumy* [News of the Moscow City Duma]. (In Russian).
9. *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv 1837-1887. CHast' IV. Sel'skoe hozyajstvo. Konnozavodstvo* [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property 1837-1887. Part IV. Agricultural industry. Horse breeding]: SPb: Parovaya skoropchatnaya YAblokskij i Perott, 1888. (In Russian).
10. Koptev V.I. *Materialy dlya istorii russkogo konnozavodstva* [Materials for the history of Russian horse breeding]: М.: типо-лит. В.В. Чичерина, 1887. 941 с. (In Russian).
11. Kuzminskaya T.A. *Moya zhizn' doma i v Yasnoj Polyane* [My life at home and in Yasnaya Polyana]. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv (data obrashcheniya 20.11.2023). (In Russian).
12. Lihachev D.S. *Vospominaniya* [Memories]. М.: Vagrius, 2007. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=153556&p=9> (data obrashcheniya 20.11.2023). (In Russian).
13. *Moskva v 1812 godu: pis'ma, dnevniki, zapiski, vospominaniya sovremennikov:* [hrestomatiya] [Moscow in 1812: letters, diaries, notes, memoirs of contemporaries]: Gl. arh. upr. g. Moskv; [sost.: V.M. Hlestkin]. М.: Izd-vo Glavnogo arhivnogo upravleniya goroda Moskv, 2012. 558 с. (In Russian).
14. *Perepiska Nikolaya i Aleksandry* [Correspondence between Nicholas and Alexandra]. URL: <https://www.pravmir.ru/perepiska-nikolaya-i-aleksandryi/> (data obrashcheniya 20.11.2023). (In Russian).
15. *Rasskazy babushki: iz vospominanij pyati pokolenij, zapisannye i sobrannye ee vnukom D. Blagovo* [Grandmother's stories: from the memories of five generations, recorded and collected by her grandson D. Blagovo]. М.: URSS, 2014. 471 с. (In Russian).

DOI10.26105/SSPU.2023.87.6.013

УДК 639.1:94(571.122)"1950"

ББК 63.3(2Рос-6Хан)63+47.1г(2Рос-6Хан)

А.Р. КАМИЛЯНОВ **РЕАККЛИМАТИЗАЦИЯ СОБОЛЯ
НА ТЕРРИТОРИИ
ХАНТЫ – МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
В 1950-Е ГГ.**

A.R. KAMILYANOV **REACCLIMATIZATION OF SABLE
ON THE TERRITORY OF YUGRA IN THE 1950S**

В статье анализируется реализация политики по восстановлению численности соболя на территории Ханты-Мансийского национального округа — Югры в 1950-е годы. С помощью исследования массива документов, посвященных выпуску и учету баргузинских соболей, автор приходит к выводу о задействовании значительных масштабов ресурсов страны: материальных средств; железнодорожного, авиационного и гужевого транспортов; трудовых ресурсов. Автор показывает, что значительная доля успешного выполнения задания зависела от охотоведов.

The article analyzes the implementation of a policy to restore the number of sable in the Khanty-Mansiysk National Okrug — Yugra in the 1950s. With the help of a study of an array of documents devoted to the production and accounting of Barguzin sables, the author comes to the conclusion that significant amounts of the country's resources are involved: material resources; railway, aviation and horse-drawn vehicles; labor resources. The author shows that a significant proportion of the successful completion of the task depended on the hunters.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: охотничье хозяйство, реакклиматизация, охота, пушно-меховые ресурсы, пушной промысел, соболь.

KEY WORDS: hunting economy, reacclimatization, hunting, fur resources, fur trade, sable.

ВВЕДЕНИЕ. В конце 1920-х годов в советском государстве начался осуществляться процесс модернизации. Для реализации форсированной индустриализации требовалось нарастить добычу сырьевых ресурсов страны, в том числе и пушно-мехового сырья. В связи с этим в охотоведческой среде шла активная дискуссия о путях нарастания пушно-меховых заготовок. Одним из итогов обсуждений было принятие решения о возрождении популяции находившегося на грани вымирания соболя путем его реакклиматизации. На территории выделенного в 1930 году из состава Тобольского края Остяково-Вогульского национального округа, переименованного в 1940 г. в Ханты-Мансийский национальный округ (далее по тексту — ХМНО), также оставался один из последних очагов обитания соболя. Последние экземпляры местной тобольской популяции сохранились в глухой местности в бассейне рек Конды и Малой Сосьвы [4, л. 30]. В 1929 г. был образован Северо-Уральский государственный боброво-соболиный охотничий заповедник, в дальнейшем переименованного в Кондо-Сосьвинский государственный заповедник, просуществовавший вплоть до 1951 г. [13, л. 10]. Благодаря работе заповедника, созданию при нем охотничьих хозяйств и запрету добычи соболя со второй половины 1920-х г. по 1939 г. численность соболя удалось нарастить до численности пригодного для пробного отстрела. Впоследствии, с 1939 года, в округе возобновляется его добыча [1, л. 44].

ЦЕЛЬ исследования заключается в изучении процесса реклиматизации соболя как одного из ключевых элементов развития охотничьего хозяйства ХМАО-Югры в 1950-е гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ включают анализ архивных документов, включая правительственные решения, отчеты по добыче соболя и его учету на территории Ханты-Мансийского национального округа в 1950-е годы. В основе исследования лежат такие методы исторического познания, как исторический, хронологический, сравнительный, метод системного анализа и т. д.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В связи со значительным восстановлением видового потенциала соболя в среде советских охотоведов шла дискуссия о возможностях повышения пушно-меховых характеристик соболя по стране. В марте 1940 г., по итогам работы Ханты-Мансийского окружного совещания специалистов пушного хозяйства, отмечалась положительная динамика в возрождении популяции соболя. Участники встречи предложили заготовительным организациям начать искусственное расселение зверя по всей пригодной территории округа, с отбраковкой соболей со слабыми пушно-меховыми характеристиками [17, с. 3]. «...Одним словом мы будем выпускать в природу первоклассный, исследованный материал, представляющий вполне надежное стадо...» — писал в окружной прессе, научный сотрудник Кондо — Сосьвинского заповедника В.Н. Скалон [18, с. 3].

Однако часть советских охотоведов (П.А. Мантейфель и т. д.) предлагали сконцентрировать усилия на заселении территорий более высококлассным по пушно-меховым характеристикам соболя — баргузинского скряжа, обитавшего в просторах Восточной Сибири [16, с. 11, 12]. Предполагавшиеся работы заселения территорий баргузинским соболем были прерваны в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны. Лишь с ее окончанием в 1945 г. работы были возобновлены [16, с. 12].

К 1950-м годам местный соболь на территории ХМНО сумел расселиться вдоль левого берега р. Обь. Однако правый берег р. Обь продолжал быть практически не заселенным. Поэтому именно правые притоки р. Обь: Казым, Тромъеган, Аган, Вах и т. д., — расположенные на территориях восточной части Березовского р-на, северной части Сургутского р-на и Ларьякского р-на и т. д., были выбраны как точки выпуска баргузина [6, л. 7].

Показатели экономической выгоды варьировались. Одни полагали что произойдет повышение заготовок одной шкурки от 200–300 руб. до 450–1300 руб [8, л. 15]. Другие указывали, что местный соболь дает низкую среднюю стоимость в 150 руб., а баргузинский позволит получать в среднем 700–800 руб [6, л. 7]. Выпуски происходили в 1952 г., 1954 г., 1955 г., 1956 г., 1957 г., 1958 г., и 1959 г. Первый выпуск состоялся в 1952 г. на территории Ларьякского района, в среднем течении рек Колик и Ларен Егана, левого притока р. Вах. Было выпущено всего 112 шт., из них 65 самок и 47 самцов. Соболей привезли из Бурятской АССР [14, с. 62]. Всего за период с 1952–1959 гг. было 10 выпусков, с суммарным расселением 1046 баргузинского соболя, из них — 560 самок и 486 самцов. Зверьков привозили из Бурятской АССР (Казачинско-Ленинский, Мамско-Чуйский Слюдянский районы), Иркутской области (Бодайбинский и Слюдянский районы) [14, с. 63].

В ходе данного мероприятия Тюменским областным охотничьим управлением выделялись ответственные охотоведы, которые контролировали весь процесс от предварительного обследования, перевозки с мест первоначального обитания до точки выпуска.

Во время предварительного обследования предполагаемого «нового дома» производилось оценивание количества и качества: кормовой базы, гнездовых и защитных условий, врагов и конкурентов [16, с. 12].

Для расселения баргузинов происходил их отлов и помещение в карантин, организованный сотрудниками региональных зоологических баз, подведомственных центральному союзному охотничьему ведомству [6, л. 1а]. Для сохранения высоких пушно-меховых характеристик, вылову подлежали зверьки с наиболее ценной темной окраской меха [16, л. 13].

После их отлова и ветеринарного осмотра отправлялась телеграмма в Тюменское областное охотуправление для приемки партии соболей [6, л. 17]. По приезде областного охотоведа происходила приемка — передача соболей. Во время этого присутствовали представители администрации зообазы и регионального охотуправления, также — ветеринарный врач и т.п. Происходила отбраковка и замена «вялых» соболей, способных не пережить длительное путешествие. Охотовед Г. Монахов указывал следующее: «Для приемки зообаза (прим. авт.— Иркутская зообаза) предложила 103 соболя. В процессе приемки было выявлено 9 соболей амурского кряжа /расселению не подлежит/. Пять соболей не были приняты по различным мотивам — поломаны зубы /клыки/, болезненное состояние. Следует сказать, что работники зообазы пытались оказать на меня давление, с целью вынуждения приемки всех соболей...» [11, л. 2]. После передачи происходила посадка соболей, поставка кормовой базы со стороны зооцентра в специально ими же оборудованный железнодорожный вагон: «...в середине вагона была установлена печка — времянка, окна вагона застеклены, для того чтобы клетки стояли несколько наклонно, на пол вагона набиты доски...Клетки располагались в вагоне в три ряда.» — описывал один из подобных вагонов охотовед А.А. Севастьянов [9, л. 5]. В помощь охотоведам до г. Тюмени предоставлялись сотрудники зообаз либо рабочие, нанятые со стороны.

На протяжении всего пути происходило наблюдение за зверьками, их кормление, учет падежа, очистка и ремонт клеток из-за прогрызания и т.д. Последнее обстоятельство было особенно важным, в случае отгрызания клетки был шанс на побег зверька. В связи с чем в ночное время оставался один дежурный для наблюдения за клетками и соболями. «По ночам зверьки усиленно грызли, и во время остановок поезда в вагоне стоял шум как в столярной мастерской среднего размера», — сообщал охотовед И.К. Усков [8, л. 3].

По прибытии в г. Тюмень происходила пересадка самолет. В отчетах охотоведов было указано, что в качестве летного транспорта, использовавшихся для перевозки соболей были Ан-2 и Ил-2 [5, л. 4; 11, 4]. На наш взгляд, это опечатка, скорее всего упоминался транспортный самолет Ли-2. От районного центра до пересылочной деревни дорога могла быть преодолена как на гужевом оленьем транспорте, так и на самолете. Во внутрирайонных перелетах отмечались самолеты следующих моделей: устаревший к тому времени По-2 [9, л. 5], его современный аналог Як-12 и Ан-2 [9, л. 6; 8, л. 17].

После прибытия в районный центр специалистами осуществлялась пересадка на гужевой транспорт. Также в помощь охотоведам местными властями и колхозами выделялись сопровождающие. Порой необходимо было пройти сотни километров по малопроторенным таежным дорогам. Клетки с соболями загружались на зимние сани, которые были прикреплены к оленьему транспорту. Выпуск происходил в основном в марте, когда снег начинал таять. Олени часто проваливались в мягкий снег, что замедляло движение всей колонны и порой приводило к их быстрому истощению. «Переезд на оленях был трудным как людям, так и зверям. Дни мы проводили в дороге, и на отдых становились только на ночь...приступили к приготовлению корма для соболей назавтра...за этим делом мы нередко засиживались до 2-3 часов ночи. А отдохнуть полноценно в остаток ночи мешали морозы, так как ночью в нашей палатке было также холодно, как и наружи», — вспоминал охотовед И.К. Усков [10, л. 7].

Самая трудная ситуация произошла с партией охотоведа Г. Монахова, который вместе с группой из 5 сопровождавших транспортировал соболей на себе. В каждую клетку посадили по два соболя. Для предотвращения схваток и ранений зверьков, между соболями ставили фанерные перегородки. «Температура ночи по ночам опускалась до -30°C -35°C ... Даже физически крепкие ханты после 2-х 9-10 км. рейсов, с двумя клетками за плечами, к вечеру буквально падали от усталости около костра на таборе» [11, л. 4]. Несмотря на эти трудности, в течение 2-х дней 87 баргузинских соболей были выпущены в обозначенных местах.

Учитывая общую важность капиталовложений в данное мероприятие, охотоведы следили за тем, чтобы все соболи добрались до пункта назначения, однако небольшие доли баргузинов погибали либо сбегали. В случае падежа ответственным охотоведом составлялся акт, в котором указывались обстоятельства, количество погибших либо сбежавших зверьков, в котором, помимо самого начальника партии, подпись должны были ставить лица, способные подтвердить данное обстоятельство. На земле требовалось заверить акт подписями представителей: местной администрации, заготовительной конторы, колхоза и т.д. [8, л. 27]. Если же несчастье происходило в воздухе, изложенное в документе подтверждали представители аэропорта [8, л. 17].

Выпуск каждого зверька происходил на расстоянии от предыдущего в среднем от нескольких сотен метров до более чем одного км. Клетки оставляли в укрытых местах, под деревьями. На первое время, для увеличения шансов на выживание, им оставляли небольшой запас корма. В период выпуска также происходило наблюдение и описание поведения зверьков. В дальнейшем из числа местного населения назначалось доверенное лицо, осуществлявшее подкормку и учет численности выпущенного соболя [9, л. 11, 12].

Для учета выпущенных зверей использовался метод маршрутного учета, созданный советскими учеными в 1920–1930-х годах и дорабатывавшийся в 1940–1950-х годах [15, с. 10]. Этот метод включал закладку нескольких пробных маршрутов — кругов или квадратов размером от одного до десяти километров, образующих пробную площадь в десятки километров. Места закладки выбирались на основе прошлых учетов, предоставляемых заготовительными организациями, и опросов местных охотников. После подсчета следов животных на пробном маршруте охотники использовали математическую формулу для определения среднего количества животных на месте. Затем эти данные экстраполировались на всю пробную площадь и на всю исследуемую территорию [7, л. 19].

Для охраны новых соболей в местах их выпуска вводился особый режим для их охраны. В 1955 году Ханты-Мансийский окружной исполнительный комитет (далее по тексту — окрисполком) объявил заказником для видовых соболей территории Аганского, Тром Аганского сельсоветов Сургутского района и Колек-Еганского сельсовета Ларьякского района на срок в 5 лет. Для защиты заказника были введены различные ограничения: летом запрещалась охота в лесах, вне периода промысла собаки должны были быть прикованы. Организацию охраны, годовой учет соболей, истребление их естественных врагов (филинов, полярных сов и т.п.) и проведение охоты осуществляла окружная контора Заготживсырьё, а после ликвидации последней — окружная контора Рыболопотребсоюза [2, л. 37, 38]. В 1959 г. окрисполком издал аналогичное решение. На территории правобережной части Октябрьского района полностью был запрещены: промысел соболя, вырубки кедровых и лесных зон с кедром. Местный заказник был создан на срок до 5 лет в местах, где были высажены соболя, в бассейнах рек Поьтер, Средняя Комужиханка, Торьеш и Ходаин-Юган [3, л. 28].

Суммарно же, учитывая задействование командировочных, выделения железнодорожного вагона, нескольких авиатранспортов, гужевого транспорта, дальнейшее наблюдение и т.п., выходила весомая сумма расходов. По данным старшего охотоведа при окрисполкоме А. Морозова, всего за период 1952–1958 гг. на баргузинского соболя было затрачено средств на 3 млн руб. [12, л. 57].

ВЫВОДЫ. Подводя итог, можно сказать, что реклиматизация соболя в стране и, в частности, ХМАО, была одной из главных задач советского руководства в деле развития пушно-меховых заготовок. В 1930-х годах ставка была на сохранение, увеличение численности соболя в кратчайшие сроки. К 1940–1950-м годам стало очевидной эффективностью принятых мер: возведение заповедника и охотничьих хозяйств, запрет на промысел соболя. Добыча соболя возобновилась, однако советское правительство, руководствуясь сугубо

прагматическими целями, сместило акцент от дальнейшего возрождения местного соболя, отличавшегося низкими пушно-меховыми характеристиками, в сторону баргузинского соболя завезенного из регионов Восточной Сибири. Несмотря на трудности в организации и значительным материальным затратам, благодаря усилиям охотоведов и других частных лиц, процесс выпуска баргузинов на правый берег р. Обь завершился успешно. Удалось создать очаги мест расселения для баргузинов, что стало отправной точкой для их дальнейшего распространения по всему правому берегу р. Оби на территории ХМАО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Югры (далее по тексту — ГА Югры). Ф.Р1. Оп. 1. Д. 171.
2. ГА Югры. Ф.Р1. Оп. 1. Д. 561.
3. ГА Югры. Ф.Р1. Оп. 1. Д. 669.
4. ГА Югры. Ф.Р184. Оп. 1. Д. 2.
5. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 26.
6. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 47.
7. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 48.
8. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 49.
9. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 51.
10. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 52.
11. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 55.
12. ГА Югры. Ф.Р277. Оп. 1. Д. 77.
13. ГА Югры. Ф.Р421. Оп. 1. Д. 4.
14. Кирис И. Д. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР: Часть 1. Киров. Волго-Вятское книжное издательство. Кировское отделение. 1973. 537 с.
15. Кузякин В.А. Учёт численности охотничьих животных. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. 320 с.
16. Монахов В.Г. Соболи Урала, Приобья и Енисейской Сибири: Результаты реакклиматизации. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 153 с.
17. Остяко-Вогульская Правда. 1940. № 70.
18. Остяко-Вогульская Правда. 1940. № 250.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv YUgry [The State Archive of Yugra] (dalee po tekstu — GA YUgry). F.R1 Op. 1. D. 171. (In Russian, unpublished).
2. GA YUgry. F.R1. Op.1. D. 561. (In Russian, unpublished).
3. GA YUgry. F.R1. Op. 1. D. 669. (In Russian, unpublished).
4. GA YUgry. F.R184. Op. 1. D. 2. (In Russian, unpublished).
5. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 26. (In Russian, unpublished).
6. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 47. (In Russian, unpublished).
7. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 48. (In Russian, unpublished).
8. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 49 (In Russian, unpublished).
9. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 51. (In Russian, unpublished).
10. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 52. (In Russian, unpublished).
11. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 55. (In Russian, unpublished).
12. GA YUgry. F.R277. Op. 1. D. 77. (In Russian, unpublished).
13. GA YUgry. F.R421. Op. 1. D. 4. (In Russian, unpublished).
14. Kiris I.D. *Akklimatizaciya ohotnich'e-promyslovyh zverej i ptic v SSSR* [Acclimatization of hunting and commercial animals and birds in the USSR]: CHast' 1. Kirov. Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. Kirovskoe otdelenie. 1973. 537 s. (In Russian).

15. Kuzyakin V.A. *Uchyot chislennosti ohotnich'ih zhivotnyh* [Accounting for the number of hunting animals]. M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij. KMK, 2017. 320 s. (In Russian).
16. Monahov V.G. *Sobol' Urala, Priob'ya i Enisejskoj Sibiri: Rezul'taty reaklimatizacii* [Sable of the Urals, Ob and Yenisei Siberia: The results of reacclimatization]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 1995. 153 s. (In Russian).
17. *Ostyako-Vogul'skaya Pravda* [Ostyako-Vogulskaya Pravda]. 1940. № 70. (In Russian, unpublished).
18. *Ostyako-Vogul'skaya Pravda* [Ostyako-Vogulskaya Pravda]. 1940. № 250. (In Russian, unpublished).

ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ СССР

WATER AND WATER RESOURCES IN THE HISTORY OF THE USSR

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.014

УДК 504.054:94(470.316)"19»

ББК 26.222.58г(2)

И.И. МАНЦЕРОВ

**ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ
ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В СССР:
СЛУЧАЙ РЕКИ НЕРЛЬ (1937–1939 ГГ.)**

I.I. MANTSEROV

**INDUSTRIAL WATER POLLUTION
IN THE USSR: THE CASE
OF THE NERL RIVER (1937–1939)**

Настоящая статья анализирует особенности конфликтов, связанных с промышленным загрязнением рек, на основании разбирательства в отношении Петровского спиртзавода, произошедшего в 1937–38 гг. Исследователи обращают внимание на частые и довольно полярные оценки историков, рассматривавших проблемы загрязнения в контексте советской экологической истории, анализируя то, как общественные организации и институты местного самоуправления вовлекались в решение проблем загрязнения в эпоху индустриализации и как государство распределяло приоритеты между промышленным ростом и охраной окружающей среды. Авторы отмечают, что в советский период такого рода решения принимались быстрее, чем в поздней Российской империи, однако подчеркивают, что это было частично обусловлено отсутствием активного участия местного самоуправления и гражданских ассоциаций, которые лишь инициировали разбирательства, в то время как решение зависело от высших государственных ведомств.

This article analyzes the peculiarities of conflicts over industrial pollution of rivers, based on the study of the Petrovsky Distillery case that occurred in 1937–38. The researchers pay attention to the frequent and rather polarized assessments of historians who have studied pollution issues in the context of Soviet environmental history. They examine how public organizations and local government institutions were involved in addressing pollution problems during the industrialization era and how the state prioritized between industrial growth and environmental protection. The authors find that such decisions were made more quickly in the Soviet period than in the late Russian Empire. However, they emphasize that this was partly due to the lack of active participation of local self-government and civic associations, which only initiated investigations, while decisions depended on higher state authorities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: промышленное загрязнение, плановая экономика, Нерль, санитарная инспекция, водные объекты

KEY WORDS: industrial pollution, planned economy, Nerl, sanitary inspection, water bodies.

ВВЕДЕНИЕ. ИМЕЕТ ЛИ Россия свою особую специфику с точки зрения контроля над промышленным загрязнением? Этот вопрос получил одновременно широкое распро-

странение и довольно неоднозначные оценки в историографии российской экологической истории. В связи с тем, что экологическая история как особое направление сформировалась во многом под влиянием экологических движений и кризисов второй половины XX столетия, многие исследователи 1980-х и 90-х годов концентрировались преимущественно на провалах и неудачах советской экологической политики, причем некоторые из них считали ее целенаправленным экоцидом [7]. С течением времени стало очевидно, что взаимодействие между обществом и окружающей средой в Советском Союзе было более многогранным: наряду с очевидными проблемами и техногенными катастрофами, СССР мог демонстрировать и более удачные примеры организации природоохранной деятельности [5; 6].

Экологическая история России, особенно в приложении к экологическим проблемам промышленного роста, остается сконцентрированной на советском периоде. Круг исследований, посвященных вопросам промышленного загрязнения в Российской империи, по-прежнему остается довольно узким [2; 1]. Тем не менее, он позволяет сравнить опыт Российской империи и СССР: будучи тесно связанным с ростом национальной экономики и интересами различных групп населения, загрязнение регулировалось в соответствии с существовавшей политической культурой, приоритетами государственного развития, системой высших ведомств и взаимодействия между ними.

ЦЕЛЬ статьи — проанализировать особенности конфликтов, связанных с промышленным загрязнением рек, на основании разбирательства в отношении Петровского спирт-завода, произошедшего в 1937–38 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Используя в качестве примера конфликт, происходивший в 1937–38 гг. в связи с загрязнением реки Нерль Петровским заводом технического спирта, мы стремимся показать, как происходило взаимодействие между государством, промышленными предприятиями и представителями общественности в период сталинской индустриализации и работы над выполнением пятилетних планов. В отличие от ряда судебных процессов, происходивших в Российской империи (в частности, против Тверской мануфактуры Морозовых и сахарозаводчиков юго-западных губерний), в СССР исследуемого периода промышленные предприятия не являлись частной собственностью, а система представительства через органы местного самоуправления и добровольные объединения граждан претерпела существенные изменения. Каким образом это повлияло на политику высших государственных ведомств в отношении промышленного загрязнения?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проблема загрязнения рек сточными водами промышленных предприятий как побочный эффект индустриализации актуализировалась в Российской империи уже ко второй половине XIX века. Многочисленные локальные конфликты, связанные с использованием фабриками и заводами малых рек как сточных канав, стали катализатором формирования санитарного законодательства, а также эффективных институтов противодействия промышленному загрязнению. Опыт Российской империи в этой сфере органично перешел в советскую действительность, однако в условиях индустриализации, плановой экономики и приоритета на промышленное развитие некоторые наработки досоветского периода претерпели трансформацию.

Несмотря на выработку соответствующих «инструментов» борьбы с загрязнением, конфликты руководства промышленных предприятий, местных жителей, органов власти и санитарных инспекций все еще имели место. Советское руководство осознавало важность регулирования санитарно-экологических проблем государством без существенного ущерба для экономики, в связи с чем было уделено внимание формированию обновленной законодательной базы противодействия загрязнению [4, С. 10]. Это выразилось прежде всего в издании Наркоматом здравоохранения СССР в 1923 г. «Положения о нормах чи-

стоты сточных вод», а в 1929 г. — «Санитарных правил о спуске сточных вод с территории населенных мест, фабрично-заводских и промышленных предприятий, жилых и других зданий и сооружений». Главным принципом изданных положений был учет локальных условий спуска сточных вод в противовес слепому следованию нормам.

В условиях начавшейся индустриализации вопрос регулирования очистки сточных вод промышленных предприятий обрел новую актуальность. Особое внимание стало уделяться рационализации производственного процесса, а также сохранению ценных субстанций, ранее выбрасывавшихся в реки вместе с загрязнителями.

Вопросы состояния местных водоемов, стоков, а также методов их очистки изучались Центральным институтом коммунальной санитарии и гигиены (основан в 1936 г.). Полученные в ходе исследовательской работы данные привели к формированию новых стандартов в борьбе с загрязнением. Так, особое внимание стало уделяться т.н. «мощности» водоема, а также степени ограничения спускаемыми стоками тех векторов водопользования, которые были характерны для каждого конкретного водного объекта и района в отдельности. То есть, загрязнение становилось допустимым явлением лишь в тех масштабах, в которых оно не мешает привычному формату водопользования ниже по течению.

На момент рассматриваемого конфликта по вопросу загрязнения Нерли уже вошло в силу Постановление ЦИК и СНК СССР «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения» 1937 года, а к 1940 году на базе Академии наук СССР была образована специальная комиссия [4, С. 13] для разработки мер по очистке стоков промышленных предприятий.

В первой половине 1930-х гг. неподалеку от реки Нерль был построен Петровский завод технического спирта, использовавший в качестве сырья крупу, а также хлеб, переданный на переработку, и уже в 1937 г. на производство стали поступать жалобы на загрязнение реки от работников окрестных колхозов в связи со спуском барды в реку [3, Л. 10]. Жалобы поступали от колхозников прибрежных селений, в том числе 25 селений Суздальского и Гаврилово-Посадского районов, по факту невозможности использования реки для питья и хозяйственных целей. Спуск в реку избытка фильтрата барды реку [3, Л. 2, 6], а также хозяйственных вод завода (в связи с отсутствием полей орошения и иных очистных сооружений) приводил к гибели рыбы и существенному загрязнению реки на протяжении десятков километров ниже по течению (вплоть до Суздальского района), что ограничивало водопользование. Примечательно, что введенный еще 25 июля 1937 года Президиумом Ивановского Облисполкома запрет на спуск неочищенных стоков завода в реку Нерль был проигнорирован.

В разбирательства практически с самого начала были вовлечены профильные наркоматы, среди которых Наркомздрав СССР, Наркомпищепром СССР (НКПП СССР), а также организации (Всесоюзная государственная санитарная инспекция СССР — ВГСИ), что говорит о высокой значимости производимого заводом спирта для промышленности и отходе от затажной модели решения подобных противоречий в условиях наращивания темпов промышленного развития, продиктованного спецификой государственного курса.

После того, как при содействии НКПП СССР на заводе была установлена бардосушилка, спуск сточных вод был возобновлен реку [3, Л. 7], однако уже 13 апреля 1938 года усилиями Ивановской областной Госсанинспекции было принято постановление о запрете спуска барды в реку. В то же время, руководство завода настаивало на том, чтобы получить разрешение в срок до конца мая того же года продолжить спускать в реку отходы от полученной ранее мышьякосодеждающей крупы для спирта в связи с тем, что использовать барду и утилизировать ее не представлялось возможным, в противном случае завод не смог бы продолжить работу по производству спирта реку [3, Л. 2]. Еще 1 февраля 1938 года руководство завода получило разрешение на срок до 20 мая 1938 года спускать

в Нерль отходы от производства спирта из отравленной мышьяком крупы (содержание — 5–10 мг на 1 кг крупы) ввиду невозможности утилизации барды с содержанием мышьяка, однако в связи с завершением переработки полученных 1500 тонн мышьякосодержащей крупы уже на начало апреля данное разрешение было аннулировано. Ходатайство завода о продлении срока было отклонено во многом благодаря заключению эксперта со стороны областной санинспекции санитарного врача А.М. Левина, зафиксировавшего наличие в сточных водах токсичного хлорпикрина. В этой связи спуск барды и фильтрата барды был воспрещен.

История конфликтов вокруг загрязнения малых рек промышленными предприятиями часто включает в себя элемент покровительства профильных органов власти над промышленниками, и данный случай также не стал исключением. Безнаказанность промышленников, обусловленная важностью производимого заводом ресурса, привела к вмешательству в дело Президиума Ивановского облисполкома, запретившего в мае 1938 года спуск неочищенных стоков в Нерль и обратившего внимание НКПП СССР на нежелание руководства завода принять меры против промышленного загрязнения. В интересах скорейшего разрешения конфликта 9 июня 1938 года Главспирт НКПП СССР предложил руководству завода оборудовать поля орошения и водоотвод в течение ремонтного периода 1938 года [3, Л. 6], однако по состоянию на 15 октября 1938 года ситуация не изменилась в лучшую сторону несмотря на работу завода с неполной нагрузкой, что привело к введению санкций в отношении директора и главного инженера завода в виде штрафа в размере 300 рублей.

В то же время, загрязнение Нерли достигло таких масштабов, что жалобы на состояние воды, поступавшие в СНК (например, от председателя сельскохозяйственной артели «Всходы» села Кибергино Тейковского района от 15 октября 1938 года), к концу 1938 года существенно участились, а областная санитарная инспекция грозила руководству завода уголовной ответственностью, поскольку деятельность завода привела к тому, что ни купание, ни водопой скота, ни даже использование воды для технических нужд стали фактически невозможны реку [3, Л. 4].

С конца 1938 года конфликт развивался в русле взаимодействия ВГСИ и НКПП СССР. Так, по решению ВГСИ ликвидация спуска отходов в Нерль должна быть осуществлена на основе постановления Ивановской областной Госсанинспекции от 21 сентября 1938 года к апрелю следующего года. Также предполагалось улучшить качество работы бардосушилки и обеспечить утилизацию барды как корма для скота. Помимо этого, было предложено разработать проект очистных сооружений для всех видов заводских стоков по согласованию с Ивановской областной Госсанинспекцией. Указанный срок (апрель 1939 г.) был признан окончательным для устройства полей орошений и фильтрации.

2 января 1939 года ВГСИ приняла постановление, согласно которому по итогам обследования завода был установлен финальный срок ликвидации спуска токсичных отходов — 1 апреля 1939 года [3, Л. 3]. Несмотря на это, руководство завода продолжало активно протестовать против этого запрета ввиду того, что за зимний период провести требуемые работы было невозможно, а в случае ограничения спуска фильтрата барды в реку производительность завода упала бы с 6500 до 5000 декалитров спирта в сутки [3, Л. 4].

В то же время, по распоряжению Народного комиссара пищевой промышленности В.П. Зотова в связи с большой нуждой в спирте в стране мощность завода путем ограничения спуска фильтрата в реку было принято решение не снижать. При содействии НКПП СССР руководство завода стало активно просить отсрочить вводимые ограничения до декабря 1939 года в связи с тем, что к этому времени руководству удастся устроить поля орошения и ликвидировать спуск фильтрата в реку, сохранив производительность завода. Данное распоряжение наткнулось на серьезное противодействие со стороны глав-

ного госсанинспектора СССР Т. Я. Ткачева, не согласившегося продлевать срок введения ограничений до декабря 1939 года.

Отказу в предоставлении отсрочки способствовал и тот факт, что по состоянию на весну 1939 года устройство полей орошения для производственных стоков так и не было начато, в то время как поля фильтрации хозяйственных вод были обустроены только наполовину, что сохраняло колоссальные масштабы загрязнения Нерли, в связи с чем оснований для предоставления отсрочки ВГСИ не увидела. С точки зрения Т.Я. Ткачева, подобная халатность со стороны руководства Петровского спиртозавода, выразившаяся в срыве мероприятий по ликвидации загрязнения, могла стать причиной привлечения директора и главного инженера завода к судебной ответственности, однако в условиях развития индустриализации и потребности советской плановой экономики в предвоенные годы в техническом спирте санитарные инициативы зачастую не находили должной поддержки.

Случай реки Нерли и Петровского спиртозавода требует привлечения более широкого массива документов для восстановления полной картины, в особенности применительно к завершению разбирательств. Несмотря на это, на основании уже имеющихся данных допустимо сделать вывод о том, что несмотря на столь скорое протекание конфликта в сравнении, например, с «водяными недоразумениями» второй половины XIX века, санитарно-экологические инициативы независимо от уровня противостоящей стороны (Всесоюзная или областная госсанинспекция) не выдерживали конкуренции экономических интересов государства. Даже учитывая тот факт, что в своей деятельности санинспекции руководствовались действующим санитарным законодательством (например, Постановлением ЦИК и СНК СССР «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения» 1937 года), промышленная сторона под эгидой НКПП СССР продолжала держать прежние плановые объемы производства технического спирта, загрязняя реку Нерль.

В то же время, мы можем говорить о коренной смене расстановки сил противоборствующих сторон. Если ранее, в дореволюционные годы, экспертное сообщество зачастую выступало лишь арбитром в спорах промышленников и местных властей (до появления Временного комитета 1911 года), то применительно к советской действительности возможно констатировать, что санитарные организации областного и Всесоюзного уровней являлись полноценными самостоятельными акторами разбирательств и обладали соответствующей инициативой и рычагами воздействия наравне с центральными органами исполнительной власти в лице Наркоматов.

В то же время значительно меньшей стала степень участия местного самоуправления и общественных объединений в такого рода конфликтах. К примеру, в случае с загрязнением реки Тьмаки Тверской мануфактурой Морозовых, именно Городская дума поддерживала судебные разбирательства на протяжении нескольких десятков лет (с момента своего появления в начале 1870-х годов до обвинительного приговора в 1910). Запрет перевозки нефти в деревянных баржах 1902 года стал результатом активной работы нескольких добровольных ассоциаций, боровшихся с загрязнением Каспийского моря и Волги нефтью. Как показывает случай Петровского завода, в 1930-е годы общественность лишь инициировала разбирательства с помощью жалоб, не участвуя в них непосредственно, а сами разбирательства происходили значительно быстрее — но в значительно большей степени зависели от позиции государства и его интересов.

ВЫВОДЫ. Таким образом, несмотря на развитость законодательной базы в сфере санитарии, гигиены и экологии, в рамках советской системы возобладала приверженность к достижению плановых показателей в сфере промышленности, в связи с чем санитарно-экологические конфликты, в чем можно убедиться на рассмотренном выше примере, могли развиваться быстро, но не в пользу дела охраны водных объектов от промышленного загрязнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова А.Б. Реформа городского самоуправления 1870 года в контексте экологической истории // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. Т. 6. № 45. С. 49–54.
2. Афанасьев Г.Ю. Экология столичных городов (по материалам периодической печати второй половины XIX — начала XX в.) // Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. С. 49–52.
3. О загрязнении реки Нерль сточными водами Петровского спиртозавода. 23 апреля — 4 июня 1939 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5446. Оп. 23. Ед. хр. 1591.
4. Черкинский С.Н. Санитарные условия спуска сточных вод в водоемы. Москва: Издательство Министерства коммунального хозяйства РСФСР, 1962. 224 с.
5. Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 232 s.
6. Bruno A. The nature of Soviet power. An Arctic environmental history. Cambridge University Press, 2016. 311 s.
7. Feshbach M., Friendly A. Ecocide in the USSR: health and nature under siege. Ecocide In The USSR. London: Aurum Press, 1992. 408 s.

REFERENCES

1. Agafonova A.B. *Reforma gorodskogo samoupravleniya 1870 goda v kontekste ekologicheskoi istorii* [City government reform of 1870 in the context of environmental history] // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2016. Vol. 6. № 45. Ss. 49–54. (In Russian).
2. Afanas`ev G. Yu. *Ekologiya stolichnyh gorodov (po materialam periodicheskoi pechati vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.)* [Ecology of capital cities (on materials of periodicals of the second half of XIX — beginning of XX century)] // *Ekologicheskaya istoriya Rossii: lokal'nye izmereniya i perspektivy integral'nyh issledovaniy* [Environmental History of Russia: Local Dimensions and Prospects for Integral Studies]. Cherepovets: Sherepovets State University, 2017. Ss. 49–52. (In Russian).
3. *O zagryaznenii reki Nerl` stochnymi vodami Petrovskogo spirtozavoda. 23 aprelya — 4 iyunya 1939* [On the pollution of the Nerl River by wastewater from the Petrovsky distillery. April 23 — June 4, 1939] // State Archive of the Russian Federation. F. P5446. Op. 23. D. 1591. (In Russian).
4. Cherkinsky S.N. *Sanitarnye usloviya spuska stochnyh vod v vodoemy* [Sanitary conditions of sewage water release into water bodies]. Moscow: Publishing House of the Ministry of Communal Economy of the RSFSR, 1962. 224 s. (In Russian).
5. Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 232 s. (In English).
6. Bruno A. The nature of Soviet power. An Arctic environmental history. Cambridge University Press, 2016. 311 s. (In English).
7. Feshbach M., Friendly A. Ecocide in the USSR: health and nature under siege. Ecocide In The USSR. London: Aurum Press, 1992. 408 s. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.015
УДК 502.51:94(470/570)"1960/1970»
ББК 26.222.588г(2)64

**М.С. МОСТОВЕНКО МЕЖДУ ОХРАНОЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ:
ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ВОДЫ В СССР
В 1960-Е-1970-Е ГОДЫ**

**M.S. MOSTOVENKO BETWEEN PROTECTION AND USE:
THE PROBLEM OF WATER PROTECTION
IN THE USSR IN THE 1960TH –1970TH**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115
«Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем
Севера Западной Сибири в 1917-1991»*

В данной статье автором рассматривается процесс реализации государственной политики в сфере использования и охраны водных ресурсов страны. В контексте активного промышленного строительства государство столкнулось со своего рода дилеммой. С одной стороны, появление и развитие природоохранного законодательства требовало охраны и рационального использования водных ресурсов страны. С другой стороны, активное производственное строительство и необходимость выполнения государственных планов ставили на первое место ввод предприятий в эксплуатацию, а лишь потом возведение различных очистных сооружений. В связи с этим основной целью статьи является анализ проблемы водопользования в СССР в 1960-е-1970-е годы.

В качестве методологического инструментария была использована концепция экологической истории, рассматривающая процесс взаимовлияния человека и природы в историческом контексте. Источниковой базой исследования послужили материалы Российского государственного архива экономики: фонд 436 (Министерство мелиорации и водного хозяйства), а также фонд 4375 (Государственный плановый комитет)

Следует отметить, что представленная работа обладает достаточной научной новизной. Изучение особенностей реализации государственной политики в сфере использования водных ресурсов страны в отечественной и зарубежной историографии получило распространение в течение последних нескольких лет. Однако работы, посвященные этой проблематике, носят локальный характер, без сравнительного анализа с общей ситуацией в стране. Предлагаемое исследование призвано частично заполнить эту лауну.

Автором делается вывод о том, что, несмотря на принятие природоохранного законодательства и усиление санитарного надзора за предприятиями, экономические интересы ставились выше экологических последствий.

In this article, the author considers the process of implementing state policy in the field of use and protection of the country's water resources. In the context of active industrial and petrochemical construction, the state faced a kind of dilemma. On the one hand, the emergence and development of environmental legislation required the protection and rational use of the country's water resources. On the other hand, active production construction and the need to fulfill state plans put in the first place the commissioning of enterprises, and only then the construction of various treatment facilities. In this regard, the main purpose of the article is to analyze the problem of water use in the USSR in the 1960th-1970th.

As a methodological tool, the concept of environmental history was used, which considers the process of interaction between man and nature in a historical context. The source base of the study was the materials of the Russian State Archive of Economics: fund 436 (Ministry of Reclamation and Water Management), as well as fund 4375 (State Planning Committee).

It should be noted that the presented work has sufficient scientific novelty. The study of the peculiarities of the implementation of state policy in the field of the use of the country's water resources in domestic and foreign historiography has become widespread over the past few years. However, the work devoted to this issue is of a local nature, without comparative analysis with the general situation in the country. The proposed study is intended to fill that gap in part.

The author concludes that despite the adoption of environmental legislation and the strengthening of sanitary supervision of enterprises, economic interests were put above environmental consequences.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история, водопользование, охрана водных ресурсов, СССР, санитарный надзор.

KEY WORDS: environmental history, water use, protection of water resources, USSR, sanitary supervision.

ВВЕДЕНИЕ. Советское государство обладало одним из самых обширных запасов вод в мире. При этом основную часть этих вод составлял речной сток, среднегодовой объем которого составлял порядка 4 714 км³, что в пересчете на душу населения составляло около 18 тыс.м³ на душу населения [2, с.42]. Однако начавшееся активное индустриальное строительство во второй половине XX столетия перекроило данный водный баланс. Это было в первую очередь связано с тем, что для производства требовались значительные водные ресурсы. Кроме того, в ряде отраслей народного хозяйства развитие шло по экстенсивному пути, что не лучшим образом сказывалось на состоянии водных источников.

Так, например, в мае 1960 года прошло заседание президиума ВСНТО (Всесоюзный совет научно-технических обществ — прим. Мостовенко М.С.), повесткой которого была организация межотраслевого комитета по использованию и охране водных ресурсов страны. На этом же заседании в своем выступлении председатель Совета по проблемам водного хозяйства АН СССР В.В. Звонков отмечал, что «в очень плохом состоянии находится Урал. Промышленность требует очень большого количества воды, а воды нет. То же самое можно сказать про Среднюю Азию, в особенности плохо с водой в Южном Казахстане и в других частях, например в целинных землях и т.д. И чем больше развивается наше производство и производительные силы, тем острее и острее становится этот вопрос. Это уже становится одной из важнейших проблем» [11, с.82]. Складывалась парадоксальная ситуация, когда в одной из самых богатых водными ресурсами стране наблюдался их недостаток.

Кроме того, к началу 1960-х годов экологическая проблематика привлекает внимание руководства страны, касается это и водных ресурсов. Однако здесь возникает проблема: «Каким образом обеспечить интересы экономики и необходимости выполнения плановых показателей по вводу в эксплуатацию предприятий с оздоровлением экологической обстановке в стране?» В связи с этим **ЦЕЛЬЮ** данного исследования является анализ проблемы водопользования в СССР в 1960-е — 1970-е годы.

Следует отметить, что водная проблематика в истории России уже рассматривалась рядом исследователей. Так, на примере поздней имперской России исследователями Виноградовой А.В. и Агафоновой А.Б. была сделана попытка проследить особенности государственной политики по борьбе с загрязнением водных систем и взаимодействия по этому вопросу с общественностью [3; 4]. Историками Обертрайз Ю. и Малиновой-Тзифета О., а также Барабановой К.С. и Прищепой А.И. рассматривалась проблема обеспечения городов чистой водой как в Российской империи, так и в СССР [1; 19; 26]. Последствия промышленного

развития для водных ресурсов на примере различных регионов Сибири анализировались такими историками, как Гололобов Е.И., Мостовенко М.С., Красовитова Э.С., Гайдин С.Т. [6;7;8;13;17]. Общему анализу состояния речной системы Обь-Иртышья посвящена работа Шмыглевой А.В. [29]. Тюменским историком Нечипоруком Д.С. делается попытка проанализировать восприятия водных экологических проблем в прессе [18]. Отдельного внимания заслуживают работы самарского историка Макеевой Е.Д., в которых на примере р. Волги подробно рассматривается система водопользования и борьба с загрязнением водных ресурсов [14; 15]. Тамбовским историком Цинцадзе Н.С. были проанализированы усилия государства по борьбе с экологическими проблемами европейской части страны [28].

Вместе с тем, как следует из представленных выше перечня работ, они носят локальный и региональный характер. Представленные исследования рассматриваются без учета общего состояния водных ресурсов страны. Представленная статья призвана заполнить данную исследовательскую лауну.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве методологического инструментария была использована концепция экологической истории, рассматривающая процесс взаимовлияния человека и природы в историческом контексте. Источниковой базой исследования послужили материалы Российского государственного архива экономики: фонд 436 (Министерство мелиорации и водного хозяйства), а также фонд 4375 (Государственный плановый комитет). Поскольку в сферу ответственности этих ведомств входил контроль за состоянием водных источниками страны и размещения промышленных производств.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Активное индустриальное развитие страны во второй половине XX века не могло не сказаться на экологической обстановке. В особенности это касалось водных ресурсов. Принятие в 1960-м году закона «Об охране природы в РСФСР» обязывало министерства и ведомства принимать все меры, направленные на сохранение природы. В том числе 4 статья данного закона гласила, что «Запрещается ввод в эксплуатацию предприятий, цехов и агрегатов, сбрасывающих сточные воды, без выполнения мероприятий, обеспечивающих их очистку» [12]. Однако на практике это не всегда соблюдалось. Примером этого может служить письмо руководителя отдела очистки сточных вод НИИ УкроВОДГЕО, к.т.н. Щеголева К.В. на имя Хрущева Н.С., в котором он, в частности, отмечает: «Слова, неподкрепленные делами, не стоят многого. Так и наши постановления: по охране природы Верховного Совета, ЦК КПСС и Совета Министров СССР о защите водоемов, почв и воздуха от загрязнения, не осуществляются практически из-за формального подхода к тому вопросу, что из-за отсутствия надлежащих ассигнований, из-за неправильного подхода к решению поставленной задачи.

Ярким примером тому служит бумажно-целлюлозный комбинат «Правды», на бумаге которого печатается наша газета «Правда». Он сбрасывает в реку Волгу огромное количество загрязненных промстоков и это считается в порядке вещей. Сбрасываемые в реки сточные воды даже не отстаиваются для освобождения от взвешенных веществ» [10, Л.17]. Между тем, удручающая картина с состоянием водных ресурсов наблюдалась по всей стране. Согласно документам Минводхоза СССР (Министерство мелиорации и водного хозяйства — прим. Мостовенко М.С.): «В результате загрязнения водоемов, рек и подземных вод в настоящее время многие населенные пункты и целые районы страны (г. Харьков, г. Челябинск, г. Донбасс, промышленные районы Урала, г. Караганда, Башкирия, области Центрального экономического района и др.) испытывает острый недостаток воды» [22, Л.7]. Нельзя не сказать, что министерство не принимало никаких мер по нормализации ситуации. Так, например, за период с 1962 по 1964 только в Калининской области Госземводхозом РСФСР было проведено 85 проверок состояния охраны и использования водных ресурсов, по итогам было наложено на руководителей предприятий 19 штрафов. Надо сказать, что на практике нарушители наказывались лишь административными мерами.

Все в той же Калининской области по итогам проверки на ряд должностных лиц, виновных в нарушении закона «Об охране природы в РСФСР», в прокуратуру было передано три дела для привлечения виновных к ответственности. Однако, как свидетельствуют архивные документы, «прокуратура, признав правильность обвинений в загрязнении водоемов, находила смягчающую вину обстоятельства и в возбуждении дела отказывала» [10, Л.42]. Таким образом, становится видно, что в некоторых случаях даже прокурорский надзор старался игнорировать существующие нормативно-правовые документы.

Подобную картину сложно было не замечать, в связи с этим для координации мероприятий по борьбе с загрязнением водных источников и выявлению нарушений на местах в ноябре 1964 года Минводхозом проводится семинар по водным проблемам, куда были приглашены представители всех бассейновых управлений.

По его итогам семинара выяснилось, большая часть бассейновых управлений имеет схожие проблемы. В качестве примера можно привести ситуацию с Обь-Иртышской и Северо-Уральской бассейновыми инспекциями. Так, представители обеих инспекций отмечали крайне неудовлетворительное состояние городских очистных сооружений (в городе Свердловске их не было совсем), недостаток квалифицированного персонала (в силу низкой заработной платы наблюдалась высокая текучесть кадров), отсутствие необходимого количества транспорта [23, Л.14–16]. Все это не лучшим образом сказывалось на чистоте вод.

К началу 1970-х годов ситуация со сточными водами достигает пика. Если в целом к концу 1960-х годов суммарное количество сточных вод составляло около 16 тыс. км³ в год, то, по данным института «Гидропрект», к 1970 году эта цифра увеличилась до 49,9 тыс. км³ в год, то есть фактически в 3 с лишним раза, но 70% из них по-прежнему сбрасывались в водоемы без всякой очистки [16, Л.64]. Основным препятствием здесь стало затягивание строительства очистных сооружений. Так, например, строительство очистных сооружений велось в г. Петрозаводске с 1946 года, в городах Куйбышеве и Астрахани — с 1949 года, в г. Подольске — с 1957 года, в г. Выборге — с 1959 г. Канализация строится в городах Прокопьевске и Киселевске — с 1954 г., в г. Тобольске — с 1959 г.

По данным Государственного геологического комитета РСФСР, свыше 650 предприятий и коммунальных хозяйств в таких городах, как Москва, Горький, Дзержинский, Кострома, Иваново, Уфа, Оренбург, Тюмень и т. д. сбрасывали неочищенные сточные воды, загрязняя еще и подземные источники [27, Л.11].

В связи с ухудшающейся экологической ситуацией с водными ресурсами в стране было принято несколько нормативных документов. Первыми из них в дополнение к уже существующему закону об охране природы в 1970 году были приняты «Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик» [20]. В данном документе разграничивались полномочия в сфере использования и охраны водных источников.

В октябре 1972 года также принимается «Водный кодекс РСФСР», который дополнял водоохранное законодательство [5].

В январе 1973 года министром мелиорации и водного хозяйства СССР Е. Е. Алексеевским направляется проект записки в Совет Министров СССР «О государственном санитарном надзоре в СССР» где предлагаются следующие меры:

- «государственный санитарный надзор за проведением водоохраных мероприятий осуществляется в тесном контакте с органами по регулированию использования и охраны вод.
- выдачу обязательных заключений по проекту застройки населенных пунктов, проектам перспективных планов размещения промышленности, определению мест водозаборов и условиям спуска сточных вод, органы государственного санитарного надзора производят по согласованию с органами по регулированию использования и охране вод.

- решения о запрещении или приостановлении эксплуатации или строительства производственных и других объектов, связанных с невыполнением водоохранных мероприятий, выносятся органами государственного санитарного надзора по согласованию с органами по регулированию использования и охране вод» [24, Л.5].

Включение данных пунктов в проект положения «О санитарном надзоре» стало важным шагом в деятельности министерства. Теперь надзорные органы могли использоваться не только штрафы и предупреждения, но и останавливать и запрещать ввод в эксплуатацию предприятия, если не выполнены водоохранные мероприятия.

Усиление надзора со стороны санитарных служб и ведомств, а также формирование водоохранного законодательства привела к тому, что общая картина с охраной водных ресурсов несколько улучшилась.

В отчете начальника отдела охраны природы при Госплане СССР П.И. Полетаева, направленного руководству Госплана грифом «для служебного пользования», отмечалось, что «за счет ввода очистных сооружений и установок в 1978 году более чем на 900 млн. куб.м. сократился сброс неочищенных стоков. Улучшилось состояние рек Волги и Урала в районе городов Куйбышев, Волгоград, Астрахань, Оренбург. В 1978 году были введены в действие сооружений по очистке сточных вод в Ярославле мощностью 190 тыс.куб.метров в сутки, в Ижевске — 1-6 тыс.куб.метров в сутки, Астрахани — 90 тыс.куб.метров в сутки. В районе г. Оренбурга снизилось загрязнение р.Урал нефтепродуктами. Крупные станции по очистке сточных вод были введены в действие в бассейнах других рек. В г. Ленинграде введена в действие первая очередь очистных сооружений мощностью 750 тыс.куб. в сутки, в г. Киеве — 300 тыс.куб.м. в сутки и тд» [21, Л.1].

Кроме того, начали активно внедряться технологические процессы, предусматривавшие внедрение систем оборотного водоснабжения (прежде всего в сфере нефтехимии), а также использования воздушного охлаждения. На практике это приводило к существенному снижению использования свежей воды в производстве.

Также в рамках принимаемого плана народнохозяйственного строительства на 1976-1980 годы в разделе «Охрана и рациональное использование водных ресурсов» предполагалось следующее: «В 1976-1980 гг. предусматривается строительство водоохранных объектов в бассейнах рек Волги, Урала, Томи, рек Ростовской области, намечается разработать и осуществить дополнительные мероприятия по предотвращению загрязнения озера Байкал, Каспийского моря, реки Чу и ряда других. <...> В 1976-1980 гг. планируется строительство систем оборотного водоснабжения общей мощностью более 150 млн куб.м. в сутки. Объем оборотной и повторно-последовательной используемой воды на конец 1980 г. составит более 200 куб.км.<...>. На 1976-1980 гг. устанавливается задание по вводу очистных сооружений общей мощностью более 48 млн.куб.м. сточных вод в сутки» [9, Л.5].

Однако часто предприятия сталкивались с дилеммой о необходимости одновременного выполнения как производственного плана и плана капитального строительства, так и задач по природоохране. Вместе с тем, частыми были случаи, когда предприятие начинало свою работу в обход санитарных правил. В качестве примера можно привести ситуацию на Ишимском заводе автоприцепов в начале 1970-х годов.

В январе 1973 года министром автомобильной промышленности СССР Тарасовым А.М. в Совет Министров СССР направляется записка, в которой он просит в виде исключения разрешить эксплуатацию второй части главного корпуса автоприцепного завода, поскольку Министерство здравоохранения РСФСР и Министерство водного хозяйства РСФСР письмом от 13.10.1972 не дали согласия на его эксплуатацию и рекомендовали построить на заводе временные очистные сооружения.

Министерство автомобильной промышленности предусмотрело строительство локальных очистных сооружений завода в 1973 году в соответствии с указанной рекоменда-

ей, установило срок ввода их в эксплуатацию до 01.08.1973 г., но на 1 января 1973 года из выделенных 2 млн рублей было освоено только 0,8 млн рублей. Кроме того, в своей записке Тарасов А.М. указывал: «Учитывая важность создания мощностей для выпуска большегрузных прицепов к тракторам К-700, предусмотренных постановлением Совмина СССР от 05.10.1971 № 729, а также незначительный рост сбросов в сравнении с 1971 годом и относительно невысокую загрязненность стоков, Министерство автомобильной промышленности просит, в виде исключения, разрешить органам санитарной инспекции и охраны водных ресурсов приемку в эксплуатацию второй части главного корпуса на Ишимском заводе автоприцепов с сохранением существующих на заводе систем очистки до окончания строительства указанных выше локальных очистных сооружений завода» [24, Л.51].

В феврале 1973 года Минводхоз СССР рассмотрел эту просьбу Минавтопрома и дал свое согласие, в виде исключения, на принятие в эксплуатацию второй части корпуса завода. При этом Ишимский завод автоприцепов был обязан в сжатые сроки построить локальные очистные сооружения и ввести их в эксплуатацию до 1 июня 1973 года [24, Л.52].

В ответ на это решение в конце февраля 1973 года министр здравоохранения СССР Б.В. Петровский также готовит записку в Совмин, где сообщает, что выступает против такого решения. Ключевой претензией Минздрава стало применение заводом примитивных и малоэффективных методов очистки сточных вод и, соответственно, высокая степень их загрязненности [24, Л.54]. В конечном счете, под давлением Минавтопрома, министерство здравоохранения и Минводхоз были вынуждены дать согласие на запуск завода в эксплуатацию. Данный пример наглядно иллюстрирует тот факт, что ведомственные интересы превалировали над экологическими последствиями.

Вместе с тем, говоря о реализации водоохраной политики, следует поставить вопрос о том, какие средства выделялись на природоохранные меры. Как свидетельствуют архивные данные, на решение всех экологических проблем затраты были небольшие. Так, по данным Центрального статистического управления СССР, на мероприятия по оздоровлению внешней среды в промышленности в целом по стране были предусмотрены следующие средства: в 1961 году — 161,1 млн.рублей; в 1962—236,4 млн рублей; в 1963 году — 202,8 млн.рублей, в 1964 году — 194,2 млн.рублей (табл. 1) [16, Л.65].

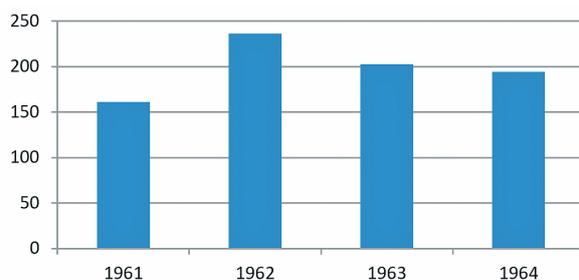

Таблица 1. **Объем выделяемых средств на мероприятия по оздоровлению внешней среды в промышленность в 1961–1964 гг. (в млн.руб.)**

Однако в реальности денег было еще меньше, так как все выделенные средства осваивались не полностью. За период с 1961 по 1964 гг. процент освоения варьировался в диапазоне 70–74%. Вместе с тем, затраты на санитарный надзор и оздоровление внешней среды были не столь велики. Как мы уже отметили, по свидетельству архивных данных, не все выделяемые средства осваивались полностью. Кроме того, строительство новых промышленных и коммунальных объектов требовало только на осуществление мероприятий по охране водных ресурсов в стране не менее 1 млрд рублей в год.

Во второй половине 1970-х годов общая ситуация с финансирование мероприятий по охране природы несколько исправляется. Так, за период с 1975 по 1980 было выделено более 12 млрд рублей, из которых на охрану водных ресурсов — более 9,5 млрд.руб, на охрану воздушного бассейна — 1 млрд рублей. При этом большая часть выделяемых денег уходила на охрану и рациональное использование водных ресурсов (табл. 2) [9, Л.109].

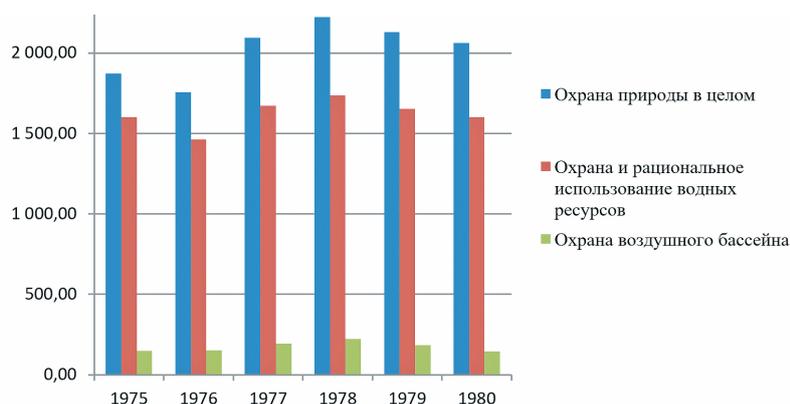

Таблица 2. **Объемы выделяемых средств на охрану природы в целом по СССР в 1975–1980 гг. (в млн.руб.)**

В данном случае стоит учитывать тот факт, что это были выделяемые средства, а не освоенные в рамках строительства природоохранных объектов. Так, в 1973 году Стройбанк СССР провел собственную проверку объектов очистки и обеззараживания промышленных сточных вод в бассейнах рек Волги и Урала, в результате которой было установлено что «министерства и ведомства не осуществляют должного контроля за ходом строительства водоохранных сооружений, не полностью обеспечивают строящиеся объекты проектно-сметной документацией, не все объекты, подлежащие вводу в действие включают в планы капитального строительства и не в полном объеме предусматривают средства на их окончание. Строительные министерства неудовлетворительно выполняют планы строительства этих объектов и несвоевременно вводят их в эксплуатацию» [25, Л.58].

ВЫВОДЫ. В заключение необходимо отметить несколько важных моментов.

Во-первых, период 1960-х-1970-х гг. стал не только временем бурного экономического роста страны, связанного с освоением природных ресурсов Сибири. Одновременно с этим активно развивается и природоохранное законодательство, так как промышленное развитие влечет за собой серьезные экологические последствия. Появляется не только «Закон об охране природы в РСФСР», но и ряд документов, определяющих правила использования и охраны водных источников.

Во-вторых, к середине 1960-х гг. оказалось, что самая большая страна в мире с одними из самых крупнейших запасов воды оказалась в состоянии водного дефицита. Около 70% всех сточных вод сбрасывались во внутренние водоемы без какой-либо очистки, тем самым серьезно ухудшая их состояние и подрывая их экономическое значение.

В-третьих, ключевой проблемой государственной политики в области охраны и рационального использования водных ресурсов стал вопрос строительства и эксплуатации как городских, так и промышленных очистных сооружений. Многие предприятия либо затягивали сроки их строительства, либо возводили их в последнюю очередь, либо, используя ведомственные механизмы (например, Ишимский завод автомобильных прицепов), начинали эксплуатацию без таковых.

В-четвертых, на охрану природы, в особенности со второй половины 1970-х в стране выделялись значительные финансовые ресурсы, до 2,5 млрд рублей ежегодно. Однако на практике данные объемы денежных средств либо осваивались частично, либо полностью не осваивались. При этом, несмотря на тот факт, что большая часть денег уходила на решение водных проблем, общее состояние водных ресурсов в стране к началу 1980-х годов оставалось напряженным.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на принятие природоохранного законодательства и усиление санитарного надзора за предприятиями, экономические интересы ставились выше экологических последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова К.С. Водоснабжение Остяко-Вогульска: первые проекты водопровода // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 64–70.
2. Бородавченко И., Толстихин О. Водные ресурсы: рациональное использование и охрана // Коммунист. 1975. № 14. С. 42–52.
3. Виноградов А.В. «Водяные недоразумения»: наука и городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLIII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 293–294.
4. Виноградов А.В., Агафонова А.Б., Манцеров И.И. «Право небогатых людей на неотравленный воздух и воду»: городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 34–43.
5. Водный кодекс РСФСР. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901700060?marker> (Дата обращения 31.10.2023).
6. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История использования и охраны рек в процессе индустриального развития Восточной Сибири в советский период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 25–36.
7. Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на водные ресурсы Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения (1960–1975 гг.): на примере Сургутского Приобья // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета 2020. № 1(26). С. 28–33.
8. Гололобов Е.И. Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (75). 2021. С. 79–92.
9. Доклад о проекте народнохозяйственного плана на 1976–1980 гг. по разделу «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов» // РГАЭ Ф. 4372. Оп. 67. Ед. хр. 183.
10. Докладные записки и справки Отдела охраны водных источников руководству Госземводхоза СССР // РГАЭ Ф. 436 Оп. 1. Ед. хр. 41.
11. Документы об использовании и охране водных ресурсов СССР (1960–1968 годы) // Советские архивы. 1977. № 6. С. 81–92.
12. Закон «Об охране природы в РСФСР». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066838> (Дата обращения 31.10.2023).
13. Красовитова Э.С. Экологические проблемы использования водных ресурсов Северо-Западной Сибири в 1960-х — 1980-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (63). 2019. С. 20–28.
14. Макеева Е.Д. Деятельность человека как причина ухудшения экологического состояния реки Волги в конце XIX — начале XXI вв. (исторический аспект) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 58–69.

15. Макеева Е.Д. Малые реки среднего Поволжья на фоне индустриального развития региона в 1950-е — 1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 37–45.
16. Материалы о мерах по охране водных ресурсов страны // РГАЭ Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 72.
17. Мостовенко М.С. Деятельность постоянных комиссий по охране природы по защите водных ресурсов Западной Сибири в 1960-е — 1970-е годы (региональный опыт ХМАО и Омска) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 46–57.
18. Нечипорук Д.М. Послевоенное великое ускорение: индустриальное освоение Сибири и восприятие проблемы загрязнения водных ресурсов в 1950–1970-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 26–32.
19. Обертрайз Ю., Малинова-Тзиафета О. История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР // Новейшая история России. 2019. № 1. Т. 9. С. 173–201.
20. Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014803> (Дата обращения 31.10.2023).
21. Отчет отдела о выполнении заданий Государственного плана на 1978 г. по разделу «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов» // РГАЭ Ф. 4372. Оп. 67. Ед. хр. 2433.
22. Отчеты и справки сотрудников отдела о результатах командировок по изучению и проверке правильности использования и охране водных источников от загрязнения // РГАЭ Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 172.
23. Отчеты и справки сотрудников отдела о результатах командировок по изучению и проверке правильности использования и охране водных источников от загрязнения. // РГАЭ Ф. 436. Оп. 1 Ед. хр. 173.
24. Поручения Совета Министров СССР и материалы по выполнению поручений // РГАЭ Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 1917.
25. Поручения Совета Министров СССР и материалы по выполнению поручений // РГАЭ Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 1920.
26. Прищепа А.И. Проблема чистой воды в Сургуте в 1950–1990 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2–4 (32). С. 56–59..
27. Справки Отдела охраны водных источников о современном состоянии очистки сточных вод // РГАЭ Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 272.
28. Цинцадзе Н.С. Государственное регулирование социоприродных аспектов лесо— и водопользования в РСФСР в 1917–1939 годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 1(58). С. 44–53.
29. Шмыглева А.В. Экологическая драма рек Обь-Иртышья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 108–114.

REFERENCES

1. Barabanova K.S. *Vodosnabzhenie Ostjako-Vogul'ska: pervye proekty vodoprovoda* [Water supply Ostyako-Vogulsk: the first water supply projects] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 6 (81). S. 64–70; (In Russian).
2. Borodavchenko I., Tolstihin O. *Vodnye resursy: racional'noe ispol'zovanie i ohrana* [Water Resources: Sustainable Use and Protection] // Kommunist. 1975. № 14. S.42–52; (In Russian).
3. Vinogradov A.V. «Vodjanye nedorazumenija»: nauka i gorodskoe samoupravlenie v bor'be s promyshlennym zagrjazneniem v pozdneimperskoj Rossii [«Water misunderstandings»: science and urban self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia] // Nauka i tehnika: Voprosy istorii i teorii. Materialy XLIII Mezhdunarodnoj godichnoj nauchnoj konferencii Sankt-Peterburgskogo otdelenija Rossijskogo nacional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tehniki Rossijskoj akademii nauk. Sankt-Peterburg, 2022. S. 293–294; (In Russian).

4. Vinogradov A.V., Agafonova A.B., Mancero I.I. «Pravo nebogatyh ljudej na neotravlennye vozduh i vodu»: gorodskoe samoupravlenie v bor'be s promyshlennym zagrijazneniem v pozdneimperskoj Rossii [«The right of poor people to unclean air and water»: city self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2022. № 79. S.34–43; (In Russian).
5. Vodnyj kodeks RSFSR. [Water Code of the RSFSR] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901700060?marker> (Data obrashhenija 31.10.2023); (In Russian).
6. Gajdin S.T., Burmakina G.A. Istorija ispol'zovanija i ohrany rek v processe industrial'nogo razvitija Vostochnoj Sibiri v sovetskij period [History of the use and protection of rivers in the process of industrial development of Eastern Siberia in the Soviet period] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2022. № 6 (81). S. 25–36; (In Russian).
7. Gololobov E.I. Antropogennoe vozdejstvie cheloveka na vodnye resursy Severa Zapadnoj Sibiri v period aktivnogo promyshlennogo osvoenija (1960–1975 gg.): na primere Surgut'skogo Priob'ja [Anthropogenic human impact on the water resources of the North of Western Siberia during the period of active industrial development (1960–1975): on the example of Surgut Priobye] // Vestnik Naberezhnochelinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta 2020. № 1(26). S. 28–33; (In Russian).
8. Gololobov E.I. Prostranstvo vody kak resurs i kak ugroza v istorii osvoenija Severa Zapadnoj Sibiri v XX veke. [The space of water as a resource and as a threat in the history of the development of the North of Western Siberia in the XX century] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. № 6 (75). 2021. S. 79–92; (In Russian).
9. Doklad o proekte narodnohozjajstvennogo plana na 1976–1980 gg. po razdelu «Ohrana prirody i racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov» [Report on the draft national economic plan for 1976–1980 under the section «Nature protection and rational use of natural resources»] // RGAJe F. 4372. Op. 67. Ed. hr. 183; (In Russian).
10. Dokladnye zapiski i spravki Otdela ohrany vodnyh istochnikov rukovodstvu Goszemvodhoza SSSR [Memos and certificates of the Water Sources Protection Department to the management of the USSR Goszemvodkhoz] // RGAJe F. 436 Op. 1. Ed. hr. 41; (In Russian).
11. Dokumenty ob ispol'zovanii i ohrane vodnyh resursov SSSR (1960–1968 gody) [Documents on the use and protection of water resources of the USSR (1960–1968)] // Sovetskie arhivy.1977. № 6. S.81–92; (In Russian).
12. Zakon «Ob ohrane prirody v RSFSR». [Law «On Nature Protection in the RSFSR.»] URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066838> (Data obrashhenija 31.10.2023); (In Russian).
13. Krasovitova Je.S. Jekologičeskie problemy ispol'zovanija vodnyh resursov Severo-Zapadnoj Sibiri v 1960-h — 1980-h gg. [Environmental problems of the use of water resources of Northwest Siberia in the 1960s — 1980s.] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. № 6 (63). 2019. S.20–28; (In Russian).
14. Makeeva E.D. Dejatel'nost' cheloveka kak prichina uhudshenija jekologičeskogo sostojanija reki Volgi v konce XIX — nachale XXI vv. (istoričeskij aspekt) [Human activity as a reason for the deterioration of the ecological state of the Volga River in the late XIX — early XXI centuries. (historical aspect)] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2021. № 6 (75). S. 58–69; (In Russian).
15. Makeeva E.D. Malye reki srednego Povolzh'ja na fone industrial'nogo razvitija regiona v 1950-e — 1980-e gg. [Small rivers of the middle Volga region against the background of the industrial development of the region in the 1950s — 198] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2022. № 6 (81). S. 37–45; (In Russian).
16. Materialy o merah po ohrane vodnyh resursov strany [Materials on measures to protect the country's water resources] // RGAJe F. 436. Op. 1. Ed. hr. 72; (In Russian).
17. Mostovenko M.S. Dejatel'nost' postojannyh komissij po ohrane prirody po zashhite vodnyh resursov Zapadnoj Sibiri v 1960-e — 1970-e gody (regional'nyj opyt HMAO i Omska) [Activities of the Standing Com-

- missions for Nature Protection for the Protection of Water Resources of Western Siberia in the 1960s — 1970s (regional experience of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Omsk) // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 6 (81). S. 46-57; (In Russian).
18. Nechiporuk D.M. *Poslevoennoe velikoe uskorenie: industrial'noe osvoenie Sibiri i vosprijatie problemy zagrjaznenija vodnyh resursov v 1950-1970-e gg.* [Post-war great acceleration: the industrial development of Siberia and the perception of the problem of water pollution in the 1950s and 1970s.] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2020. № 67. S. 26-32; (In Russian).
 19. Obertrajz Ju., Malinova-Tziafeta O. *Istorija gorodov i vodnye infrastruktury v Rossijskoj imperii i SSSR* [History of cities and water infrastructure in the Russian Empire and the USSR] // *Novejšaja istorija Rossii*. 2019. № 1. T.9. S.173-201; (In Russian).
 20. *Osnovy vodnogo zakonodatel'stva Sojuza SSR i sojuznyh respublik*. [Fundamentals of water legislation of the USSR and Union republics.] URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014803> (Data obrashhenija 31.10.2023); (In Russian).
 21. *Otchet otdela o vypolnenii zadanij Gosudarstvennogo plana na 1978 g. po razdelu «Ohrana prirody i racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov»* [Report of the department on the fulfillment of the tasks of the State Plan for 1978 under the section «Nature Protection and Rational Use of Natural Resources»] // *RGAJe F. 4372. Op. 67. Ed. hr. 2433*; (In Russian).
 22. *Otchety i spravki sotrudnikov otdela o rezul'tatah komandirovok po izucheniju i proverke pravil'nosti ispol'zovanija i ohrane vodnyh istochnikov ot zagrjaznenija* [Reports and reports of employees of the department on the results of business trips to study and check the correct use and protection of water sources from pollution] // *RGAJe F. 436. Op.1. Ed. hr. 172*; (In Russian).
 23. *Otchety i spravki sotrudnikov otdela o rezul'tatah komandirovok po izucheniju i proverke pravil'nosti ispol'zovanija i ohrane vodnyh istochnikov ot zagrjaznenija*. [Reports and reports of employees of the department on the results of business trips to study and check the correct use and protection of water sources from pollution.] // *RGAJe F. 436.Op. 1 Ed. hr. 173*; (In Russian).
 24. *Poruchenija Soveta Ministrov SSSR i materialy po vypolneniju poruchenij* [Instructions of the Council of Ministers of the USSR and materials on the execution of instructions] // *RGAJe F. 436. Op. 2. Ed. hr. 1917*; (In Russian).
 25. *Poruchenija Soveta Ministrov SSSR i materialy po vypolneniju poruchenij* [Instructions of the Council of Ministers of the USSR and materials on the execution of instructions] // *RGAJe F. 436. Op. 2. Ed. hr. 1920*. (In Russian).
 26. Prishhepa A.I. *Problema chistoj vody v Surgute v 1950-1990 gg.* [The problem of clean water in Surgut in 1950-1990.] // *Severnij region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2015. № 2-4 (32). S. 56-59.; (In Russian).
 27. *Spravki Otdela ohrany vodnyh istochnikov o sovremennom sostojanii ochildki stochnykh vod* [Water Sources Protection Department certificates on the current state of wastewater treatment] // *RGAJe F. 436. Op. 1. Ed. hr. 272*. (In Russian).
 28. Cincadze N.S. *Gosudarstvennoe regulirovanie socioprirodnih aspektov leso— i vodopol'zovanija v RSFSR v 1917-1939 godah* [State regulation of socio-natural aspects of forest and water use in the RSFSR in 1917-1939] // *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2018. № 1(58). S.44-53; (In Russian).
 29. Shmygleva A.V. *Jekologicheskaja drama rek Ob'-Irtys'hja* [Environmental drama of the Ob-Irtys'ha rivers] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021. № 6 (75). S.108-114; (In Russian).
 26. *Poruchenija Soveta Ministrov SSSR i materialy po vypolneniju poruchenij* [Instructions of the Council of Ministers of the USSR and materials on the execution of instructions] // *RGAJe F. 436. Op. 2. Ed. hr. 1917*. (In Russian).
 27. *Otchet otdela o vypolnenii zadanij Gosudarstvennogo plana na 1978 g. po razdelu «Ohrana prirody i racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov»* [Report of the department on the fulfillment of the

- tasks of the State Plan for 1978 under the section «Nature Protection and Rational Use of Natural Resources»] // RGAJe F. 4372. Op. 67. Ed. hr. 2433. (In Russian).
28. *Doklad o proekte narodnohozjajstvennogo plana na 1976-1980 gg. po razdelu «Ohrana prirody i racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov»* [Report on the draft national economic plan for 1976-1980 under the section «Nature protection and rational use of natural resources»]// RGAJe F. 4372. Op. 67. Ed. hr. 183. (In Russian).
 29. *Poruchenija Soveta Ministrov SSSR i materialy po vypolneniju poruchenij* [Instructions of the Council of Ministers of the USSR and materials on the execution of instructions] // RGAJe F. 436. Op. 2. Ed. hr. 1920. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.016

УДК 556.555.8:502.51:94(571.12)"19»

ББК 26.222.588г(2Рос-4Тюм)

Л.И. МИХЕЕВ,
Ю.С. МИХЕЕВА**МАЛЫЕ РЕКИ СЕВЕРА ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ
ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**L.I. MIKHEEV,
Y.S. MIKHEEVA**SMALL RIVERS OF THE NORTH
OF THE TYUMEN REGION IN THE CONTEXT
OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT
OF THE REGION IN THE SECOND HALF
OF THE XX CENTURY: ECOLOGICAL ASPECT**

Север Тюменской области представляет собой уникальный географический регион с богатым природно-ресурсным потенциалом. С середины XX века Сибирский Север являлся важным стратегическим объектом экономического развития государства ввиду открытия крупных месторождений нефти и газа. Начался период интенсивного освоения природных ресурсов территории, что в корне изменило не только систему природопользования, но и образ Сибирского Севера. Регион приобрел ярко выраженную промышленную направленность. Традиционные отрасли хозяйства отошли на второй план, хотя со стороны государства проводилась политика по их интенсификации.

Практически все природные ресурсы были задействованы в развитии промышленности: нефть, газ, лес, рыба. Стремительный характер их вовлечения соответствовал идеям общества и государства подчинить природу и использовать ее ресурсы по максимуму. При этом тот факт, что хрупкая северная экосистема чрезвычайно чувствительна к различным видам промышленного загрязнения, зачастую игнорировался промышленными ведомствами.

Реки, в том числе и малые, имеют важное экономическое значение в жизни общества: рыболовство, транспортное сообщение.

Малые реки региона изначально использовались для добычи рыбы и сплава леса, с развитием речного транспорта их стали использовать с целью организации перевозок, что увеличивало антропогенную нагрузку на них. В статье раскрываются экологические аспекты использования водных ресурсов малых рек региона в контексте промышленного освоения природных ресурсов. Целью данной статьи является определение последствий промышленного освоения Севера Тюменской области во второй половине XX века для малых рек региона.

The north of the Tyumen region is a unique geographical region with a rich natural resource potential.

Since the mid-twentieth century, the Siberian North has been an important strategic object for the economic development of the state, because large oil and gas fields were discovered. A period of intensive development of the territory's natural resources began. This radically changed the system of environmental management and the image of the Siberian North. The region has acquired a pronounced industrial orientation. Traditional sectors of the economy faded into the background, but the state pursued a policy to intensify them.

Almost all natural resources were involved in the development of industry: oil, gas, timber, fish. The rapid nature of their involvement corresponded to the ideas of society and the state to subjugate nature and use its resources to the maximum. At the same time, the fact that the fragile northern ecosystem is extremely sensitive to various types of industrial pollution has often been ignored by industrial authorities.

Rivers, including small ones, are of great economic importance in the life of society: fishing, transport links.

The region's small rivers were originally used for fishing and rafting. With the development of river transport, they were used for transport, which increased the anthropogenic burden on them. The article reveals ecological aspects of water use of small rivers of the region in the context of industrial development of natural resources.

The purpose of this article is to determine the consequences of the industrial development of the North of the Tyumen region in the second half of the twentieth century for the small rivers of the region

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: водные ресурсы, малые реки, север Тюменской области, природопользование, охрана природы.

KEY WORDS: small rivers, north of the Tyumen region, nature management, nature protection.

ВВЕДЕНИЕ. Север Тюменской области представляется уникальным регионом в силу географического месторасположения, природно-ресурсной составляющей, истории и культуры. Исторически данный регион является территорией проживания коренных малочисленных народов Севера — ханты, манси, ненцы. Веками коренные народы занимались ведением традиционного промыслового хозяйства, которое базировалось на рациональном подходе к использованию природных ресурсов, обожествлению сил природы. Коренные жители и природа находились в тесной взаимосвязи. Поэтому они стремились организовать свою хозяйственную деятельность с минимальным воздействием на окружающую среду. Привычная система природопользования в регионе изменилась с включением Сибири в состав Российского государства в конце XVI-XVII. Усилилось взаимодействие коренных народов с пришлым населением, в результате которого последовал переход на производящие отрасли хозяйства и увеличение объемов использования природных ресурсов.

Малые реки региона на протяжении столетий являлись неотъемлемой частью промыслового хозяйства коренных жителей. Наибольший объем антропогенной нагрузки на водные ресурсы был достигнут во второй половине XX века в связи с началом интенсивного промышленного освоения природных ресурсов Севера Тюменской области.

ЦЕЛЬ статьи — определение экологических последствий использования малых рек региона в период промышленного освоения во второй половине XX века.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой исследования являются архивные документы Тюменского областного комитета по экономике и прогнозированию Государственного архива Тюменской области, которые позволили продемонстрировать определенные подходы государства к освоению природных ресурсов. В статье были использованы методологические подходы экологической истории с целью определения причин возникновения экологических последствий взаимодействия общества, государства и природы. Региональный подход позволяет на конкретных примерах исследовать воздействие промышленного освоения природных ресурсов на малые реки исследуемого региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Малые реки активно использовались государством для развития хозяйственной деятельности в XX веке. Как отмечают исследователи, с конца XVIII в. малые реки использовались для водоснабжения промыш-

ленных регионов (Урал, Донбасс, средняя полоса европейской России), в течение XVIII–XIX вв. «для создания многочисленных межбассейновых водно-транспортных артерий», до 1940-х гг. с целью выработки энергии с применением примитивных водяных мельниц, с 1930-х для молевого сплава древесины, который позднее будет запрещен [12, с. 5–6].

Реки севера Тюменской области принадлежат, главным образом, к системе Оби, которая в пределах области достигает протяжения в 1776 км. Крупным притоком Оби является Иртыш. Более 4000 рек и речек орошают область. К малым рекам обычно относят реки протяженностью не более 100 км.

Ресурсы речного стока Западной Сибири представлены реками Обь и Иртыш с притоками, реками Обь-Иртышского междуречья и реками бассейна Карского моря. По абсолютной величине ресурсов речного стока Западная Сибирь занимает третье место, уступая Восточной Сибири и Дальнему Востоку. По условиям питания реки относятся преимущественно, к снеговым.

В начале XX века основой хозяйственной деятельности на Севере Западной Сибири продолжало оставаться промысловое хозяйство: охота, рыболовство, оленеводство и отчасти некоторые подсобные промысловые занятия (сбор ягод, орехов и др.) [7, с. 78]. В этот период А.А. Дунин-Горкавич отмечал, что «на Тобольском Севере сосредоточены самые лучшие рыболовные угодья Западной Сибири, и, соответственно, местное рыболовство имеет общегосударственное значение» [9, с. 174].

К концу 1940-х гг. «Тюменская область уже давала стране более 52% от всего вылова рыбы предприятиями Сибирского главка, или столько, сколько вылавливается в Омской, Новосибирской, Томской, Иркутских областях, Красноярском крае, Якутской и Бурято-Монгольской АССР вместе взятых» [1, Л.2].

Важное народнохозяйственное значение малых и средних рек Тюменской области было определено практически сразу после образования Тюменской области в 1944 году. «Реки не только богаты рыбой, но и в летний период служат главнейшими путями сообщения для транспортировки грузов. Обильные летние осадки в лесной зоне и слабый уклон водотока поддерживает оптимальный уровень в реках в летнее время, что обеспечивает возможность сплава весь летний период» [2, Л.20].

Наличие сети малых и средних рек способствовало развитию лесозаготовительной промышленности. Предприятия активно использовали молевой сплав для транспортировки древесины, что приводило к сильнейшему засорению рек и потере рыбохозяйственного значения этих водоемов. К началу 1950-х гг. в системе региональных властей существовало и активно вело работу Управление по транспортному освоению малых рек при Тюменском облисполкоме. Основной деятельностью управления являлось освоение малых рек области и обслуживание приречных районов завозом продуктов, товаров и древесины. Условия плавания речных судов зачастую затрудняли заторы на реках, которые возникали вследствие молевого сплава леса. Основным источником подобного загрязнения выступал «Тюменьлес», который должен был с 1950 году проводить плотовой сплав лес вместо молевого [4, Л.5]. В 1966–1970-х гг. молевой сплав проводился еще на 8 реках округа, к середине 1970-х гг., такой вид сплава должен был быть прекращен. Предприятия Минлеспрома СССР перешли на сухопутную доставку древесины в местах переработки и отгрузки [4, Л.5].

Открытие углеводородных месторождений в 1960-е гг. на Севере Тюменской области окончательно предопределило дальнейший вектор её развития. Водные ресурсы были активно вовлечены в процесс индустриального преобразования региона. «В 1950–60-е гг. наиболее крупный поток грузов направляли по Оби и Иртышу и затем развозили из пристаней и портов, играющих роль перевалочных пунктов, по малым рекам» [10, с. 55]. Согласно записке Плановой комиссии уральского экономического района «О некоторых

вопросах, связанных с разработкой проблемы освоения природных ресурсов Тюменской области» «по обеспеченности водными путями область находится в значительно лучших условиях. Суммарная длина основных рек в области превышает 30 тыс. км., из которых уже сейчас используются для судоходства более 12 тыс. км.» [3, Л.84].

С начала освоения нефтегазовых месторождений основным источником загрязнения водных ресурсов региона стали нефть и нефтепродукты. Накопительный эффект негативного воздействия на бассейн Оби привел не только к ухудшению системы естественного самоочищения рек, сокращению видового разнообразия рыб, водоплавающих птиц, но и к определенным социальным последствиям для коренного населения.

В 1979 году было принято Постановление Совета Министров РСФСР от 28.03.1979 № 107 «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», выполнение которого курировал Госплан. Уже к 1983 г. Госплан в своем отчетном документе отмечает, что в 1982 году в поверхностные воды, основными источниками которых являются реки, озера, Тюменской области сброшено 55 млн. куб.м. загрязненных сточных вод из общего объема водоотведения 413 млн.куб.м. Большая часть сбрасываемых загрязненных вод поступала от предприятий Миннефтепром. В течение 1980–1982 гг. из-за произошедших аварий на нефтепроводах в водоемы попало 6249 тонн нефти. Последствия таких аварий устранялись очень медленно. Кроме того, значительное загрязнение происходило при проведении буровых работ.

В результате сброса неочищенных вод, в реках Тюменской области в начале 1980-х гг. ПДК фенолов, нефтепродуктов и других загрязняющих веществ превышала в десятки раз. Наиболее серьезная ситуация с загрязнениями вод наблюдалась в районе городов Тобольск и Ханты-Мансийск (реки Иртыш), Ялуторовск, Заводоуковск и Сургут (р. Тобол), Тюмень (река Тура), Нижневартовск (р. Обь), а также в районе Обской губы и Тазовской, Юго-Западной части Карского моря [6, Л.36]. Акватория Обской и Тазовской губ является естественным нагульным и выростным водоемом ценных пород рыб Обь-Иртышского бассейна. Для нерестилищ рыб и нагульных площадей, промышленные аварии представляли особую опасность, так как выводились из строя тысячи километров этих площадей.

Рыболовная отрасль характеризовалась, с одной стороны, попытками интенсифицировать производство, а с другой — сохранялись весомые экологические факторы, связанные с добычей нефти, которые этому препятствовали. Как отмечает М.С. Мостовенко, наблюдалось повышение механизации производства, развитие инфраструктуры, расширение промысловых площадей, в том числе, и за счет малых водоемов, но при этом часть водоемов выходила из хозяйственного оборота ввиду последствий нефтедобывающей и лесной промышленности [8, с. 117].

В качестве основных причин сложившейся ситуации можно назвать не только открытое загрязнение нефтепродуктами, но и медленное строительство очистных сооружений промышленными предприятиями, отсутствие полного обеспечения береговых линий рек сооружениями для очистки нефтесодержащих вод, нефтесборщиками и ограждающими приспособлениями на случай аварийных разливов нефти.

К середине 1970-х гг. мероприятия по рациональному использованию водных ресурсов области, в которых принимал участие Тюменский филиал Северо-Уральской бассейновой инспекции, включали следующее:

- сокращение забора чистой воды на производство на 1095,0 мл. кубометров в год. Введены в эксплуатацию оборотное водоснабжение и повторное использование воды;
- введение очистных сооружений мощностью 147,0 тыс. кубометров в сутки для нужд поселений, отраслей народного хозяйства;
- уменьшение сброса замазученных стоков с судов.

Однако серьезным препятствием для проведения водоохранных мер являлись строительные предприятия, в обязанность которых входило создание очистных и иных сооружений. Пример: Трест «Тюменьоблстрой» с 1958 года осуществлял строительство внеплощадочных очистных сооружений города. К 1962 г. были построены вертикальный отстойник и хлораторная. Еще через 10 лет был построен биофильтр, но многочисленные нарушения строительства так и не позволили сдать объект [5, Л.3].

Вариант использования сточных вод для поддержания пластового давления при добыче нефти использовали нефтяники, когда после подготовки на очистных сооружениях промыслов, сточные воды закачиваются в систему поддержания пластового давления. Так в 1979 году закачено 73,9 млн.куб.м. сточных вод [6, Л.2].

К концу 1980-х гг. на уровне региональных властей постепенно происходит определенное осознание необходимости более действенных мер по улучшению экологической ситуации. Но зачастую это осознание сводилось к непосредственному определению проблем. Так, например, указывалось, что работа по охране природы Севера значительно осложняется отсутствием научно-обоснованной системы мероприятий, обязательных для выполнения всех ведомств при освоении природных богатств [6, Л.92]. В очередной раз отмечались негативные стороны ведомственного подхода к охране природных ресурсов: отсутствие организованного и целенаправленного поиска технических решений, направленных на улучшение способов рекультивации земель, восстановления отработанных буровых растворов [6, Л.95].

Проблемы промышленного загрязнения малых рек стали освещаться в конце 1980-х гг. на страницах региональной печати. Местные отделения ВООП открыто писали в окружной газете, что кроме загрязнения нефтью, малые реки, особенно, которые питаются родниками, продолжают оставаться местом сброса сточных коммунальных вод ближайших городов. Реки, которые находятся с лесозаготовительными предприятиями традиционно страдают от засорения древесиной. «Горкомбинат до такой степени засорил древесиной протоку м. Невлеву, что по ней даже шлюпке проехать невозможно» [11].

ВЫВОДЫ. Таким образом, можно сказать, что малые реки севера Тюменской области во все времена имели важное хозяйственное значение. Изначально значение заключалось в рыбном промысле, затем, с началом промышленного освоения природных ресурсов региона, реки стали выполнять роль транспортных артерий для судов, сплава леса и т.д.

Антропогенное воздействие на экосистемы рек было минимальным в условиях традиционной системы хозяйств коренных народов, речные ресурсы быстро восполнялись. С приходом русского населения на север Западной Сибири увеличивались объемы вылова рыбы и нагрузка постепенно возрастала.

Промышленное освоение территории с середины XX века в корне изменило привычное состояние малых рек. Интересы государства были сфокусированы на увеличении объемов добычи полезных ресурсов. Разведение рыбных хозяйств, увеличение количества речного транспорта, развитие лесозаготовительной промышленности, и, конечно, главное — добыча нефти и газа, — все это оказывало колоссальную нагрузку на речную систему региона.

Проводимые мероприятия по рациональному природопользованию, частично улучшали ситуацию, но объемы промышленного производства несопоставимы с объемами мероприятий по очищению, восстановлению природной экосистемы поврежденных участков природы Севера Тюменской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д.2024.
2. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д.43.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д.499.

4. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д.65.
5. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д.739.
6. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д.968.
7. Гололобов Е.И. Природопользование и охрана окружающей среды на севере Западной Сибири в 1920-е годы // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 77–82.
8. Гололобов Е.И., Мостовенко М.С. Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: от промысла — к отрасли // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 111–123.
9. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения: с картой и 43 рисунками в тексте. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1904. 78 с.
10. Книжников В.А. Организация работы речного транспорта на малых реках Тюменской области в первой половине 1960-х гг. // Вестник НВГУ. 2020. № 4. С. 54–60.
11. Кузьменко Л., Захаров В. Так как же быть с речкой? // Ленинская правда. 1989. 18 мая. С. 6.
12. Ткачев Б.П., Булатов В.И. Малые реки: современное состояние и экологические проблемы: Аналит. обзор / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2002. 114 с.

REFERENCES

1. GBUTO GASPITO [State budgetary institution of the Tyumen region State archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 124. Op.1. D. 2024. (In Russian).
2. GBUTO GATO [State budgetary institution of the Tyumen region State archive of the Tyumen region]. F. 1726. Op.1. D.43. (In Russian).
3. GBUTO GATO [State budgetary institution of the Tyumen region State archive of the Tyumen region]. F. 1726. Op. 1. D. 499. (In Russian).
4. GBUTO GATO [State budgetary institution of the Tyumen region State archive of the Tyumen region]. F. 1726. Op. 1. D. 65. (In Russian).
5. GBUTO GATO [State budgetary institution of the Tyumen region State archive of the Tyumen region]. F. 1726. Op. 1. D. 739. (In Russian).
6. GBUTO GATO [State budgetary institution of the Tyumen region State archive of the Tyumen region]. F. 1726. Op. 1. D. 968. (In Russian).
7. Gololobov E.I. *Prirodopol'zovanie i ohrana okruzhayushchej sredy na severe Zapadnoj Sibiri v 1920-e gody* [Nature management and environmental protection in the north of Western Siberia in the 1920s] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 299. S. 77–82. (In Russian).
8. Gololobov E.I., Mostovenko M.S. *Rybolovnoe i ohotnich'e hozyajstvo Severa Zapadnoj Sibiri v 1960–1980-e gg.: ot promysla — k otrasli* [Fishing and hunting economy of the North of Western Siberia in the 1960–1980s: from fishing to industry] // Vestnik ugrovedeniya. 2016. № 3. S.111–123. (In Russian).
9. Dunin-Gorkavich A. A. *Tobol'skij Sever: obshchij obzor strany, ee estestvennyh bogatstv i promyshlennoj deyatel'nosti naseleniya: s kartoj i 43 risunkami v tekste*. [Tobolsk North: a general overview of the country, its natural resources and industrial activity of the population: with a map and 43 pictures in the text]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1904. 78 s. (In Russian).
10. Knizhnikov V.A. *Organizaciya raboty rechnogo transporta na malyh rekah Tyumenskoj oblasti v pervoj polovine 1960-h gg.* [Organization of river transport on small rivers of the Tyumen region in the first half of the 1960s.]. // Vestnik NVGU. 2020. № 4. S. 54–60. (In Russian).
11. Kuz'menko L., Zaharov V. *Tak kak zhe byt' s rechkoj?* [So what about the river?]. // Leninskaya pravda. 1989. 18 maya. S. 6. (In Russian).
12. Tkachev B.P., Bulatov V.I. *Malye reki: sovremennoe sostoyanie i ekologicheskie problemy: Ana lit. obzor* [Small rivers: current state and environmental problems]. / GPNTB SO RAN. Novosibirsk, 2002. 114 s. (In Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XVII–XX

TOPICAL ISSUES OF NATIONAL HISTORY OF THE XVII–XX CENTURIES

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.017

УДК 355.134:94(470/571)“16/19”

ББК 63.3(2)5-3

Р.Т. ЛАТЫПОВ,
А.В. РУЧКИН

**НАГРАДНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ
XX ВЕКА: АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ**

R.T. LATYPOV,
A.V. RUCHKIN

**AWARD SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE XVII – EARLY XX CENTURY:
TRANSFORMATION ANALYSIS**

В статье авторы проводят экскурс в историю развития орденской системы Российской империи, начиная с конца XVII века и заканчивая первой четвертью XX века. Основная цель исследования состоит в том, чтобы определить причины трансформации комплекса личных наград в указанный период, определить достоинства и недостатки формирующейся наградной системы. Авторы опирались как на исторические материалы, так и на исследования ранних периодов. Научная новизна состоит в систематизации изменений, которые касались как самого фалеристического комплекса, так и организации функционирования данного института. Практическая значимость состоит в том, что отдельные элементы, исходя из политической и социально-экономической ситуации, могут быть учтены органами государственной власти при развитии института государственных наград как на федеральном, так и на региональном уровне.

In the article, the authors conduct an excursion into the history of the development of the order system of the Russian Empire, starting from the end of the XVII century and ending with the first quarter of the XX century. The main purpose of the study is to determine the reasons for the transformation of the complex of personal awards in the specified period, to determine the advantages and disadvantages of the emerging award system. The authors relied on both historical materials and studies of early periods. The scientific novelty consists in the systematization of changes that concerned both the floristic complex itself and the organization of the functioning of this institute. The practical significance lies in the fact that certain elements, based on the political and socio-economic situation, can be taken into account by state authorities in the development of the institute of state awards both at the federal and regional levels.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ордена, наградная система, Российская империя, наградные знаки, Кавалерская дума.

KEY WORDS: orders, award system, Russian Empire, award badges, Cavalier Duma.

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью переосмысления опыта развития фалеристического (наградного) комплекса в стране. В Российской Федерации возродили знак отличия, особо чтимый в Советском Союзе, — медаль «Зо-

лотая звезда Героя», а также орден Святого апостола Андрея Первозванного — высшей награды Российской империи. Фалеристический комплекс — это не только культурно-историческое наследие, он должен соответствовать потребностям современного общества и адекватно отражать социокультурные явления современности. Опора на прочные традиции, их изучение и переосмысление должны не только способствовать росту самосознания, но и консолидации нации, на чем базировалась основная идея при учреждении орденов в период Великой Отечественной войны. Территориально исследование проведено в рамках границ Российской империи, но с учетом их изменения вследствие тех или иных событий.

Статья посвящена возникновению и развитию фалеристического комплекса России, то есть от создания первого ордена Российской империи — Святого Апостола Андрея Первозванного до учреждения ордена «Родительская слава», после чего комплекс личных наград Российской Федерации не подвергался каким-либо преобразованиям.

В работе был использован проблемно-хронологический принцип подхода к теме и в качестве основного — метод сравнительно-исторического анализа, что позволило, в частности, сопоставить процессы развития наградной системы и внутривнутриполитические и внешнеполитические события и тенденции.

Под фалеристическим комплексом в данной работе рассматриваются наградные знаки отличия, наградная документация, изобразительные материалы и кинофотодокументы, связанные как с самими орденами, так и с процессом их награждения [2, с. 3]. Основой этого комплекса разнотипных исторических источников являются наградные знаки отличия, без которых не может обойтись ни один достаточно совершенный государственный аппарат.

Другим базовым термином работы является определение системы государственных личных наград (комплекса личных наград, наградной системы). В отличие от фалеристического комплекса, наградная система включает в себя лишь наградные знаки отличия «личного» характера [1, с. 31]. Некоторые исследователи используют понятия «фалеристический комплекс» и «система государственных личных наград» как равноценные [5, с. 78]. В данной курсовой работе мы будем придерживаться данного тождества.

Научное исследование наградного дела России в исторической ретроспективе является залогом рационального совершенствования законодательства о государственных наградах, повышения социальной эффективности награждений, мобилизации социально активной части населения на решение важнейших государственных и общественных задач.

Исходя из обозначенной темы, объектом данной работы является фалеристический (наградной) комплекс России (в данном контексте — Российской империи) как важнейший социокультурный институт политической жизни общества. Предметом исследования является деятельность государственных институтов по развитию наградной системы в соответствии с государственными и общественными потребностями.

ЦЕЛЬЮ статьи является изучение и обобщение исторического опыта функционирования комплекса личных наград в 1697–1917 годах.

Исходя из обозначенной цели, определены следующие конкретные задачи:

- определить степень научной исследовательности проблемы и охарактеризовать источниковую базу;
- показать основные цели, задачи и направления государственной политики по формированию и развитию наградной системы на разных этапах развития государства;
- выявить положительные и отрицательные результаты развития фалеристического комплекса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В работе использованы различные работы по истории России, фалеристике и нумизматике. В ходе исследования были выявлены различные труды, как коллективные, так и публикации отдельных авторов. Их изучение позволило

проследить изменение формальных признаков фалеронимов, а также изменения государственной политики в наградной системе, обосновать хронологические рамки исследования и определить общие типологические черты наградной системы России.

Основой любого научного исследования являются исторические источники, то есть все то, что создается в процессе человеческой деятельности и несет информативный характер о многообразных сторонах общественной жизни. Наиболее распространенной градацией исторических источников, исходя из темы исследования, является их классификация по видам:

1. наградные знаки отличия (ордена);
2. наградная документация (наградной акт, наградная статистика и иные сведения о фалеристических знаках и кавалерах, взятые из различных видов письменных источников);
3. изобразительные источники — живописные, литографические и графические работы, кинофотодокументы, связанные с наградными знаками и награжденными ими;
4. законодательные акты;
5. воспоминания, дневники, частная переписка.

Нам были доступны лишь некоторые категории источников, в частности, опубликованные письменные источники (наградная документация, законодательные акты) и изобразительные источники.

Применительно к теме исследования из общего комплекса выявленных работ можно выделить: общие исторические работы, общие работы по фалеристике и ее истории, исследования по отдельным проблемам фалеристики.

В работе предпринята попытка комплексного подхода к изучению процессов формирования наградной системы Российской империи. В рамках данного исследования рассматриваются не только вопросы отраслевой, но и общей фалеристики, освещаются причины возникновения наградных знаков отличия, рассматриваются функции наград.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. К середине XVIII века в России утвердились три ордена:

- орден Святого Андрея Первозванного — высший государственный орден, которым награждали за особые заслуги перед государством;
- орден Святой Екатерины — женский орден, которым награждали женщин знатного сословия в основном за благотворительную деятельность;
- орден Святого Александра Невского — орден, которым вознаграждали заслуги на гражданской и военной службе.

Новый комплекс личных наград ставил служилое дворянство на одну ступень с родовитым боярством, уравнивая их в правах. Государственная служба на любом поприще возводилась в ранг абсолютной добродетели. Следует особо подчеркнуть то, что государство поощряло благотворительную и попечительскую деятельность. Учреждение в стране женского ордена, с одной стороны, подчеркивало новое место дворянки в России, с другой, определяло сферу деятельности женщин знатного сословия в обществе. Таким образом, можно сказать, что в эпоху Петра Великого было положено начало российскому наградному комплексу, который требовал усовершенствования, так как был нацелен на награждение высшей знати. Дальнейшее развитие он получит при Екатерине II и Павле I.

Можно сказать, что в период правления Екатерины II была проведена реформа в орденской системе России. Целью реформы являлось создание специализированных орденов — ордена Святого Георгия для военных чинов и ордена Святого Владимира для штатских служащих [8, с. 76]. Ордена, учрежденные Екатериной II, предназначались как для генералитета, так и для офицерства. Отличительной особенностью новых орденов было наличие пенсий. Также кавалеры ордена Святого Георгия либо ордена Святого Владимира в от-

личие от кавалеров других российских орденов при пожаловании не был обязан платить вступительный взнос. Значимость этой награды подчеркивало и то, что даже после смерти кавалера его жена пользовалась его пенсией еще год.

На наш взгляд, с одной стороны, пенсии вводились для популяризации орденов, с другой стороны, для придания орденам большей значимости. Для этого были как объективные, так и субъективные причины. К первым можно отнести необходимость в специализированных орденах для военных и гражданских чинов. Особенно остро стоял вопрос с награждением офицеров и чиновников, начиная с XIV класса. Ко вторым мы относим зависимость императрицы от поддержки дворян. В течение всего своего правления Екатерина II расширяет привилегии дворянского сословия. Возможно, это было вызвано особенностью прихода к власти. Напомним, что часть дворянства поддержала Екатерину II в качестве регента при малолетнем Павле.

Рассматривая созданные Екатериной II ордена в контексте российских орденов, можно выделить как сходства, так и отличия. Орденские знаки новых орденов, как и ранее учрежденных могли помещаться на гербах и личных печатях награжденных. Продолжая сложившуюся традицию, Екатерина II не ограничивала максимальное количество кавалеров орденов. Монополизация государством права изготовления и украшения орденских знаков привела к тому, что орденские знаки после смерти кавалера возвращались в Кавалерскую Думу соответствующего ордена. Кавалерской Думе также вменялось в обязанность вести списки кавалеров. Впервые в статуте новых орденов подчеркивалось служение, прежде всего, Отечеству и только затем императору. Стоит отметить, что при Екатерине II закрепляется правило, по которому при награждении орденами иностранных подданных изображение святого заменяли на изображение двуглавого орла, чтобы не оскорблять религиозных чувств награжденного [3, с. 37].

Вторая реформа наградной системы произошла в 1797 году в царствование Павла I. Реформа осуществлялась с целью систематизации уже сложившейся орденской системы в России. К достоинствам реформы можно отнести:

- все российские ордена объединялись в единый Российский Кавалерский орден и отныне объявлялись его классами (или степенями);
- официальное принятие Уставов старейших и вновь принятых российских орденов;
- впервые официально были утверждены орденские костюмы кавалеров;
- было прописано четкое описание материального поощрения как то размеры, категории земельных владений и их количество;
- четко формулировались требования, предъявляемые к кандидатам в кавалеры орденов;
- вводились официальные должности для ведения дел орденов, как то канцлер, герольды, секретари. Прописывались обязанности, вменяемые к занимавшим ту или иную должность. Также указывались способы ношения орденского знака, позволявшие различать одно должностное лицо от другого [7, с. 594–604].

Следует отметить, что XIX век не был знаменательным в истории наградной системы Российской империи. В это период были введены лишь ордена Белого Орла и Святого Станислава [6, с. 216], которые стали российскими в результате присоединения Польши к государству. Награды не имели большого значения в имперском обществе и ими поощрялись лишь купеческого сословия без права присвоения дворянского звания, исключая первые степени. В царствование Николая I была проведена реформа, особенностью которой является учреждение Знака отличия беспорочной службы и Мариинского знака [4, с. 23]. Уникальностью данных наград являлось то, что государство начинает создавать механизм морального стимулирования добросовестного труда на благо общества, хотя раньше награждению подлежали только неординарные поступки. Кроме того, Мариинский знак, созданный

специально для поощрения женщин, выдвигал Россию на передовые позиции в реформировании наградной системы, так как подобных знаков в странах Европы не существовало.

В период правления Александра II политика в сфере государственных личных наград была направлена на ранжирование имеющихся орденов в зависимости от рода деятельности новичиатов и систематизацию наградного оружия. Особо заострим внимание на последнем пункте данной реформы. Наградным оружием являлось только холодное, что подчеркивало знатное происхождение награждаемого (наличие шпаги и тому подобного — привилегия дворян) и верность сложившимся русским традициям со стороны правительства.

Дальнейшие шаги по развитию наградного комплекса Российской империи носили лишь чисто внешний аспект, так как были направлены на разработку способов ношения имеющихся наград.

Собственного наградного комплекса в период Временного правительства, как такового, не было. Все ордена императорской России остались, с них были сняты лишь символы власти — большие и малые императорские короны, скипетр и держава.

ВЫВОДЫ. Подводя итоги развитию наградной системы в Российской империи, отметим, что становление и развитие наградного комплекса России происходит с учетом опыта Европы, но при этом сохраняются и русские традиции. В России, как и в Европе, появляются ордена, «царские персоны», формируется иерархия орденов. При формировании и развитии наградной системы государство реализовывало многие социальные задачи, стоявшие в то или иное время. В изучаемый период можно выделить шесть этапов формирования и развития наградного комплекса страны: правления Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II.

Наградной комплекс, оформившийся в петровскую эпоху, решал следующие государственные задачи:

- создание стереотипов поведения для служилого дворянства и чиновничества, поощряемых государством и императором;
- создание морального стимула для дворянства и чиновничества государственно значимой деятельности;
- расширение условий для привлечения иностранных специалистов в Россию;
- включение женщин в общественную деятельность.

В эпоху правления Екатерины Великой перед государством стояла цель дальнейшего развития комплекса личных наград в стране. При достижении поставленной цели правительство осуществляло:

- расширение социальной опоры самодержавия;
- социальную дифференциацию награжденных через учреждение «степенных» орденов и увеличение числа личных наград;
- создание моральных и материальных стимулов для стремления к карьерному росту;
- создание условий для популяризации государственной службы на благо Отечества;
- создание стимула к непрерывной и беспорочной службе через учреждение наград за выслугу лет, предоставляющих определенные привилегии.

Несмотря на успешную реализацию поставленных задач, Екатерина II оставила в наследство Павлу бесструктурную орденскую систему. Павел I, приводя в порядок структуру орденской системы, параллельно наводил должностную дисциплину и разрабатывал четкий план по урегулированию государственных расходов.

Общим лейтмотивом последующих трех реформ является создание стимулирующих факторов для различной общественной деятельности, с одной стороны, и ограничение доступа в дворянское сословие, с другой.

Большинство изменений, произошедших в XIX-начале XX веков в комплексе личных наград, напрямую связаны, на наш взгляд, с таким явлением, как милитаризация российского

общества. На это указывает дифференциация боевых наград: учреждение Знака отличия военного ордена Святого Георгия (1807 год), использование специальных наград для генералитета в период Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии, использование на орденских знаках скрещенных мечей как атрибута на указание на воинские подвиги (1855 год). Особо хотим подчеркнуть, что впервые в Российской империи предусматривается награждение за оборону (ордена Белого Орла и Святого Станислава), тогда как ранее отмечались лишь наступательные действия.

В период с 1881 года по 1917 год преобразования в наградном комплексе носили так называемый униформологический характер. Это проявлялось в обновлении правил ношения орденов и иных знаков отличия в связи с изменениями военных и статских мундиров.

Сложившийся в Российской империи наградной комплекс обладал как достоинствами, так и недостатками. Позитивным признаком данного комплекса является демократический характер награждений. Он проявлялся в том, что в российской армии, в отличие от армий Европы, награждению подлежали все участники того или иного события (от рядового до генерал — фельдмаршала). Несмотря на демократический характер награждений, в сложившемся комплексе присутствовал принцип социальной дифференциации награжденных. В свою очередь, награждение всех достойных создавало в гражданском обществе эталон поведения и деятельности, одобряемых государством. Многообразие аспектов наградной системы позволяло учитывать различные аспекты социально значимой деятельности. Пожалование орденами и другими наградами, давало награжденным не только моральное, но и, в большинстве случаев, материальное удовлетворение. Кавалерам орденов вменялось государством осуществление благотворительной и попечительской деятельности. Целенаправленно этим занимались Кавалерственные Думы.

К негативным чертам наградного комплекса Российской империи мы относим отсутствие четко прописанных условий для награждения. Это вносит элемент хаоса и дает возможность императорам награждать приближенных за личные заслуги перед ними.

Советские исследователи при анализе наградного комплекса дореволюционной России акцентировали внимание на недостатках, прежде всего, на классовом характере комплекса. Создавалось впечатление, что достоинств совсем не было. Мы с этим не согласны, что мы доказали выше.

ВЫВОДЫ. Подводя итог, можно утверждать, что в конце XVII— начале XX веков происходит становление наградного комплекса как социокультурного института Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурков В. Историография отечественных фалеронимов и фалеристики. М., 1990.
2. Бурков В. Фалеристика: учебное пособие. Л., 1985.
3. Дуров В. Русские награды XVIII — начала XX веков. М., 1997.
4. Кузнецов А. Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 2004.
5. Непейн И. За веру и верность Орден св. Андрея Первозванного // Уральский следопыт. 1995. № 2. С. 77–79.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 6. СПб., 1832.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 23. СПб., 1830.
8. Шевелев Е. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков. Л., 1962.

REFERENCES

1. Burkov V. *Istoriografiya otechestvennykh faleronimov i faleristiki* [Historiography of Russian falernyms and faleristics]. M., 1990. (In Russian).

2. Burkov V. *Faleristika: uchebnoe posobie* [Faleristics: textbook]. L., 1985. (In Russian).
3. Durov V. *Russkie nagrody XVIII — nachala XX vekov* [Russian awards of the XVIII — early XX centuries]. M., 1997. (In Russian).
4. Kuznetsov A. *Nagrody: entsiklopedicheskiy putevoditel' po istorii rossiyskikh nagrad* [Awards: an encyclopedic guide to the history of Russian awards]. M., 2004. (In Russian).
5. Nepein I. *Za veru i vernost'. Orden sv. Andrey a Pervozvannogo* [For faith and fidelity. Order of St. Andrew the First-Called] // *Ural'skiy sledopyt*. 1995. № 2. S. 77–79. (In Russian).
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie II.T.6. SPb., 1832. (In Russian).
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. T.23. SPb., 1830. (In Russian).
8. Shevelev E. *Katalog otechestvennykh ordenov, medaley i nagrudnykh znakov* [Catalog of domestic orders, medals and badges]. L., 1962. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.018
УДК 342.518:94(470/571)"1731/1741"
ББК 63.3(2)5-33

А.В. ФАИЗОВ

**ХРОНИКА ИСТОРИИ КАБИНЕТА
МИНИСТРОВ ПРИ РАЗНЫХ «СОСТАВАХ»
(1731–1741)**

A.V. FAIZOV

**CHRONICLE OF THE HISTORY
OF THE CABINET OF MINISTERS UNDER
DIFFERENT «COMPOSITIONS» (1731–1741)**

Анализируется проблема состава Кабинета министров с недостаточно изученного ракурса субъективного влияния членов на развитие высшего органа власти. В ходе исследования предпринимается своеобразный эксперимент по формированию совокупной хроники истории Кабинета и ее периодизации по этапам деятельности разных министерских «составов», целью которого является поиск признаков неочевидных взаимосвязей между персональными переменами в «присутствии» и процессом структурно-функциональной эволюции высшего органа. При этом выяснилось, что среди факторов, обусловивших однонаправленный рост Кабинета, были как элементы статики (стабильное ядро состава, обеспечивавшее преемственность), так и динамики (спорадическое включение новых лиц, благодаря или вопреки воле которых в устройство учреждения проникали элементы новизны). Сделаны также заключения о том, на каком этапе наиболее часто издавались постановления о компетенции данного органа; а также каким путем внедрялись в жизнь новые способы и формы его деятельности. Изыскания, осуществленные в работе, позволили более определенно поставить заявленную проблему, причем полученные результаты вызывают новые вопросы, которые могут стать отправными точками дальнейшего изучения темы.

The article analyzes the problem of the composition of the Cabinet of Ministers from an insufficiently studied perspective of the subjective influence of members on the development of the highest state body. In the course of the study, the author undertakes an analytical experiment on the formation of a cumulative chronicle of the history of the Cabinet and its periodization according to the criterion of changing ministerial «compositions». The purpose of this experiment is to search for signs of non-obvious relationships between personal changes in the «presence» and the processes of transformation of the structural and functional appearance of the institution of higher authority. As a result of the study, it turned out that among the factors evolution of the Cabinet, from the point of view of the personal component, both elements of statics (a stable core of the composition that ensured continuity) and dynamics (the sporadic inclusion of new persons, when elements of novelty penetrated in forms of functioning of the institution, thanks to or against their will). On the basis of the presented factual overview of the history of the Cabinet, the researcher makes a conclusion about the stage at which the most numerous decrees related to the competence of this body were issued, as well as to determine the path for introducing new methods and forms of its activity. At the same time, the research carried out made it possible to pose the scientific problem more clearly, and the findings obtained in work raise new questions that can become starting points for further investigation of the topic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кабинет министров, высший орган власти, состав, министр, полномочия, организация, делопроизводство, Остерман, Черкасский, Волынский

KEY WORDS: Imperial cabinet of ministers, the highest state body, cabinet composition, minister, powers, organization, office documentations, Osterman, Cherkassky, Volynsky

ВВЕДЕНИЕ. Императорский Кабинет министров как орган государственной власти специфичен тем, что являлся одновременно и личным секретариатом монархии, и общеимперским правительственным институтом. Другая важнейшая особенность в том, что его функционирование было законосообразно, ибо основывалось на именных указах монархии; но универсальность сферы его ведения, соответствовавшей административным функциям самодержца, не позволяла сформулировать четкое законодательное определение кабинетской компетенции и юридически конституировать его статус по отношению к другим госструктурам.

Деятельность аннинского Кабинета Е. И. В. с давних пор вызывает интерес ученых: она затрагивалась в работах по истории государственных учреждений, общеисторических, научно-биографических и других трудах [2; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 16; 18; 24; 32]. Однако число специальных исследований по истории этого института является незначительным [4; 21; 25; 26; 28; 29; 30; 31], вследствие чего задействованный в науке источниковый материал проанализирован не в полной мере, а полученные в историографии заключения нуждаются в уточнениях и обобщениях. Так, даже в специальной литературе основное внимание традиционно уделяется общему значению Кабинета во властной системе, его компетенции и полномочиям, а также «ущемлению» им прерогатив Сената; тогда как особенности его структурной организации, делопроизводственной документации или субъективного влияния его членов на эволюцию госоргана затрагиваются в значительно меньшей степени.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В данной статье предпринимается своего рода аналитический эксперимент: путем формирования краткой, но совокупной хроники истории Кабинета (включая характеристику таких сторон функционирования как полномочия и компетенция, организация и делопроизводство) и осуществления ее первичной, эмпирической периодизации по этапам деятельности разных «составов» попытаться выявить признаки скрытых взаимосвязей между персональными рокировками в «присутствии» и перипетиями структурно-функционального развития госоргана (в 1731–1741 гг.). **ЦЕЛЬ** — рассмотреть внутреннюю, фактографическую историю учреждения, которая сознательно не выписана в «широкий контекст», а периоды не подвергнуты теоретической генерализации. Термин «составы Кабинета», звучащий непривычно для высшего органа России XVIII в., используется как логический инструмент для упорядочивания фактического материала. Автор сознает гипотетичность и дискуссионность периодизации по кабинетским «составам»: меры, осуществленные при одном «составе», могли быть подготовлены прежним «составом», могли являться следствием высочайшей воли, сторонних влияний, объективной необходимости и других факторов.

Прежде чем приступить к рассмотрению основных вех истории функционирования Кабинета министров, назовем сановников, которым довелось присутствовать в его составе:

- 1) А.И. Остерман ((18 октября) 10 ноября 1731 г. — 25 ноября 1741 г.) (после упразднения Кабинета при Елизавете Петровне был арестован и сослан);
- 2) А.М. Черкасский ((18 октября) 10 ноября 1731 г. — 25 ноября 1741 г.) (после ликвидации учреждения назначен на другую должность, сохранил положение при императрице Елизавете);
- 3) Г.И. Головкин ((18 октября) 10 ноября 1731 г. — 20 января 1734 г.) (скончался на своем посту);
- 4) П.И. Ягужинский (28 апреля 1735 г. — 6 апреля 1736 г.) (скончался на своем посту);
- 5) А.П. Волынский (3 апреля 1738 г. — 12 апреля 1740 г.) (арестован, затем казнен при Анне Ивановне);

- б) А.П. Бестужев-Рюмин (18 августа 1740 г.— 9 ноября 1740 г.) (после свержения регента Э.И. Бирона, при правительнице Анне Леопольдовне арестован, сослан в деревню, затем возвращен в Петербург; при Елизавете Петровне будет очень влиятелен);
- 7) Б.Х. Миних (9 ноября 1740 г.— 3 марта 1741 г.) (добровольная отставка при Анне Леопольдовне, ссылка при императрице Елизавете);
- 8) М.Г. Головкин (9 ноября 1740 г.— 25 ноября 1741 г.) (после упразднения Кабинета при Елизавете Петровне был арестован и сослан).

Перечисленные деятели, условно говоря, образовали девять сменявших друг друга «составов» данного высшего органа. Основные события его развития при каждом «составе» представлены ниже. Фактологическую характеристику некоторых из обозначенных периодов при необходимости будем предварять вступительными замечаниями касательно фактического присутствия членов на рабочем месте.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Состав первый (ноябрь 1731 — январь 1734 г.):

А.И. Остерман, А.М. Черкасский, Г.И. Головкин.

(В период деятельности Кабинета при первом «составе» в нем работали, как правило, только два министра: Остерман и Черкасский. Г.И. Головкин, которому было более 70-ти лет, обычно заседания не посещал. Дни, когда он находился в «присутствии», в журналах фиксировались особо. За ноябрь — декабрь 1731 г. Г.И. Головкин не был там ни разу, в 1732 г. он посетил Кабинет 14 раз (с 8 января по 15 июля 1732 г. [5, т. 1, с. 135, 340] отсутствовал вследствие того, что после переезда в Петербург императрицы, двора и правительственных учреждений он оставался в Москве); в 1733 г. — присутствовал в «министерской» комнате 36 раз [5, т. 1–2], в последний раз — 4 ноября 1733 г., 20 января 1734 г. Г.И. Головкин скончался [3, с. 128; 27, с. 36; 33, с. 407]. В литературе фигурируют и другие даты его смерти: декабрь 1734 г. [25, ч. 1, с. 128], 26 января 1734 г. [15, с. 583], а в Интернет-справочниках — 25 июля 1734 г. Многие исследователи, будто избегая называть точное число, пишут, что Ягужинский станет министром «после смерти Головкина в 1734 г.» [12, с. 227; 16, с. 152; 17, с. 142; 24, с. 463; 30, с. 16]. Или, например, Е.В. Анисимов использовал следующую формулировку: «после смерти Головкина в январе 1734 г.» [2, с. 279]).

Кабинет Ея Императорского Величества был легализован сначала как монарший секретариат «для порядочного отправления всех Государственных дел, которые к собственному Нашему определению и решению подлежат», указами от 18 октября, 6 и 10 ноября [5, т. 1, с. 1–2, 6; 19, т. 8, № 5871], затем было положено начало его первичной организации: назначены часовые, сторожа, два «ездовых сержанта», для обеспечения его работы была выделена сначала небольшая сумма, определены делопроизводители, установлены правила внутреннего письмоводства. Наряду с практикой устных приказов в подчиненные госучреждения, передаваемые через их служителей (что применялось до упразднения высшего органа), в госструктуры и должностным лицам стали рассылаться «записки» с приказами министров. Еженедельные сенатские доклады императрице о делах прекратились. В Кабинете аккумулярованы основные действующие указы и регламенты, копии высочайших резолюций, а также ведомости о приходе и расходе денежных средств [5, т. 1, с. 5, 6–8]. Сенат, Синод, коллегии и канцелярии стали подавать в Кабинет ежемесячные репорты сначала о нерешенных челобитчиковых делах, а затем также ежемесячные репорты о решенных и нерешенных государственных делах [5, т. 1, с. 106]. Кабинет получал ведомости о числе душ, «внесенных и невнесенных в перепись», о раскладке подушной подати, о сборах с петербургских «обывателей», о взыскании «доимок», о «счислении государственных доходов и расходов», о разработке окладной книги. С декабря 1731 г. в новый орган стали поступать донесения, адресованные императрице или Кабинету (хотя они подписывались самой самодержицей по 1734 г. включительно). Еще во время негласного функционирования будущего высшего

органа под его контроль была поставлена Соляная контора (август 1731 г.) [19, т. 8, № 5827]. Далее в его подчинение были переданы Медицинская канцелярия и контрольные органы: Счетная, Провиантская и Кригс-комиссариатская комиссии, а затем также — Доимочный приказ и Главная полицмейстерская канцелярия [5, т. 1, с. 164, 367; 19, т. 8, № 5958, 6155, т. 9, № 6412, 6529]. Кроме того, Кабинет принял на себя функцию смотра недорослей и оставших офицеров, одно время взял на себя трудновыполнимую обязанность проводить также смотры всех назначаемых Сенатом воевод и секретарей. С 1732 г. Кабинет стал отправлять другим госструктурам «письма именным указом» (по 1736 г.), одновременно также рассылались письма распорядительные и информационные. В 1733–1734 гг. использовалась переходная документальная форма «предложений», которые адресовались Сенату, Синоду и центральным органам. С сентября 1733 г. министры уже позволяли себе подписывать от имени императрицы высочайшие рескрипты генералам. Между тем в Кабинет стекались самые разные дела, его предписания направлялись в высшие, центральные и даже напрямую в местные органы власти и управления. Он участвовал в подготовке законопроектов, назначал следственные комиссии, сам вел следствие и вершил суд.

Таким образом, в период деятельности первого «состава» Кабинет формировался как управленческий институт: под влиянием практических потребностей, связанных с обслуживанием высочайшего участия в управлении, складывалось первоначальное его структурное устройство и определялось проблемное поле его компетенции; рядом разрозненных именных указов были закреплены его контрольные функции, наметились значительный рост полномочий и возможности для самостоятельного санкционирования монарших постановлений.

Состав второй (январь 1734 — апрель 1735 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский.

С 1734 г. в кабинетской делопроизводственной документации появилась форма «сообщений» в Сенат (эта форма оказалась удачной и применялась до упразднения высшего органа), реже — в Синод, коллегии и канцелярии; одновременно Кабинет начинает рассылать «указы» в центральные и местные учреждения. Стали практиковаться — в последующие годы будут регулярными — «объявления» через высший орган высочайших повелений (устных указов императрицы). С февраля 1734 г. министры иногда утверждали уже собственно именные указы. Следовательно, на данном этапе влияние Кабинета росло подспудно, явочным путем.

Состав третий (апрель 1735 г. — апрель 1736 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский, П. И. Ягужинский.

(Здоровье Ягужинского было расшатано «кутежами и всякими излишествами». По данным «Русского биографического словаря», «В январе 1736 г. Ягужинский заболел лихорадкой, которая осложнилась приступами подагры. К марту болезнь приняла угрожающий характер, и 6-го апреля Ягужинского не стало» [20, т. 25, с. 23]. Между тем в делопроизводстве Кабинета отразилось, что он, вместе с другими министрами, подписывал кабинетские «сообщения», резолюции и указы в январе, феврале и марте 1736 г., в последний раз — 27 марта [5, т. 5, с. 137].)

На этом этапе Тайная канцелярия была выведена из-под контроля Сената, ибо ее начальник А. И. Ушаков получал «по большей части» изустные и секретные именные указы; причем по рядовым следственным делам она стала отчитываться перед Кабинетом [19, т. 9, № 6753]. Кабинет-секретарем стал «клиент» министра Остермана. 9 июня 1735 г. издан рубежный указ, приравнявший подписи трех министров к императорской [19, т. 9, № 6745]. Со второй половины 1735 г. появились (и затем применялись все чаще) резолюции ми-

нистров на доношениях, челобитных, адресованных императрице или непосредственно в Кабинет. Доля подписей министров под такими документами быстро стала преобладать, по сравнению с долей бумаг, подписанных монархиней. Для ведения дипломатического делопроизводства при Кабинете были образованы новые должности двух «советников канцелярии», которые прежде действовали лишь при Коллегии иностранных дел. 31 июля 1735 г. министрам дан рескрипт императрицы, чтобы они не утруждали государыню «малыми делами» и представляли ей только «важные» [5, т. 4, с. 291]. С 1736 г. во входящих бумагах Кабинета появились отчеты Сената в форме «сообщений» с различными заключительными формулировками: запросы о письменном согласии министров на предложенные решения или уведомления о сделанных сенаторами распоряжениях.

Итак, именно в период деятельности третьего «состава» Кабинета произошло издание указа о трех подписях, который формально закрепил за Кабинетом роль высшей государственной структуры, имевшей право заменять самодержицу в управлении и выступать субъектом в выработке политического курса; кроме того, по рядовым делам ему был подчинен секретный орган политического сыска; а Сенат признал его иерархическое главенство на уровне делопроизводства.

Состав четвертый (апрель 1736 г. — апрель 1738 г.):

А.И. Остерман, А.М. Черкасский.

В это время состоялся приказ Кабинета Сенату, чтобы последний разослал указы командующим с предписанием отмечать в донесениях суммы «прогонных денег», выданных курьерам, что обещалось фиксировать и в кабинетской документации. В декабре 1736 г. «для поспешнейшего произведения в делах» императрица утвердила штат канцелярии высшего органа (1 кабинет-секретарь, 1 камерир, 2 канцеляриста, 3 копииста, 10 кабинет-курьеров) [5, т. 5, с. 647–648; 19, т. 9, № 7137, т. 44. ч. 2, с. 36]. Между тем министры стали получать репорты о ценах на хлеб во всех российских городах. В распоряжениях Кабинета начинает чаще повторяться требование к госструктурам подавать в него доношения «со мнением, а не без мнений» [5, т. 5, с. 637, т. 6, с. 156]. С 1737 г. в массиве поступающих в Кабинет сенатских «сообщений» проявилась новая заключительная формулировка (запрос об определяющей резолюции).

Следовательно, в период четвертого «состава» происходит доработка и уточнение принципов взаимодействия Кабинета с регулярными госструктурами, правовая фиксация сложившейся организации кабинетского аппарата, а также начало самоуничтожения сенаторами роли собственного учреждения.

Состав пятый (апрель 1738 — апрель 1740 гг.):

А.И. Остерман, А.М. Черкасский, А.П. Волынский.

(В 1738 г. в последний раз подпись Черкасского под указами и резолюциями значится 22 марта, среди бумаг за 24 марта упомянут его недавний доклад императрице [5, т. 7, с. 260–261, 264]. С 24 марта 1738 г. исходящие распоряжения Кабинета подписывал один Остерман [5, т. 7, с. 264, 273, 274, 275, 278 и др.], после 4 апреля 1738 г. [5, т. 7, с. 284] их стал также закреплять Волынский, и более 9-ти месяцев они проработали вдвоем. Черкасский в апреле 1738 г. пережил первый инсульт [20, т. 22, с. 191], после чего длительное время находился в Москве. Он вернулся в столицу 17 января 1739 г. и снова стал трудиться в Кабинете после 21 января 1739 г. [5, т. 9, с. 45]).

Новый член «присутствия» Волынский впервые был приведен к присяге и получил патент на звание министра. 11 июля 1738 г. он объявил указ императрицы, отъезжавшей на летний отдых «для своего увеселения и покоя»: все дела министрам решать самим, а в Петергоф доносить только о тех, которые они сочтут «самыми важными» [5, т. 8, с. 53–54]. В дека-

бре 1738 г. он же объявил «словесный» именной указ, где подтверждалось делегирование министрам права на самостоятельное рассмотрение государственных дел и устанавливалась процедура кабинетской контрасигнатуры документов, представляемых на подпись императрицы [5, т. 8, с. 463] (применялась с начала 1739 г., сошла на нет при правительнице Анне Леопольдовне, в 1741 г.) [5, т. 9, с. 23, 24, 59, 105, 114 и др.; 6, с. 132]. На данном этапе внутреннее делопроизводство однократно было дополнено реестром с выборкой из некоторых видов входящих бумаг. Кроме того, были официально закреплены способы переписки Кабинета с госорганами разного уровня («сообщениями» – с высшими органами, «указами» – с центральными и местными) [5, т. 9, с. 563]. Для кабинетской канцелярии установлен новый порядок подготовки документов к докладу. В сентябре 1739 г. было предписано распределить канцелярских служащих Кабинета и имеющуюся документацию между тремя экспедициями (иностранных, внутренних и секретных дел), чтобы «конфузии происходить не могли». Штат канцелярии Кабинета был скорректирован и расширен (2 кабинет-секретаря, 4 канцеляриста, 4 подканцеляриста, копиисты исключались) [5, т. 10, с. 296–297; 19, т. 10, № 7907]. Высший орган рассматривал прошения своих приказных о выделении им «квартирных денег» на аренду жилья. Предписано было не ставить постой на дворах у кабинет-курьеров. Кабинет потребовал от Сената предоставлять ему каждые две недели краткие сводные документы о «денежной казне», находившейся в распоряжении госорганов Петербурга и Москвы [19, т. 11, № 8027]. В 1740 г. среди «сообщений» Сената в Кабинет стали преобладающими те, в которых сенаторы запрашивали у министров готовые резолюции по делам. Соперничество министров Волынского и Остермана отражалось на их ставленниках из кабинетского аппарата: отстранение одних «клиентов» и возвышение других (кабинет-секретарь А. Яковлев, тайный кабинет-секретарь И. Эйхлер, советник канцелярии К. Бреверн).

Таким образом, при пятом «составе» Кабинета императрица вновь подтвердила право высшего органа почти полностью подменять ее в управлении, введенная контрасигнатура должна была сократить число вопросов, требовавших внимания самодержицы; усилилась пассивность Сената в решении дел; были закреплены льготы представителей кабинетского аппарата; но главное – именно на этом этапе были проведены несколько относительно важных организационных мероприятий: реорганизованы кабинетская канцелярия и — частично — делопроизводство.

Состав шестой (апрель 1740 г. — август 1740 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский.

При шестом «составе» существенных изменений касательно властных полномочий, форм деятельности и внутренних подструктур Кабинета не наблюдалось. После удаления из высшего органа Волынского можно отметить успехи служащих канцелярии, являвшихся креатурами Остермана.

Состав седьмой (август — ноябрь 1740 г.):

А. И. Остерман, А. М. Черкасский, А. П. Бестужев-Рюмин.

По временному отрезку, на который пришлось время работы данного состава, можно отметить лишь следующие факты, относящиеся к практике функционирования Кабинета. Так, 17 октября 1740 г. герцог Бирон стал регентом при младенце-императоре Иване VI, и высшему органу предстояло разделить с ним обязанности по управлению империей. Именные указы теперь стали утверждаться и министрами, и регентом [6, с. 132]. Важный прецедент того времени: «Его Высочество Регент» вместе с министрами Черкасским и Бестужевым-Рюминым приезжали в «присутствие» Сената, где «слушали» дела и «крепили» резолюции [22, т. 2, с. 43–44, 103–104].

Итак, в период седьмого «состава» наметились признаки будущих корректировок в работе Кабинета в связи со стремлением регента повысить авторитет Сената, что, впрочем, не успело реализоваться из-за скорого его низложения фельдмаршалом Минихом.

**Состав восьмой (ноябрь 1740 г. — март 1741 г.):
А.И. Остерман, А.М. Черкасский, М.Г. Головкин,
«первый министр» Б.Х. Миних.**

По указу Анны Леопольдовны для Миниха был составлен патент на чин «перваго министра», хотя особых преимуществ перед прочими членами он не получил. С ноября 1740 г. по март 1741 г. полковник А. Фенин (креатура Миниха) исполнял новую должность придворного рекетмейстера, временно разгрузив Кабинет от рассмотрения челобитных [14, № 8041, 8300; 19, т. 11, № 8293, 8345; 22, т. 3, с. 43–44]. В декабре 1740 г. (после указа Анны Леопольдовны против волокиты) Сенату и другим центральным органам было приказано еженедельно представлять в Кабинет рапорты о решенных делах [19, т. 11, № 8293, 8294, 8295, 8299]. Издан указ о так называемой департаментской реформе Кабинета, которая, при всей своей внешней рациональности [23], де-факто была направлена на ограничение влияния «первого министра» (и оказалась, в практическом воплощении, инструментом политической интриги, инициированной, вероятно, Остерманом): Миниху были поручены только дела военные, Остерману — иностранные и морские, Черкасскому и М.Г. Головкину — внутренние [19, т. 11, № 8326].

Следовательно, при восьмом «составе» была начата структурная реорганизация присутственной части Кабинета, сделаны попытки усилить контроль над исполнением других госучреждений, но заметных корректив в положении, полномочиях и порядке писмоводства высшего органа не наблюдалось.

**Состав девятый (март 1741 г. — ноябрь 1741 г.):
А.И. Остерман, А.М. Черкасский, М.Г. Головкин.**

После удаления из высшего органа Миниха перераспределения «департаментов» между министрами не произошло, «департаментская реформа» осталась на бумаге и не сказалась существенным образом на повседневной работе учреждения. В это время градус противоборства внутри Кабинета стал ослабевать, он вернулся к отработанным формам функционирования. Между тем очевидным стал недостаток политической воли, как у правящей особы, так и у ее окружения. Наметились признаки правительственного кризиса. 25 ноября 1741 г. очередной переворот привел к власти Елизавету Петровну, и Кабинет министров де-факто прекратил действовать. 12 декабря 1741 г. указом новой императрицы рассматриваемый институт был упразднен де-юре [19, т. 11, № 8480].

При сопоставлении представленного фактического материала с кабинетской деятельностью членов учреждения, можно сформулировать следующие «персональные выводы». Несмотря на борьбу «партий», перемены в придворных влияниях, смену императоров или регентов, эволюция высшего органа была линейной и поступательной (в направлении расширения его компетенции, усиления полномочности, укрепления организации и выработки удобных и соответствовавших статусу делопроизводственных форм). Преимуществом, отсутствием значительных поворотов или попятных движений, помимо прочего, видимо, обеспечивались стабильностью основной части его состава. Из входивших в него трех или четырех министров два сохраняли свое место от создания и до ликвидации Кабинета (Остерман и Черкасский). Из этих двух министров один, хотя и негласно, являлся, безусловно, ведущим (Остерман), а второй (Черкасский) — обычно следовал его предначертаниям. Это кадровое ядро периодически дополнялось одной-двумя другими персоналиями; затем наступали периоды, когда они снова работали

в «присутствии» вдвоем, что способствовало закреплению достигнутого уровня развития перед новым поступательным движением.

Многие добавочные члены учреждения (Ягужинский, Волынский, Бестужев-Рюмин) попадали туда как представители Бирона, который придерживался тактики создания противовесов, и их задачей было не осуществление институционального переустройства высшего органа, а оппонирование Остерману в интересах фаворита императрицы при решении конкретных выгодных или невыгодных тому дел. Нельзя сказать, что они успешно справлялись с этим поручением Бирона. Ягужинский к моменту назначения в Кабинет был болен и не мог серьезно противодействовать вице-канцлеру. Волынский, хотя и вел такую борьбу, быстро отбил от рук временщика и затеял собственную игру. Министр Бестужев-Рюмин был самым верным слугой герцога, помог патрону получить регентство; но он десятилетиями жил за границей, плохо знал внутривнутриполитическую ситуацию, а внешнюю политику в основном контролировал Остерман.

Оставшиеся два члена высшего органа, которые войдут в его состав после падения регента, тоже стремились конкурировать с Андреем Ивановичем, но без особого успеха. Честолюбивый «первый министр» Миних, который, свергнув Бирона, претендовал на верховенство в Кабинете, оказался недостаточно умелым политиком и интриганом, изначально сильно настораживал облагодетельствованную им правительницу Анну Леопольдовну [1, с. 119–121] и не сумел обеспечить себе устойчивое положение ни при дворе, ни в правительстве. М.Г. Головкин пробовал вмешиваться во внешнюю политику и добивался лидерской позиции; однако он «был младшим по возрасту и чину» [10, с. 114], не обладал весомым административным опытом и значительными дарованиями; и, хотя смог занять одно из первых мест при дворе молодой регентши, был не в состоянии соперничать с Остерманом в руководстве кабинетскими делами. На практике деятельность Ягужинского, Бестужева-Рюмина, Миниха и М.Г. Головкина не сказывалась существенным образом на повседневной работе Кабинета, которую контролировал и направлял Остерман, несмотря на то, что во второй половине 1730-х гг. он нередко занимался государственными делами, не выходя из дому.

Исключением в плане расстановки сил (борьба за лидерство внутри учреждения, снижение согласованности действий членов) был период министерской службы Волынского, который оказался самым значительным оппонентом Остермана. Попав в высший орган как проводник влияния Бирона, он почти сразу стал служить только собственным амбициям. К деятельному и инициативному коллеге временно присоединился пассивный Черкасский. Остерман, находившийся вследствие «подагры» дома, пытался и управлять, и бороться с серьезным противником через переписку, своих «шпионов» и другие рычаги и каналы влияния. В практике управления административная опытность и компетентность Остермана обычно одерживала верх, но последний начинал проигрывать Волынскому в плане влияния на императрицу, которой нравились его усилия как обер-егермейстера и докладчика о государственных делах. Можно предположить, что если бы Волынский не спешил открыто выступить против Бирона, и если бы его пребывание в Кабинете продлилось бы дольше, то в формах функционирования, а возможно и в государственном положении высшего органа, который тот подвергнул частичной реорганизации, произошли бы кардинальные изменения. Однако сохранению лидерства Остермана в Кабинете и определенного направления развития данного института, в итоге, содействовал сам Волынский, который пошел на столкновение с всемогущим фаворитом, наивно полагая оттеснить его от кормила власти...

Следует отметить ограниченный адаптационный потенциал Кабинета министров как государственного учреждения. Его деятельность продолжалась более десятилетия, но по факту она оказалась возможна только в течение правления императрицы Анны и ее

наследника Ивана Антоновича, царствование которого по составу находившейся у власти элитарной группы (Остерман, Левенвольде, Минихи, Менгдены, Головкины и др.) являлось эпигонским по отношению к аннинскому периоду. Этот госорган всегда ассоциировался современниками с его фактическим руководителем Остерманом, который считался тогда незаменимым управленцем, что обеспечивало государственному институту отмеченную стабильность в 1731–1741 гг., несмотря на столкновения придворных «партий». Однако после очередной дворцовой «революции» в ноябре 1741 г. и существенного обновления правящей элиты, сохранение Остермана у власти оказалось невозможным; что неизбежно привело к ликвидации Кабинета. Тем не менее, после управленческих реформ елизаветинского правительства в духе восстановления «петровских начал» сложившаяся ранее конфигурация государственных структур в своей основе не изменится. В ней по-прежнему будет присутствовать функциональная необходимость для высшего органа, который мог бы объединять и координировать деятельность госаппарата, используя, помимо прочего, неформальные практики взаимодействия с монархом. Не случайно подобные институты действовали и до, и после Кабинета министров, и не только в XVIII столетии...

ВЫВОДЫ. Подводя итог, отметим, что предпринятый в рамках статьи исследовательский опыт объединения основных фактов многоаспектной истории Кабинета в единой хронике и ее периодизации по «составам» позволил взглянуть на развитие госоргана под иным углом зрения и наметить отдельные моменты корреляции между сменой министров и структурно-функциональным обликом учреждения.

Характерно, что стабильное ядро состава в лице министров Остермана и Черкасского способствовало поддержанию преемственности и однонаправленности поступательной эволюции Кабинета. Вместе с тем, в периоды появления в высшем органе новых, дополнительных членов, некоторые из которых сами претендовали на лидерство и проведение преобразований, происходили изменения в способах его функционирования. Так, примечательно, что указ о трех подписях был издан, когда министром являлся Ягужинский; что организационно-делопроизводственная сторона Кабинета подверглась корректировке в период министерской работы Волынского; что реформирование «присутствия» Кабинета было начато, когда в его составе значился «первый министр» Миних. Кроме того, из совокупного очерка его истории (безотносительно к персональному «наполнению») следует, что наибольшее число частных именных указов, касавшихся сферы ведения данного правительственного института, имело место на начальном этапе; тогда как новые формы деятельности сначала применялись и закреплялись на практике и лишь затем подлежали формализации через распоряжения монархини, а не наоборот.

Полученные предварительные заключения вызывают новые проблемные вопросы и могут послужить отправными точками для дальнейшего изучения темы, для чего потребуются нестандартные аналитические подходы, поскольку в делопроизводстве коллегиального учреждения информация о субъективных ролях министров напрямую не отразилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Иван VI Антонович. М.: Молодая гвардия, 2008. 350 с.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
3. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли: в 5 ч. Ч. 2. СПб.: тип. С. Селивановского, 1836. VI, 422 с.
4. Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. М.: печ. А. Снегиревой, 1913. 390 с.
5. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: в 12 т. / Под ред. А.Н. Филиппова // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915.

6. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 2. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. 432 с.
7. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая Школа, 1983. 352 с.
8. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
9. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волинский (Биографический очерк) // Древняя и Новая Россия. 1877. № 7. С. 214-234.
10. Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. 303 с.
11. Курукин И.В. Артемий Волинский. М.: Молодая гвардия, 2011. 411 с.
12. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. 570 с.
13. Лысцова А.С. Внутриполитическая деятельность графа А.И. Остермана в 1730–1741 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 180 с.
14. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век / сост. П. Баранов. Т. 3. СПб.: Сенат. тип., 1878. 514 с.
15. Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 688 с.
16. Павленко Н.И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с.
17. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.
18. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 349 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / Под ред. М.М. Сперанского. Т. 8–11, 44. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.
20. Русский биографический словарь. Т. 22. / Под ред. А.А. Половцова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. 642 с.; Т. 25. / Под ред. Имп. Рус. ист. общ-ва. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1913. 493 с.
21. Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 189 с.
22. Сенатский архив. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1889–1890. Т. 2. 647 с.; Т. 3. 621 с.
23. Соловьев К.А. Граф Миних о «пустоте» в государственном управлении России XVIII века // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 1. С. 79–88.
24. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / отв. ред. Л.В. Черепнин. Кн. X. Т. 19–20. М.: Соцэкгиз, 1963. 781 с.
25. Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. М.: Тип. Императорского московского университета, 1909. 206 с.; Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1910. 77 с.
26. Строев В.Н., Варыпаев П.И. Судьба Кабинета после кончины Петра Великого до воцарения императрицы Елисаветы // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. С. 271–308.
27. Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России: в 3 ч. Ч. II. СПб.: тип. Рос. акад., 1837. 348 с.
28. Филиппов А.Н. А.П. Волинский, как кабинет-министр // Исторический вестник. 1901. № 5. С. 552–568.
29. Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев: тип. К. Матисена, 1898. 45 с.
30. Филиппов А.Н. Кабинет министров и Правительствующий Сенат в их взаимных отношениях // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 7. М.: тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 1–61

31. Филиппов А.Н. Новые данные о Кабинете министров императрицы Анны Иоанновны // Русская мысль. 1901. Кн. I. С. 1-28.
32. Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е — 60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 119-136.
33. Энциклопедический лексикон. Т. 14. СПб.: тип. А. Плюшара, 1838. 479 с.

REFERENCES

1. Anisimov E.V. *Ivan VI Antonovich* [Ivan VI Antonovich]. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 350 s. (In Russian).
2. Anisimov E.V. *Rossiya bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter]. St. Petersburg: Lenizdat, 1994. 496 s. (In Russian).
3. Bantysh-Kamenskii D. N. *Slovar' dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli: v 5 ch.* [Dictionary of memorable people of the Russian land: in 5 parts]. Pt. 2. St. Petersburg: tipografiya S. Selivanovskogo, 1836. VI, 422 s. (In Russian).
4. Bondarenko V.N. *Ocherki finansovoi politiki Kabineta Ministrov Anny Ioannovny* [Essays on the financial policy of the Cabinet of Ministers of Anna Ioannovna]. Moscow: pechatnya A. Snegirevoi, 1913. 390 s. (In Russian).
5. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny: v 12 t. [Documents of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna: in 12 volumes] / A.N. Filippov (ed.). In: *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vols. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Yuriev: tipografiya K. Mattisena, 1898-1902, 1904-1907, 1909, 1912, 1915. (In Russian).
6. *Vnutrennii byt Russkogo gosudarstva s 17 oktyabrya 1740 g. po 25 noyabrya 1741 g. po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii: v 2 kn* [Internal life of the Russian state from October 17, 1740 to November 25, 1741 according to the documents, stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice: in 2 books]. Book 2. M.: tipografiya L.F. Snegireva, 1886. 432 s. (In Russian).
7. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 352 s. (In Russian).
8. Kamenskii A.B. *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII v.* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the XVIIIth century]. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1999. 575 s. (In Russian).
9. Korsakov D.A. *Artemii Petrovich Volynskii (Biograficheskii ocherk)* [Artemy Petrovich Volynsky (Biographical essay)]. In: *Drevnyaya i Novaya Rossiya* [Ancient and New Russia]. 1877. No 7. S. 214-234. (In Russian).
10. Kurukin I.V. *Anna Leopoldovna* [Anna Leopoldovna]. M.: Molodaya gvardiya, 2012. 303 s. (In Russian).
11. Kurukin I.V. *Artemii Volynskii* [Artemy Volynsky]. M.: Molodaya gvardiya, 2011. 411 s. (In Russian).
12. Kurukin I.V. *Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725–1762* [The Era of «Court Storms»: Essays on the Political History of Post-Petrine Russia]. Ryazan, 2003. 570 s. (In Russian).
13. Lystsova A.S. *Vnutripoliticheskaya deyatel'nost' grafa A.I. Ostermana v 1730–1741 gg.* [The internal political activities of Count A.I. Osterman in 1730-1741]: Dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, 2017. 180 s. (In Russian).
14. *Opis' vysochaishim ukazam i povelenyam, khranyashchimsya v Sankt-Peterburgskom senatskom arkhive, za XVIII vek* [Inventory to the highest decrees and orders, stored in the St. Petersburg Senate Archive for the XVIIIth cent.] / sost. P. Baranov. Vol. 3. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1878. 514 p. (In Russian).
15. *Otechestvennaya istoriya: entsiklopediya: v 5 t.* [Domestic history: encyclopedia: in 5 volumes] / Ed. team: V.L. Yanin (chief ed.) et al. Vol. 1. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1994. 688 s. (In Russian).
16. Pavlenko N.I. *Anna Ioannovna (Nemtsy pri dvore)* [Anna Ioannovna (Germans at the court)]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2002. 384 s. (In Russian).

17. Petrukhintsev N.N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Internal policy of Anna Ioannovna]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 1063 s. (In Russian).
18. Petrukhintsev N.N. *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730–1735 g.* [The reign of Anna Ioannovna: the formation of the internal political course and the fate of the army and navy in 1730–1735]. St. Petersburg: Aleteiya, 2001. 349 s. (In Russian).
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg.: v 45 t.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. First set. 1649–1825: in 45 volumes] / M.M. Speransky (ed.). Vols. 8–11, 44. St. Petersburg: tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1830. (In Russian).
20. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 22. / A.A. Polovtsov (ed.). St. Petersburg: tipografiya I.N. Skorokhodova, 1905. 642 p.; Vol. 25. / Ed. by Imperial Russian Historical Society. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1913. 493 s. (In Russian).
21. Savel'eva E.N. *Kabinet ministrov imperatritsy Anny Ioannovny* [Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna]: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004. 189 s. (In Russian).
22. *Senatskii arkhiv* [Senate archive]. St. Petersburg: tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1889–1890. Vol. 2. 647 p.; Vol. 3. 621 s. (In Russian).
23. Solov'ev K.A. *Graf Minikh o «pustote» v gosudarstvennom upravlenii Rossii XVIII veka* [Count Munnich about the «emptiness» in the state administration of Russia in the XVIIIth century]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Service]. 2021. Vol. 23. No 1. S. 79–88. (In Russian).
24. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia since ancient times: in 15 books] / L.V. Cherepnin (ed.). Book X. Vols. 19–20. M.: Sotsekgiz, 1963. 781 s. (In Russian).
25. Stroeve V.N. *Bironovshchina i Kabinet ministrov* [Bironovshchina and the Cabinet of Ministers]. Pt. 1. Moscow: tipografiya Imperatorskogo moskovskogo un-ta, 1909. 206 p.; Pt. 2. St. Petersburg: tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1910. 77 s. (In Russian).
26. Stroeve V.N., Varypaev P.I. *Sud'ba Kabineta posle konchiny Petra Velikogo do votsareniya imperatritsy Elisavety* [The fate of the Cabinet after the death of Peter the Great before the accession of Empress Elizabeth]. In: *200-letie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva* [Bicentennial of the Cabinet of His Imperial Majesty. 1704–1904]. 1704–1904. St. Petersburg: tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'berg, 1911. S. 271–308. (In Russian).
27. Tereshchenko A.V. *Opyt obozreniya zhizni sanovnikov, upravlyavshikh inostrannymi delami v Rossii: v 3 ch.* [The experience of reviewing the life of dignitaries, who managed foreign affairs in Russia: in 3 parts]. Pt. II. St. Petersburg: tipografiya Rossiiskoi akademii, 1837. 348 s. (In Russian).
28. Filippov A.N. *A.P. Volynskii, kak kabinet-ministr* [A.P. Volynsky, as cabinet-minister]. In: *Istoricheskiy vestnik* [Historical herald]. 1901. No 5. S. 552–568. (In Russian).
29. Filippov A.N. *Kabinet ministrov i ego sravnenie s Verkhovnym tainym sovetom* [Cabinet of Ministers and its comparison with the Supreme Privy Council]. Yuriev: tipografiya K. Matisena, 1898. 45 s. (In Russian).
30. Filippov A.N. *Kabinet ministrov i Pravitel'stvuyushchii Senat v ikh vzaimnykh otnosheniyakh* [The Cabinet of Ministers and the Governing Senate in their mutual relations]. In: *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy* [Collection of jurisprudence and public knowledge]. Vol. 7. M.: tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1897. S. 1–61. (In Russian).
31. Filippov A.N. *Novye dannye o Kabinete ministrov imperatritsy Anny Ioannovny* [New data about the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna]. In: *Russkaya mysl'* [the Russian thought]. 1901. Book I.S. 1–28. (In Russian).
32. Shanskii D.N. *K kharakteristike vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii XVIII v. (20-e— 60-e gody)* [To the characteristics of the highest state institutions of Russia in the XVIII century (20s — 60s)]. In: *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* [State institutions of Russia XVI–XVIII centuries]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. S. 119–136. (In Russian).
33. *Entsiklopedicheskii leksikon* [Encyclopedic lexicon]. Vol. 14. St. Petersburg: tipografiya A. Plyushara, 1838. 479 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.019
УДК 371.398:94(571.122)''18/19''(091)
ББК 74.200.544.5г(253.3)

О.В. ИЩЕНКО,
О.В. РАЗДОБРЕЕВ

**ТЕАТР В СИСТЕМЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

O.V. ISHCENKO,
O.V. RAZDOBREEV

**THEATER IN THE SYSTEM OF EDUCATIONAL
WORK IN SIBERIAN SCHOOLS
AT THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Статья посвящена анализу основных положений правительственной политики, определявших роль театра в постановке образовательно-воспитательной работы в средних и низших учебных заведениях Сибири в конце XIX — начале XX вв. и характеристике их реализации. Основой для проведения исследования стали циркулярные распоряжения правительственных органов, правила для учащихся, протоколы заседаний педагогических советов учебных заведений, материалы, исходящие от самих учащихся. Рассмотрение вопросов реализации государственной политики в области взаимодействия театра и школы осуществлялось в рамках сравнительно-исторического и историко-генетического методов с учетом принципа системности. В результате исследования был сделан вывод о том, что в рассматриваемый период правительственная политика в отношении использования ресурсов театра в учебно-воспитательной работе носила, в целом, ограничительный характер, что не соответствовало происходившим в обществе изменениям.

The article is devoted to the study of main directions of the government's policy regarding the role of theater in the organization of educational work in secondary and lower educational institutions of Siberia in the late XIX — early XX centuries. The characteristic of their implementation is given. The basis for the study were circular orders of government bodies, rules for students, minutes of meetings of pedagogical councils of educational institutions, materials coming from the students themselves. Consideration of the implementation of state policy in the field of interaction between theater and school was carried out within the framework of comparative-historical and historical-genetic methods, taking into account the principle of consistency. As a result of the study, it was concluded that during the period under review, the government policy regarding the possibility of using theater resources in educational work was, in general, restrictive, which did not correspond to the changes taking place in society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правительственная политика, учебные заведения, учебно-воспитательная работа, театр, правила для учащихся

KEY WORDS: government policy, educational institutions, educational work, theater, rules for pupils

ВВЕДЕНИЕ. Современная педагогика считает театр эффективным средством духовно-нравственного воспитания, отводя ему значительное место в формировании личности ребенка [2, с. 238], однако вопрос о возможностях использования средств театра в учебно-воспитательном процессе по-разному решался в разные исторические эпохи.

Корни взаимодействия школы и театра уходят далеко в глубь веков. Более того, историки театра единодушны во мнении, что именно школьный театр стоял у истоков возникнове-

ния профессионального театра в России. Возникнув в XVII веке при духовных учебных заведениях страны, русский школьный театр опирался на многовековой опыт создания подобных театров в католических странах Европы, где постановки учащимися спектаклей первоначально имели прикладное значение, способствуя, например, изучению латинского языка или формированию навыков ораторского искусства [32, с. 12]. Впрочем, уже с момента своего появления школьный театр реализовывал не только дидактическую функцию, но и функцию воспитательную, о чем свидетельствует, например, содержание одной из первых пьес для театра, написанной Симеоном Полоцким на сюжет библейской притчи о блудном сыне. Обращенная к молодежи пьеса имела явно морализаторский характер, отображая богословские рассуждения о пороках и добродетелях [12, с. 50].

С появлением русского светского профессионального театра нравоучительная «школьная драма» к концу XVIII века перестает существовать в чистом виде, но в учебных заведениях остаются небольшие театральные зарисовки, которые сегодня называются этюдами, необходимые в учебно-воспитательных целях. В научной литературе довольно много внимания уделено характеристике театральной деятельности учеников Царско-сельского лицея в первой половине XIX века и ее влиянию на формирование личностных качеств лицеистов. Исследователями отмечается двойственное отношение к ученическим постановкам, которые, с одной стороны, способствовали успешности обучения и развитию эстетического вкуса молодых людей, с другой, как считало руководство лицея, в театре «раскрывались широкие возможности для процветания духа свободомыслия и критицизма» [35, с. 53]. Наличие данного противоречия определяло выстраивание дальнейших отношений театра и школы.

Во второй половине XIX века театр стал занимать ведущее положение в ряду зрелищных видов искусства. Выполняя целый ряд социальных функций: идеологическую, образовательную, воспитательную, развлекательную, коммуникативную и др., театр способствовал формированию общественного сознания, раскрывая проблемы общества и оказывая влияние на политические настроения граждан [1, с. 91–92]. Находясь на позициях критического реализма, театр обращал свое внимание на несовершенство существующего общества, выступал с критикой окружающей действительности, приобретая тем самым огромную популярность у радикально настроенной студенческой молодежи. Необходимость оградить воспитанников низших и средних учебных заведений от подобного влияния во многом определяла основные положения правительственной политики в этом вопросе.

В этой связи **ЦЕЛЬЮ** настоящего исследования является определение основ правительственной политики по отношению к включению театра в систему образовательно-воспитательной работы и характеристика ее реализации в средних и низших учебных заведениях Сибири в конце XIX — начале XX вв.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для достижения поставленной цели был проведен анализ источников, к числу которых относятся: циркулярные распоряжения правительственных органов, установленные правила для учащихся, распоряжения попечителя Западно-Сибирского учебного округа, протоколы заседаний педагогических советов учебных заведений, материалы, исходящие от самих учащихся.

Методологической основой исследования стал историко-генетический метод, применение которого позволило установить причинно-следственные связи в системе взаимодействия театра и школы на рубеже XIX–XX вв. Использование сравнительно-исторического метода дало возможность выявить общие элементы реализации государственной политики в области взаимодействия театра и школы при анализе различных учебных заведений и проследить эволюцию взглядов на воспитательную и образовательную функции театра. Рассмотрение практики организации воспитательной работы в учебных заведениях Сибири осуществлялось на основе принципа системности. Дополнительной процедурой стал

событийный анализ, применявшийся при исследовании участия школьников в театральной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. На рубеже XIX–XX вв. цели государственной политики в области образования и воспитания, как и ранее, находились в русле знаменитой триады «православие — самодержавие — народность». Своё выражение они нашли в Правилах для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (1874 г.), определявших направленность обучения следующим образом: «Ученики гимназий и прогимназий должны постоянно иметь в виду цель учения ..., выраженную в словах молитвы пред учением — «возрасти» (умственно и нравственно) «Создателю нашему во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу» [25, с. 149].

Достижение поставленной цели определяло соответствующую постановку воспитательной работы, одним из направлений которой была организация свободного времени учащихся для формирования необходимых государству личностных и гражданских качеств. При этом установка на ведущую роль идей православия в воспитании учащихся обусловила выдвигание на первое место религиозно-нравственной составляющей. Однако в христианстве сложилось сложное и неоднозначное отношение к театру [37, с. 94], что отразилось в действовавших в конце XIX — начале XX вв. нормативных документах.

Так, указанные выше Правила для учеников гимназий и прогимназий содержали отдельный параграф, определявший базовые установки относительно театра, которыми должны были руководствоваться учащиеся: «Посещение театров, в коих обыкновенно даются пьесы сомнительного нравственного содержания, и вообще театра в те дни, когда даются подобные пьесы, безусловно воспрещается, вообще же посещение театра в учебное время должно быть сколь можно реже, дабы ученики могли сколь можно более сосредоточивать внимание на учении как важнейшем деле детского и юношеского возрастов» [25, с. 155].

Разработанные на основе министерских документов локальные нормативные акты практически всех учебных заведений Сибири включали в себя положения об ограничении посещения театра учащимися. Так, в Правилах для воспитанников Омской центральной фельдшерской школы (1898 г.) посещение театра учениками разрешалось только «с особого разрешения начальства школы». Предпочтение в выборе занятий в свободное время должно было отдаваться «полезным занятиям и скромным развлечениям, смягчающим и облагораживающим нравы» [4, л. 37, 45]. Правила для воспитанников Красноярской учительской семинарии, отмечая возможность посещения семинаристами театра только с разрешения наставника, почти полностью дублировали пункт Правил для учеников гимназий и прогимназий, согласно которому «посещение театра в учебное время должно быть сколь можно реже, дабы воспитанники могли сколь можно более сосредоточить внимание на учении, как важнейшем долге юношеского возраста» [26, л. 65]. Правила для учеников Омской учительской семинарии (1895 г.) предписывали «для сохранения здоровья и для успешности учения ... избегать в учебные дни развлечений и увеселений», посещая театр только с разрешения директора или наставника-наблюдателя [6, л. 24–26].

Помимо документов, разрабатываемых в отдельных учебных заведениях, ограничения посещения театра учащимися устанавливались инструкциями, принятыми на совещаниях представителей региональной и учебной администрации по вопросам внешкольного надзора, проходивших в Томске, Омске, Тюмени и других городах Сибири. В частности, утвержденные в 1915 г. Комитетом начальников учебных заведений г. Омска по согласованию с акмолинским губернатором Правила внешкольного поведения учащихся разрешали обучающимся посещение театра только с согласия учебного начальства и в сопровождении должностного лица педагогического персонала [10, с. 185].

Еще одним ограничением для учащихся был запрет на посещение театра в будние дни или дни установленных церковью воздержаний. Примером этого может служить решение

Комитета начальников учебных заведений г. Омска (1914 г.) запретить учащимся посещать спектакли в период Великого поста, что соответствовало призыву православной церкви воздерживаться от посещения зрелищ в пасхальные и предпасхальные дни [13, л. 8-9; 37, с. 96].

Подобные ограничения вызывали недовольство в среде учащейся молодежи. Неслучайно поэтому в период революции 1905-1907 гг. учащиеся различных сибирских городов: Омска, Томска, Кургана, Барнаула, Тюмени и др., массово подавали руководству учебных заведений петиции с требованиями, в число которых неизменно включалось разрешение свободного посещения театра [10, с. 185].

Нарушение установленных правил могло иметь для учащихся довольно серьезные последствия. В документах Омского Императора Александра III низшего механико-технического училища за 1902 г. отражен случай, когда один из учеников «выражал в грубых формах по выходу от директора свое негодование перед учениками по поводу запрещения идти в театр», за что был наказан лишением отпуска на месяц, но все же ушел в театр без спроса и в итоге был исключен [17, л. 106-107].

Начальство учебных заведений опасалось, что получение разрешения на посещение театра может стать для учащихся только поводом для того, чтобы беспрепятственно на время покинуть учебное заведение и предаться «недозволенным увеселениям». И подобные опасения имели под собой определенную почву. Так, в протоколах заседаний педагогического совета Омской центральной фельдшерской школы в 1908 г. зафиксирован анекдотичный случай, когда ученики 2 класса Кузнецов, Новокрещенов, Слестников были едва не исключены из учебного заведения за то, что, будучи отпущенными в театр, но не найдя свободных билетов, «отправились гулять и зашли в публичный дом» [5, л. 23].

Однако серьезные театральные постановки по классическим произведениям могли способствовать лучшему усвоению учащимися ряда школьных предметов. Поэтому, например, в Тюмени в 1908 г. в Правила поведения учащихся были внесены дополнения, разрешавшие посещать театр не только в праздничные, но и в учебные дни, если там шли пьесы образовательного и воспитательного значения [27, л. 138].

Образовательно-воспитательный характер носили и официально разрешенные празднования дней рождения или дней памяти известных писателей, нередко включавшие постановки по произведениям чествуемых авторов. Например, в январе 1899 г. управляющим Западно-Сибирским учебным округом в учебные заведения было разослано письмо «о желательности и целесообразности празднования предстоящего 26 мая 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина» с включением в программу праздника литературно-музыкального вечера [30, л. 19]. В 1909 г. при обсуждении вопроса о предложении попечителя провести празднование 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя, в Омском механико-техническом училище было решено организовать посещение учащимся театра или устроить чтение произведений Гоголя [31, л. 1-2].

Поощрялось и посещение учащимся благотворительных спектаклей, о чем свидетельствует, например, поступившее в 1915 г. руководителям омских учебных заведений предложение попечителя Западно-Сибирского учебного округа приобрести билеты на спектакль, ежегодно проводимый 26 ноября в день Св. Георгия, средства от которого должны были пойти на школу-приют для детей-сирот нижних военных чинов [20, л. 42].

Периодически в сибирских театрах устраивались показы специально для детей. Так, в январе 1910 г. в Омском городском театре были даны 2 бесплатных спектакля («Бедность не порок» и «Волшебная флейта») для учеников городских мужских и женских школ [33, л. 17]. В период проведения в Омске летом 1911 г. 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки в выставочном театре еженедельно давались общедоступные спектакли. Распорядительным комитетом было направлено письмо руководству учебных заведений с просьбой разрешить их воспитанникам посещать указан-

ные спектакли, имеющие «художественно-воспитательное и морально-просветительское значение» и дающие возможность «удовлетворять художественные запросы, всегда присутствующие молодежи» [21, л. 14].

Таким образом, посещение театра учащимися было ограничено, но не полностью запрещено. Воспитанники учебных заведений проявляли живой интерес к театральным постановкам, видя в них развлечение, интересное зрелище, выход за рамки установленных в учебном заведении правил. Однако и в театре поведение учащихся тоже определялось инструкциями.

Целый ряд пунктов Правил внешкольного поведения учащихся в омских учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения (1915 г.) детально регламентировал поведение учеников в театре, включая в себя буквально следующее:

«§ 8. Учащиеся в театре могут занимать лишь места, разрешенные начальством учебного заведения. Выражать похвалу в бурной форме или порицание действующим лицам, а также сходить для этого со своих мест учащимся безусловно воспрещается.

§ 9. Присутствующие на спектаклях и других публичных увеселениях учащиеся при исполнении народного гимна ограничиваются возгласами «ура».

§ 10. Воспрещается учащимся ходить в театре за кулисы и буфет, кроме чайного, подносить артистам подарки и участвовать в разных депутациях к артистам.

§ 11. Учащимся воспрещается выступать в роли исполнителей и исполнительниц в театральных представлениях и концертах, носящих публичный характер» [28, л. 72–73].

В целом, отношение учебного руководства к театру довольно точно характеризует отчет Омского землемерного училища за 1913–14 учебный год, в котором с удовлетворением отмечалось, что в отчетном году «театры ... посещались учениками умеренно» [23, л. 324].

Одной из основных причин настороженного отношения учебного и административного начальства к театру являлись опасения в его дурном влиянии на нравственность учащихся, что нашло свое отражение в циркуляре Департамента полиции, разосланном губернаторам и градоначальникам 14 июля 1908 г. В документе выражалось беспокойство по поводу «сильного упадка нравственности ... в среде учащейся молодежи обоего пола», а в ряду причин, «оказывающих развращающее влияние на молодежь», были названы посещение спектаклей и «постановка близких к цинизму театральных пьес и скабрёзного характера зрелищ» [15, л. 22]. Распоряжениям Департамента полиции вторили и циркуляры Министерства народного просвещения, отмечавшие, что «ненормальное настроение современного молодого поколения» обусловлено, в том числе, «неподходящими развлечениями и зрелищами» [3, с. 113]. Театр в указанных документах представал фактически противником проводимой государством политики в области воспитания молодежи и угрозой нравственности учащихся.

Подобные утверждения имели под собой определенные основания. Общей для всех провинциальных театров рубежа XIX–XX вв. была проблема репертуара, продиктованного условиями антрепризы и необходимостью ориентироваться на коммерческий успех. Многие гастролирующие труппы для привлечения большего количества зрителей привозили для показа невысокого уровня комедии, водевили и фарсы, о чем красноречиво говорили их названия: «Угнетенная невинность», «Съехались, перепутались и разъехались», «Простушка и воспитанная» и др. [14, с. 158].

Однако репертуар театров состоял не только из подобных постановок. К концу XIX в. любительские или профессиональные театры действовали практически во всех городах Сибири, выполняя при этом важную просветительскую и воспитательную функции [35, с. 89]. Так, в репертуар Томского драматического театра входили пьесы по произведениям зарубежных авторов: Шекспира, Корнеля, Мольера, Шиллера, Гюго, Гауптмана, Ибсена, Метерлинка и многих других [11, с. 48]. В Омском городском театре в 1911 г. шли спектакли по пьесам

«Бешеные деньги» А. Островского, «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Холопы» П. Гнедича, «Анфиса» Л. Андреева, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Губернская Клеопатра» В. Туношенского, «Три сестры» А.П. Чехова, «Уриель Акоста» К. Гуцкова, «Каширская старина» Д. Аверкиева и др., но не все из них были доступны для учащихся. Так, согласно распоряжениям Акмолинского губернатора, воспитанникам учебных заведений не следовало посещать спектакли по пьесам Л.Н. Толстого «Катюша Маслова» и «Живой труп», «Дни нашей жизни» и «Анфиса» Л. Андреева, «Золотая свобода» Ленюкса, «Прохожие» В. Рышкова, «Семнадцатилетние» М. Дрейера [22, л. 7-22].

Еще одной причиной ограничения доступа учащихся в театр был показ на сцене пьес о школьной жизни. Театр, как зеркало общества, не мог оставаться в стороне от актуальных проблем, обращаясь к вопросам постановки школьного образования, к закостенелости и рутине, господствовавшей, по мнению демократической общественности, в школе. Так, в разные годы в Сибири были показаны постановки по пьесам немецких драматургов «Пробный кандидат» Макса Дрейера и «Воспитатель Флакман» Отто Эрнста, сатирически повествовавшие о борьбе педагогов-новаторов с консервативной системой образования и косными педагогами [34, с. 95]. Конечно, допускать учащихся к просмотру спектаклей, критикующих сложившуюся систему образовательно-воспитательной работы, ни учебное, ни административное начальство не стремилось.

При этом, анализируя сложившееся на рубеже XIX–XX веков взаимодействие театра и школы, следует выделить две основные стороны этого процесса: пассивную — участие учащихся в просмотре театральных постановок, и активную — постановка спектаклей в учебных заведениях, где актерами были сами учащиеся.

Рассмотренные выше ограничения посещения учащимися театра касались «взрослых» театральных постановок, поскольку театр для детей и юношества как особый вид театра на тот момент еще не сложился. В научной литературе можно встретить утверждение о том, что попытки создания первых детских театров в России относятся к 90-м гг. XIX века [8, с. 18]. Однако государственной поддержки эти любительские театры не имели и существовали недолго.

В отношении активного участия учащихся в театральной деятельности следует отметить, что в конце XIX — начале XX вв. в школах страны сохранялась традиция постановки спектаклей или отдельных сцен из известных произведений. Школьный театр, как и ранее, был нужен и для усвоения учебной программы, и для разумного развлечения учащихся.

Материалы сибирских учебных заведений свидетельствуют о периодической постановке спектаклей в их стенах. Так, в Омской центральной фельдшерской школе на рождественских каникулах 1912 г. был устроен спектакль «Ревизор» [7, л. 40], а в Омской учительской семинарии в 1893 г. «с целью содействовать эстетическому развитию воспитанников и тем предохранить их от грубых развлечений в свободной от занятий время» на Рождество с разрешения попечителя была поставлена комедия по А. Островскому «Тяжелые дни». «Устраивая подобные развлечения, Совет имеет в виду, что путем их он может не только облагородить учеников с внешней стороны, научив их приличным манерам, но и облагородить их душу, выдав наружу ... их лучшие природные стремления и склонности», — отмечалось в материалах педагогического совета [16, л. 13]. Руководство Барнаульского реального училища, обращаясь к попечителю Западно-Сибирского учебного в декабре 1904 г. с просьбой разрешить устроить «домашний ученический спектакль на праздник Рождества Христова ... в постановке комедии Островского», обосновывало свою просьбу желанием «дать более правильный и лучше организованный выход склонностям учащихся к подобного рода развлечениям» [19, л. 2].

Таким образом, испрашивая обязательное разрешение попечителя на организацию в стенах учебных заведений спектаклей или литературно-музыкальных вечеров и утр,

где могли разыгрываться фрагменты пьес, учебное руководство чаще всего апеллировало к необходимости более полной реализации воспитательной функции школы. Однако предлагая организовать «правильные развлечения для воспитанников» [29, л. 7–10], педагогический состав учебных заведений и учебное начальство более высокого уровня планировали, в первую очередь, занять учащихся пением, музицированием, декламацией, но не театральными постановками. Основная причина этого крылась в запрете деятельности любых ученических организаций. Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (1874 г.) включали в себя § 29, гласивший: «Ученики отнюдь не должны составлять между собою или и с посторонними лицами каких-либо обществ или вступать в таковые общества под опасением немедленного исключения из учебного заведения» [25, с. 154], поэтому создание постоянно действующего в учебном заведении театрального кружка или студии не представлялось возможным. Не могли входить школьники и в любительские театральные кружки, создававшиеся вне стен учебных заведений.

Тем не менее, учащиеся нередко давали благотворительные концерты и спектакли в пользу малообеспеченных товарищей. Особенно широкое развитие эта деятельность получила с началом Первой мировой войны. Например, в материалах Омского землемерного училища описан устроенный с согласия генерал-губернатора 19 февраля 1916 г. в Военном собрании «ответный прочим учебным заведениям» литературно-музыкальный вечер с театральной постановкой. На вечере проводился кружечный сбор «с тем, чтобы весь чистый доход от продажи программ и от чайного буфета поступил бы в пользу раненых воинов и их семейств» [24, л. 9].

Начавшийся с назначением в 1915 г. министром народного просвещения П.Н. Игнатьева процесс реформирования школы поставил в качестве ее главной задачи как можно более полное развитие умственных и физических способностей ученика путем поощрения его активной самостоятельной деятельности. В циркуляре Министерства народного просвещения от 28 сентября 1915 г. «О мерах к улучшению школьной жизни» подчеркивалось, что «школа должна взять на себя не только обучение, но и, главным образом, воспитание юношества», отходя от внешнего надзора и наказаний в сторону предупреждения проступков и оказания мер морального воздействия [36, л. 30]. Новые распоряжения Министерства предполагали проведение ряда образовательно-воспитательных мероприятий, к числу которых относились организация народных чтений, разумных развлечений, устройство детских спектаклей или концертов [18, л. 26–29].

В этих условиях зимой 1916–17 года в Москве состоялся первый всероссийский съезд деятелей народного театра. Работавшая на съезде школьная подсекция вынесла резолюцию о том, чтобы школьный театр был признан необходимым элементом школьного обучения и воспитания. Для подготовки учителей к руководству театральной деятельностью учащихся предлагалось ввести специальные курсы по подготовке руководителей детских спектаклей. В это же время в Москве состоялось открытие театрального здания имени академика В.Д. Поленова, где вскоре начались утренние детские спектакли, зрителями которых были учащиеся городских школ, а актерами — взрослые артисты совместно с детьми [9, с. 8].

Октябрьская революция 1917 года способствовала появлению в России специального театра для детей как социального института воспитания юного гражданина [8, с. 18]. Государством сразу же были подняты вопросы о создании театров в школах и специализированных театров для детей, которые должны были, «при надлежащем руководстве и содействии со стороны семьи и школы», стать «могучим средством умственного развития, нравственной ортопедии, социального и эстетического воспитания и развития детского творчества и инициативы» [9, с. 4]. В 1920 году под эгидой Народного комиссариата просвещения в Москве был открыт первый Государственный театр для детей [12, с. 58].

Массовое развитие получили и постановки в самих учебных заведениях. Образовательные и воспитательные функции театра новая власть постаралась реализовать в полной мере.

ВЫВОДЫ. История развития школьного театра в России свидетельствует о том, что отношение к нему в разные периоды определялось проводимой государством политикой в области постановки образовательно-воспитательной деятельности в средних и низших учебных заведениях.

На рубеже XIX–XX вв. позиция правительства и учебного начальства относительно возможности использования театра в воспитательной работе носила двойственный характер. Посещение театров учащимися было ограничено, что объяснялось как влиянием православной церкви, так и опасениями в негативном влиянии театра на нравственность учащихся или возбуждении в них критических настроений. В то же время учащимся разрешалось посещать спектакли, поставленные по классическим произведениям, дававшиеся с благотворительной целью или специально для детей.

Основные правила посещения учащимися театра и их поведения в театре были сформулированы в соответствующих положениях и инструкциях, разрабатываемых на уровне Министерства народного просвещения, комиссий в составе административного и учебного начальства, педагогических советов отдельных учебных заведений. Наличие ограничений вызывало недовольство в среде учащихся, поэтому в годы первой революции в России требование свободного посещения театра было включено во все петиции, подаваемые руководству сибирских средних и низших школ, но сложившееся на уровне государства отношение к ученику не как к субъекту образовательного процесса, а как к объекту воспитательного воздействия не предполагало учета мнения учащихся.

В рассматриваемый период в учебных заведениях Сибири сохранялась традиция постановки спектаклей или отдельных сцен из известных произведений на неперIODической основе. Понимая необходимость совершенствования форм и методов воспитательной работы, педагогические советы учебных заведений разных городов Сибири предлагали свои варианты заполнения свободного времени учащихся «разумными развлечениями», но создание театральных кружков и студий не входило в их число в силу запрета деятельности любых ученических организаций.

Передовые педагоги и деятели народного образования в начале XX в. обращали внимание на недостаточную реализацию воспитательной функции театра, внося свои предложения по развитию школьного театра и созданию профессионального театра для детей, однако реализация этих предложений была осуществлена уже в советское время, когда детский театр стал важным институтом воспитания подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова Т.О. Социальные функции театра // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). С. 91–94.
2. Барановская С.А. Театр в культуре детства: антропологический подход // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 238–245.
3. Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 216 с.
4. Журнал заседаний педагогического совета // Исторический архив Омской области (БУ ИСА). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 3.
5. Журнал педагогического совета // БУ ИСА. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 9.
6. Журнал педагогического совета // БУ ИСА. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 46.
7. Заседания педагогического совета // БУ ИСА. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 12.
8. Зимин В.Д. Тенденции развития театра детей как явления искусства: Автореф. ... канд. искусств. М., 2005. 26 с.

9. Игра: Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Петроград: изд. Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению, 1918–1920. № 1. 1918. 80 с.
10. Ищенко О.В. Правила поведения учащихся в учебных заведениях Западной Сибири (последняя четверть XIX — начало XX вв.) // Азиатская Россия во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы региональной истории: сборник научных статей, посвященный 60-летию профессора, доктора исторических наук А.П. Толочко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 179–196.
11. Кафанова О.Б. Диалог культур в театральном хронотопе Томска на рубеже XIX–XX вв. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 45–64.
12. Крук Д.С. История развития детского театра в России // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 1 (24). С. 49–60.
13. О комитетах начальников учебных заведений // БУ Иса.Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 69.
14. Олицкая Д.А. Драматургия А.П. Чехова на томской сцене конца XIX — начала XX века // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 152–160.
15. Отношения попечителя округа // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 47.
16. Отчет за 1893 г. // БУ Иса.Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 42.
17. Отчет о состоянии училища за 1902 г. // БУ Иса.Ф.43. Оп. 1. Ед. хр. 135.
18. Переписка о внешкольных занятиях и развлечениях // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 855. Оп. 1. Ед. хр. 43.
19. Переписка с попечителем округа // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 95.
20. По учебно-воспитательной части // БУ Иса.Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248.
21. По учебно-воспитательной части // БУ Иса.Ф.43. Оп. 1. Ед. хр. 212.
22. По учебной части // БУ Иса.Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 12.
23. По учебной части // БУ Иса.Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 43.
24. По учебной части // БУ Иса.Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 63.
25. Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. (Утверждены г. министром народного просвещения 4-го мая 1874 г.) // Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1888. С. 149–159.
26. Правила и объявления // ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 9.
27. Протоколы заседаний // Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. И-57. Оп. 1. Ед. хр. 194.
28. Протоколы заседаний педагогического совета // БУ Иса.Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 13.
29. Протоколы педагогического совета // БУ Иса.Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 93.
30. Протоколы педагогического совета 1899 г. // БУ Иса.Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 55.
31. Протоколы педагогического совета за 1909 г. // БУ Иса.Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 197.
32. Русский драматический театр. М., «Просвещение», 1976. 382 с.
33. Сведения о кинематографах в начальных школах // БУ Иса.Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 174.
34. Серягина Ю.С. Театральный дискурс в Сибирской периодике конца XIX — начала XX в.: немецкая драматургия (М. Дрейер, Л. Фульда, О. Эрнст) // Язык и культура. 2018. № 44. С. 87–105.
35. Стрижак О.В. Театрализация в воспитании: история вопроса // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 5 (71). С. 50–59.
36. Циркуляры и предписания // ГАТюмО. Ф. И-59. Оп. 1. Ед. хр. 11.
37. Чистюхин И.Н. Отношение христианской Церкви к театру в контексте научного исследования церковных канонов // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2016. № 3. С. 94–117.

REFERENCES

1. Adrianova T.O. *Social'nye funkcii teatra* [Social functions of the theater] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 35 (289). S. 91–94. (In Russian).

2. Baranovskaya S.A. *Teatr v kul'ture detstva: antropologicheskij podhod* [Theater in the culture of childhood: anthropological approach] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2011. № 1. S. 238–245. (In Russian).
3. Egorova M.V. *Povsednevnyaya zhizn' uchashchihsya i uchitelej Urala v XIX — nachale XX v.* [Everyday life of students and teachers of the Urals in the XIX — early XX century] M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. 216 s. (In Russian).
4. *ZHurnal zasedanij pedagogicheskogo soveta* [Journal of meetings of the Pedagogical Council] // Historical Archive of the Omsk region (BU IsA). F. 113. Op. 1. Ed. hr. 3. (In Russian).
5. *ZHurnal pedagogicheskogo soveta* [Journal of the Pedagogical Council] // BU IsA.F. 113. Op. 1. Ed. hr. 9. (In Russian).
6. *ZHurnal pedagogicheskogo soveta* [Journal of the Pedagogical Council] // BU IsA.F. 115. Op. 1. Ed. hr. 46. (In Russian).
7. *Zasedaniya pedagogicheskogo soveta* [Journal of the Pedagogical Council] // BU IsA.F. 113. Op. 1. Ed. hr. 12. (In Russian).
8. Zimin V.D. *Tendencii razvitiya teatra detej kak yavleniya iskusstva* [Trends in the development of children's theater as an art phenomenon]: Avtoref. ... kand. iskusstv. M., 2005. 26 s. (In Russian).
9. *Igra: Neperiodicheskoe izdanie, posvyashchennoe vospitaniyu posredstvom igry* [The Game: A non-periodical publication dedicated to education through the game]. Petrograd: izd. Teatral'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu, 1918–1920. № 1. 1918. 80 s. (In Russian).
10. Ishchenko O.V. *Pravila povedeniya uchashchihsya v uchebnyh zavedeniyah Zapadnoj Sibiri (poslednyaya chetvert' XIX — nachalo XX vv.)* [Rules of behavior of students in educational institutions of Western Siberia (the last quarter of the XIX — early XX centuries.)] // Aziatskaya Rossiya vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.: problemy regional'noj istorii: sbomik nauchnyh statej, posvyashchennyj 60-letiyu professora, doktora istoricheskikh nauk A.P. Tolochko. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2008. S. 179–196. (In Russian).
11. Kafanova O.B. *Dialog kul'tur v teatral'nom hronotope Tomska na rubezhe XIX–XX vv.* [The dialogue of cultures in the theatrical chronotope of Tomsk at the turn of the XIX–XX centuries] // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. 2014. № 3 (7). S. 45–64. (In Russian).
12. Kruk D.S. *Istoriya razvitiya detskogo teatra v Rossii* [The history of the development of children's theater in Russia] // Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. 2017. № 1 (24). S. 49–60. (In Russian).
13. *O komitetah nachal'nikov uchebnyh zavedenij* [About the committees of heads of educational institutions] // BU IsA.F. 32. Op. 1. Ed. hr. 69. (In Russian).
14. Olickaya D.A. *Dramaturgiya A.P. Chekhova na tomskoj scene konca XIX — nachala XX veka* [A. P. Chekhov's dramaturgy on the Tomsk stage of the late XIX — early XX century] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 152–160. (In Russian).
15. *Otnosheniya popechitelya okruga* [Relations of the trustee of the district] // State Archive of the Altai Territory (GAAK). F. 36. Op. 2. Ed. hr. 47. (In Russian).
16. *Otchet za 1893 g.* [Report for 1893] // BU IsA.F. 115. Op. 1. Ed. hr. 42. (In Russian).
17. *Otchet o sostoyanii uchilishcha za 1902 g.* [Report on the state of the school for 1902] // BU IsA.F.43. Op. 1. Ed. hr. 135. (In Russian).
18. *Perepiska o vneshkol'nyh zanyatiyah i razvlecheniyah* [Correspondence about extracurricular activities and entertainment] // State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). F. 855. Op. 1. Ed. hr. 43. (In Russian).
19. *Perepiska s popechitelem okruga* [Correspondence with the trustee of the district] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 95. (In Russian).
20. *Po uchebno-vospitate'noj chasti* [On the educational part] // BU IsA.F. 43. Op. 1. Ed. hr. 248. (In Russian).
21. *Po uchebno-vospitate'noj chasti* [On the educational part] // BU IsA.F.43. Op. 1. Ed. hr. 212. (In Russian).

22. *Po uchebnoj chasti* [On the educational part] // BU IsA.F. 64. Op. 1. Ed. hr. 12. (In Russian).
23. *Po uchebnoj chasti* [On the educational part] // BU IsA.F. 64. Op. 1. Ed. hr. 43. (In Russian).
24. *Po uchebnoj chasti* [On the educational part] // BU IsA.F. 64. Op. 1. Ed. hr. 63. (In Russian).
25. *Pravila dlya uchenikov gimnazij i progimnazij vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Rules for students of gymnasiums and progymnasiums of the Department of the Ministry of Public Education] // Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po gimnaziyam i progimnaziyam vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Spb., 1888. S.149–159. (In Russian).
26. *Pravila i ob"yavleniya* [Rules and Announcements] // GAKK. F. 349. Op. 1. Ed. hr. 9. (In Russian).
27. *Protokoly zasedanij* [Minutes of meetings] // State Archive of the Tyumen region (GATyumo). F. I-57. Op. 1. Ed. hr. 194. (In Russian).
28. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta* [Minutes of meetings of the Pedagogical Council] // BU IsA.F. 62. Op. 1. Ed. hr. 13. (In Russian).
29. *Protokoly pedagogicheskogo soveta* [Protocols of the Pedagogical Council] // BU IsA.F. 115. Op. 1. Ed. hr. 93. (In Russian).
30. *Protokoly pedagogicheskogo soveta 1899 g.* [Protocols of the Pedagogical Council (1899)] // BU IsA.F. 115. Op. 1. Ed. hr. 55. (In Russian).
31. *Protokoly pedagogicheskogo soveta za 1909 g.* [Protocols of the Pedagogical Council (1909)] // BU IsA. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 197. (In Russian).
32. *Russkij dramaticheskij teatr* [Russian Drama Theater]. M., «Prosveshchenie», 1976. 382 s. (In Russian).
33. *Svedeniya o kinematografah v nachal'nyh shkolah* [Information about cinematographies in primary schools] // BU IsA.F. 172. Op. 1. Ed. hr. 174. (In Russian).
34. Seryagina YU.S. *Teatral'nyj diskurs v Sibirskoj periodike konca XIX — nachala XX v.: nemeckaya dramaturgiya (M. Drejer, L. Ful'da, O. Ernst)* [Theatrical Discourse in the Siberian Periodicals of the Late XIX — early XX century: German dramaturgy (M. Dreyer, L. Fulda, O. Ernst)] // YAzyk i kul'tura. 2018. № 44. S. 87–105. (In Russian).
35. Strizhak O.V. *Teatralizaciya v vospitanii: istoriya voprosa* [Theatricalization in education: the history of the issue] // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2020. T. 1. № 5 (71). S. 50–59. (In Russian).
36. *Cirkulyary i predpisanija* [Circulars and regulations] // GATyumo. F. I-59. Op. 1. Ed. hr. 11. (In Russian).
37. Chistyuhin I. N. *Otnoshenie hristianskoj Cerkvi k teatru v kontekste nauchnogo issledovaniya cerkovnyh kanonov* [The Attitude of the Christian Church to the Theater in the context of a scientific study of Church canons] // Teatr. ZHivopis'. Kino. Muzyka. 2016. № 3. S. 94–117. (In Russian).

Сведения об авторах

Агафонова Анна Борисовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экологической и технологической истории НИУ Высшая школа экономики — Санкт-Петербург

Agafonova Anna Borisovna — PhD (History), Research Fellow of Laboratory for Environmental and Technological History, Higher School of Economics University — St.-Petersburg

E-mail: aagafonova@hse.ru, a.b.agafonova@gmail.com

Афанасьев Григорий Юрьевич — кандидат исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург»

Grigory Yuryevich Afanasiev — PhD (History), National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg

E-mail: greenia2006@rambler.ru

Ашихина Дарья Сергеевна — старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»

Darya Sergeevna Ashikhina — Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University

E-mail: DAshihina@surgpu.ru

Барабанова Ксения Сергеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет». Старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Barabanova Ksenia Sergeevna — PhD (History), Senior Scientist, Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University. Senior Researcher, Laboratory for Interdisciplinary Space Research, Tyumen State University.

E-mail: barabanova13@gmail.com

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий научно-исследовательской лабораторией исторических исследований БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Research Laboratory of Historical Studies "Surgut State Pedagogical University"

E-mail: egololobov@surgpu.ru

Горелко Анастасия Владимировна — лаборант-исследователь сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», Школы исследований окружающей среды и общества (Антропшкола), Тюменского государственного университета.

Gorelko Anastasia Vladimirovna — Laboratory Assistant-Researcher of the Network Research Center «Human, Nature, Technology», the School for Environmental and Social Studies (Anthroposchool), Tyumen State University.

E-mail: an.v.gorelko@utmn.ru

Ищенко Оксана Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, БУ ВО «Сургутский государственный университет»

Ishchenko Oksana Vladimirovna — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Personal Management, Surgut State University

E-mail: ischenko_ov@surgu.ru

Зыкин Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Zykin Ivan Valerievich — PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: zivverh@mail.ru

Камилянов Алексей Ростиславович — аспирант 3 курса, БУ ВО «Сургутский государственный университет», учитель истории Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 22 имени Г.Ф. Пономарева, Сургут.

Kamilyanov Aleksey Rostislavovich — 3rd year Postgraduate Student, Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra «Surgut State University», History Teacher of the Municipal Budgetary General Educational Institution of Secondary General Education School No. 22 named after G.F. Ponomarev, Surgut.

E-mail: kamilyanov2014@mail.ru

Латыпов Ринат Тавзихович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет

Latypov Rinat Tavzikhovich — PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor of Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural state university of Economics

E-mail: latypov.rinat@mail.ru

Локтева Анастасия Андреевна — преподаватель кафедры источниковедения факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института РГГУ

Lokteva Anastasia Andreevna — Lecturer of the Department of Source Studies of the Faculty of Archival Science and Documentation of the Historical and Archival Institute of RSUH

E-mail: lokteva.aa@rggu.ru

Ляхов Михаил Игоревич — аспирант, социально-гуманитарный факультет, кафедра социально-гуманитарного образования, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»

Lyakhov Mikhail Igorevich — Postgraduate, Social and Humanities Faculty, Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: lyamigor86@gmail.com

Манцеров Иван Игоревич — аспирант кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный специалист отдела информации и использования документов Российского государственного архива литературы и искусства.

Mantserov Ivan Igorevich — Postgraduate Student of the Department of Source Studies of the History and Archives Institute of Russian State University for the Humanities, Chief Specialist of the Department of Information and Use of Documents of Russian State Archive of Literature and Art.

E-mail: ivan-mancerov@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторических исследований БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»

Milevsky Oleg Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Laboratory of Historical Research «Surgut State Pedagogical University»

E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Михеев Леонид Игоревич — аспирант кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Mikheev Leonid Igorevich — Postgraduate Student, Faculty of Social and Humanities, Department of Social and Humanities Education, Surgut State Pedagogical University

E-mail: leonidregion55@yandex.ru

Михеева Юлия Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Mikheeva Yulia Sergeevna — Ph.D (History), Senior Lecturer of Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: prichodko1@mail.ru

Мостовенко Максим Станиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторических исследований БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»

Mostovenko Maxim Stanislavovich — PhD (History), Senior Researcher of the Research Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: reiseleiter@mail.ru

Нечипорук Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», Школы исследований окружающей среды и общества (Антропшкола), Тюменского государственного университета.

Nechiporuk Dmitry Mikhailovich — PhD (History), Senior Fellow of the Network Research Center «Human, Nature, Technology», The School for Environmental and Social Studies (Anthroposchool), Tyumen State University.

E-mail: nechiporuk79@mail.ru

Раздобреев Олег Валерьевич — аспирант кафедры истории России БУ «Сургутский государственный университет».

Razdobreev Oleg Valeryevich — Postgraduate Student of the Department of Russian History at the Surgut State University.

E-mail: razdobreev_ov@surgu.ru

Рашектаева Олеся Сергеевна — заместитель директора Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Rashektaeva Olesya Sergeevna — Deputy Director of the State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra.

E-mail: RashektaevaOS@gahmao.ru

Ручкин Алексей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Уральский государственный аграрный университет

Ruchkin Aleksey Vladimirovich — PhD (Sociology), Assistant Professor, Head of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

E-mail: alexeyruchkin87@gmail.com

Фаизов Артём Валерьевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

Faizov Artyom Valer'evich — PhD (History), Independent Researcher, St. Petersburg.

E-mail: historian2005ad@yandex.ru

Чуркин Михаил Константинович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»; главный научный сотрудник ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН»

Churkin Mikhail Konstantinovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University; chief researcher of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Шмыглева Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Западный филиал

Shmygleva Anna Vladimirovna — PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of Regional Economics and Management Study Department, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Western Branch

E-mail: alisa-umka@yandex.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
 - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
 - в области исторических наук: отечественная история;
 - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
 - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
 - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
 - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.
- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
 - учёное звание;

- должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
- адрес с почтовым индексом;
- контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры

атуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29-28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объем статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766> (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).
4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I. S. Turgeneva [The aphoristics of I. S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistoljarnoj publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: [http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.
- 5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЬЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor
AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor
BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor
DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)
DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)
DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor
DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor
ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor
ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic)
LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy
LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor
MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor
SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor
SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)
STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor
SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor